

ДЖИМ БАТЧЕР

ЛЕГИОНЫ
КАЛАРА

КОДЕКС АЛЕРЫ

❧ Книга 3 ❧

Джим Батчер
Легионы Калара
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Кодекс Алеры», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70304269

*Легионы Калара: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2024
ISBN 978-5-389-25063-5*

Аннотация

Жаждающий власти консул Калар поднял мятеж против Первого консула Алеры. Для того чтобы свергнуть Гая Секстуса с престола, Калар заключил союз с канимами, злейшими врагами Алерского государства.

В новом легионе, собранном со всей страны и не имеющем боевого опыта, истории и традиций, служит на скромной должности помощника трибуна под чужим именем юный Тави Кальдерон. Настоящая задача бывшего курсора – быть «глазами и ушами» Первого консула, разоблачать его врагов и срывать их планы. Тави еще не знает, что вскоре ему предстоит возглавить этот легион – последний щит Алеры – и сразиться с шестидесятитысячным войском свирепых и беспощадных канимов.

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	7
Глава 1	35
Глава 2	56
Глава 3	74
Глава 4	88
Глава 5	106
Глава 6	122
Глава 7	137
Глава 8	150
Глава 9	164
Глава 10	190
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Джим Батчер

Легионы Калара

*Люди планируют. Судьба смеется.
Из записок Гая Квартуса, Первого консула Алеры*

Jim Butcher
CURSOR'S FURY

Copyright © 2006 by Jim Butcher

Published by permission of the author and his literary agents,
Donald Maass Literary Agency (USA) via Igor Korzhenevskiy
of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрация на обложке Сергея Шикина
Карта выполнена Юлией Каташинской

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ГРОЗА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

ЛУНА СВЕТИТ БЕЗУМЦАМ

МОГИЛА В ПОДАРОК

ЛЕТНИЙ РЫЦАРЬ

ЛИКИ СМЕРТИ

КРОВАВЫЕ РИТУАЛЫ

БАРАБАНЫ ЗОМБИ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ

БЕЛАЯ НОЧЬ

МАЛЕНЬКОЕ ОДОЛЖЕНИЕ

ПРОДАЖНАЯ ШКУРА

ПЕРЕМЕНЫ

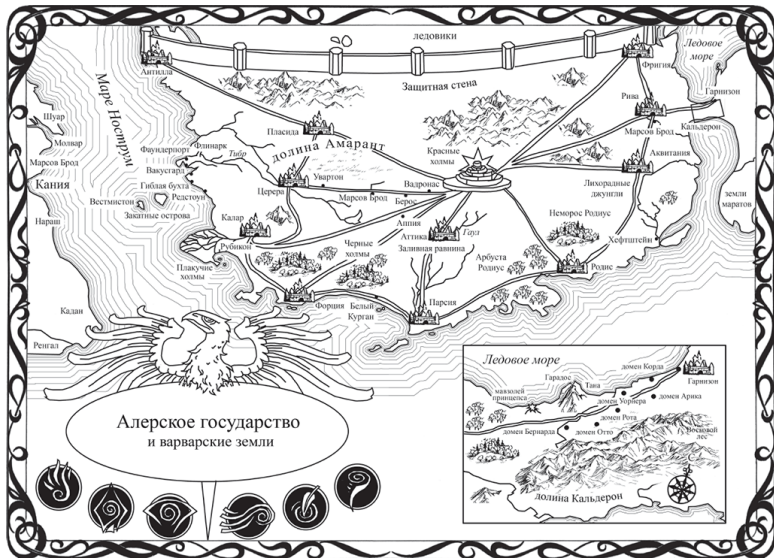
АДСКАЯ РАБОТЕНКА

ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА

ХОЛОДНЫЕ ДНИ

ГРЯЗНАЯ ИГРА

ПРАВИЛА ЧАРОПЕЙСТВА

Пролог

Тави сложил пальцы домиком и уставился на доску для лудуса. Черно-белые квадраты располагались в одиннадцать рядов и одиннадцать столбцов; раскрашенные фигурки из свинца, тоже черные и белые, выстроились на них по ранжиру. На второй доске, размером пять на пять квадратов, установленной на маленьком металлическом пруте так, что ее центр находился над центром нижней доски, находилось всего несколько фигурок. Жертвы сражения стояли на столе, рядом с доской.

Уже давно наступил миттельшпиль, фигуры подошли к той точке, где становились неизбежными размены и жертвы, ведущие к эндшпилю. Такова природа лудуса. Темные легионы Тави понесли более серьезные потери, но его позиция была выгоднее. Пока игра проходила с его преимуществом, и, если противник не задумал какую-то хитроумную ловушку, которую Тави не заметил, у него имелись превосходные шансы на победу.

Он взял одного из своих консулов и переставил на доску, изображавшую небо над полем битвы, добавляя тем самым давления на осажденные позиции белых.

Его противник издал странный звук, похожий на легкое рычание спящего хищника. Тави знал, что он означает нечто сродни смешку, который мог бы издать человек, однако он

ни на секунду не забывал, что его противник не принадлежит к человеческой расе.

Каним был огромным существом, высотой более девяти футов, если он выпрямлялся во весь рост, с темным густым мехом на всем теле, за исключением рук-лап, и лишь в тех местах, где имелись грубые рубцы, просвечивала кожа. Голова напоминала голову огромного волка, только массивнее, морда заканчивалась широким черным носом, в пасти сверкали острые белые клыки. Навостренные треугольные уши наклонились вперед, в сторону доски для лудуса. Широкий хвост нетерпеливо метался из стороны в сторону, узкие золотисто-алые глаза задумчиво изучали доску. От канима исходил необычный запах, Тави никогда не встречал ничего подобного: мускус, отдающий плесенью и ржавым металлом, хотя доспехи и оружие канима уже два года хранились под надежным замком.

Варг сидел напротив Тави на корточках, тем не менее его глаза находились на фут выше глаз человека. Они играли в скромном зале неприступной Серой башни, главной и самой надежной тюрьмы государства. Считалось, что из нее невозможно сбежать.

Тави позволил себе улыбнуться. Почти неприступной. Да и сбежать из нее *иногда* удавалось.

Как всегда, воспоминания о событиях Зимнего фестиваля двухлетней давности наполнили Тави смешанными чувствами гордости, унижения и печали. Даже сейчас в его снах

иногда появлялись воюющие чудовища и потоки крови.

Он заставил себя отвлечься от прошлых сожалений.

– Что тут смешного? – спросил он у канима.

– Ты, – ответил Варг, не отводя взгляда от доски для лудуса. Голос его был медленным, низким, слова странно пережевывались и искажались ртом и клыками. – Такой агрессивный.

– Только так можно одержать победу, – ответил Тави.

Варг протянул тяжелую руку-лапу и длинным острым когтем подтолкнул фигуру белого консула вперед. Это было ответом на последний угрожающий белым ход Тави.

– Победа есть нечто больше, чем свирепость.

Тави двинул вперед фигурку легионера, полагая, что скоро сможет начать атаку.

– Что ты имеешь в виду?

– Свирепость необходимо умирять дисциплиной. Свирепость бесполезна, если ее не использовать в нужном месте... – Варг смахнул с доски фигуру доминуса и уничтожил легионера. Затем слегка отодвинулся и сложил руки на груди. – И в нужное время.

Тави нахмурился, глядя на доску. Он рассматривал такой ход Варга, но посчитал его слишком нестандартным и непрактичным, чтобы принимать всерьез. Но тонкий маневр изменил баланс сил.

Тави обдумывал ответный ход, отбросив первые два варианта как бесперспективные. Затем, к своему смятению, он

обнаружил, что следующая дюжина вариантов ничего хорошего тоже не даст. Через двадцать ходов, которые приведут к серии разменов, станет очевидно, что численно превосходящие силы канима смогут без особых усилий выследить и захватить Первого консула Тави.

– Вóроны, – пробормотал юноша.

Черные губы Варга раздвинулись, обнажив белые клыки, имитируя алеранскую улыбку. Конечно, ни один алеранец не мог бы выглядеть таким... беззастенчиво хищным.

Тави покачал головой, продолжая рассматривать различные варианты.

– Я играю с вами в лудус уже почти два года, господин. И думал, что неплохо изучил вашу тактику.

– Да, кое в чем, – согласился Ворг. – Ты быстро учишься.

– Однако я не уверен, – сухо заметил Тави. – Что я должен был изучить?

– Мой разум, – ответил Ворг.

– Почему?

– Познай своего врага. Познай себя. Только после этого сможешь одержать победу.

Тави склонил голову набок, а Ворг молча приподнял бровь и вновь показал клыки.

– Разве это не очевидно? Мы воюем, алеранец, – сказал он без особого гнева, если не считать обычных интонаций канима, и провел рукой-лапой над доской для лудуса. – Сейчас война ведется вежливо. Но это не просто игра. Мы пробуем

свои силы друг против друга. Изучаем противника.

Тави поднял глаза и нахмурился.

– Чтобы мы знали, как лучше убить друг друга, когда наступит время, – сказал он.

Варг молчал, показывая свое согласие.

Однако Варг нравился Тави. Бывший посол был последовательно честен, во всяком случае, когда имел дело с Тави. Каним обладал несколько необычным, но очень жестким кодексом чести. С их первой встречи Варг обращался с Тави с уважением и легким удивлением. Играя с Варгом в лудус, Тави предполагал, что они лучше узнают друг друга и между ними возникнет нечто вроде дружбы.

Варг считал иначе.

Этой мысли потребовалось пять секунд, чтобы произвести на Тави отрезвляющее действие. А потом ему стало очень страшно. Каним был тем, кто он есть. Убийцей. Если его честь и цели потребуют разорвать горло Тави, он не станет колебаться ни одного мгновения, но до тех пор будет демонстрировать вежливую терпимость, пока между ними не возобновятся открытые военные действия.

– Я видел опытных игроков, которые в первые годы обучения показывали гораздо худшие результаты, – прогрохотал Варг. – Возможно, настанет день, когда ты станешь настоящим мастером.

Если, конечно, Варг и другие канимы не растерзают его на части. Тави вдруг ужасно захотелось изменить тему беседы.

– Как давно вы играете в лудус?

Варг встал и сделал несколько нетерпеливых шагов, как любой матерый хищник, оказавшийся в клетке.

– Шестьсот лет, если считать годы по-вашему. Сто, если по-нашему.

Тави разинул рот и сумел его закрыть только через пару секунд.

– Я... не знал.

Варг снова зарычал – засмеялся.

А Тави пытался придумать, что сказать. Его взгляд вернулся к доске для лудуса, и он коснулся клетки, которую использовал Варг для своего гамбита.

– Но как вам удалось это устроить?

– Дисциплина, – сказал Варг – Ты расставляешь свои фигуры так, что между ними нет взаимодействия. Слишком широко их располагаешь. И они не в силах поддерживать друг друга.

– Я не уверен, что понимаю.

Варг принялся расставлять фигуры, чтобы Тави понял, что он имел в виду. Его воины стояли ровными рядами, бок о бок. Для Тави они выглядели неуклюжими и слишком скученными, но их огневая мощь перекрывалась и компенсировала другие недостатки подобного расположения, в то время как фигуры Тави были слишком удалены друг от друга – каждая стремилась к достижению одного конкретного преимущества, чтобы доминировать на доске.

Варг восстановил исходную позицию.

– Тот же принцип применяется, когда твои легионы сталкиваются с нашими рейдерскими отрядами, – продолжал Варг, взмахами хвоста подчеркивая свои слова. – Их дисциплина компенсирует недостаток физической силы. Никакая ярость не сравнится с дисциплиной. Неразумно примененная агрессия более опасна для тебя самого, чем для врага, детеныш.

Тави хмуро посмотрел на доску и проворчал нечто неразборчивое.

– Признаёшь свое поражение? – спросил Варг.

– Игра еще не закончена, – ответил Тави.

Он не знал, как разбить позицию Варга, но считал, что, если будет продолжать на него давить, такие возможности могут появиться, или Варг сам сделает ошибку, которой Тави сумеет воспользоваться. Он поставил своего рыцаря на место доминуса Варга, начиная серию грандиозных разменов.

Через дюжину ходов Тави все еще не видел способа победить канима. Его поражение выглядело неизбежным, он соорудил гримасу и поднял руку, чтобы положить своего Первого консула на бок в знак капитуляции.

В этот момент кто-то постучал в дверь, и Тави вновь отметил, что эти покои больше похожи на обычное скромное жилище, чем на тюрьму. Здесь имелась огромная постель, способная удовлетворить канима, и даже место для чтения. Дверь распахнулась, и вошел часовой:

– Прощу меня извинить, молодой человек. Прибыл курьер из цитадели по делу Короны. Он хочет с тобой говорить.

– Ха! – сказал Тави, широко улыбнулся Варгу и опустил руку. – Долг зовет. Придется считать, что партия завершилась вничью.

Варг негромко зарычал – засмеялся и встал лицом к нему, слегка наклонив голову в сторону Тави, который повторил его жест, но более акцентированно.

– До следующей недели. Пожалуйста, извините меня, господин.

– Долг не нуждается в извинениях, детеныш, – сказал Варг.

Он обнажил клыки в улыбке, обращенной к часовому. Тот сумел не вздрогнуть, но Тави показалось, что ему пришлось сильно напрячься.

Тави отступил к двери, не поворачиваясь спиной к Варгу, выскользнул за часовым и спустился вслед за ним в небольшой кабинет, обставленный очень скромно: полки с книгами на стенах, простой стол и стулья из полированного дерева, письменный стол и столик для бухгалтерских книг с простым белым кувшином, покрытым капельками воды.

Невысокий плотный человек в красно-синей тунике старшего чиновника цитадели сидел на одном из стульев и близоруко шурился. Часовой кивнул ему, вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Тави нахмурился, изучая посланца, который показался

ему знакомым. Тави не узнал лица, но это ничего не значило, ведь в цитадели Алеры было полно народу.

Посланец слегка наклонил голову, но промолчал.

Тут Тави усмехнулся и поклонился:

– Принцепс.

Довольный посланец расхохотался, очертания его тела стали меняться, и перед Тави появился более стройный и высокий Гай Секстус, Первый консул Алеры и самый могущественный маг. У него были густые, тщательно подстриженные волосы, давно ставшие снежно-белыми, но только их цвет и морщинки в уголках глаз выдавали тот факт, что ему намного больше сорока лет. Он обладал холодной отчужденностью волка и уверенностью в своем могуществе, уме и опыте. Тави отметил, что Первый консул изменил также и свою одежду и она ему по-прежнему подходила, хотя он стал на шесть дюймов выше.

– Как ты догадался? – спросил Гай.

Тави нахмурился.

– Ваши глаза, правитель, – наконец ответил он.

– Их я тоже изменил, – парировал Гай.

– Дело не в форме и цвете, – объяснил Тави. – Просто... ваши глаза. Я их узнал. Сам не знаю как.

– Наверное, интуиция, – задумчиво проговорил Гай. – А жаль. Если бы ты обладал каким-то особенным талантом, возможно, мы сумели бы научить твоей технике остальных курсоров.

– Я поработаю над этим, правитель, – сказал Тави.

– Очень хорошо. Я хотел поговорить с тобой. Я прочитал твой анализ рапортов.

Тави заморгал:

– Принцепс? Я думал, что пишу их для дона Майлса. Меня удивляет, что они дошли до вас.

– Они и не должны были дойти. Если бы я читал все рапорты, поступающие в цитадель, мне бы пришел конец в первый же день, – сказал Гай. – Но Майлсу твои выводы показались интересными, и он передал их мне.

Тави сделал глубокий вдох:

– Вот как.

– Ты весьма убедительно показал, что настало время для выступления против самых амбициозных консулов.

– Правитель, – запротестовал Тави, – это не совсем так. Майлс хотел, чтобы я привел доводы, противоречащие его излюбленной стратегии. Я лишь помог ему найти в ней слабые места.

– Я знаю, – сказал Гай. – Но это не делает твои выводы менее убедительными. – Он нахмурился, устремив взгляд на полки с книгами. – Думаю, ты прав. Пришло время заставить консулов танцевать под мою музыку.

Тави снова нахмурился:

– Но... правитель, это может привести к настоящей катастрофе.

Гай покачал головой:

– Конфронтация неизбежна, как бы мы себя ни вели. Рано или поздно Калар или Аквитейн выступит против меня. Лучше нанести упреждающий удар в удобный для нас момент, чем ждать, когда они будут готовы.

– В целом, принцепс, – заметил Тави, – такая стратегия может потерпеть неудачу.

Гай покачал головой и улыбнулся:

– Этого не произойдет.

– Откуда вы знаете?

Первый консул приподнял бровь:

– Инстинкт.

Тави не сумел сдержать смеха.

– Да, принцепс. – Он выпрямился. – Какими будут ваши приказы?

– Нам нужно проверить, насколько хорошо подготовлена наша армия, – задумчиво проговорил Первый консул, – но ни один из легионов не начнет тренировочный цикл до следующего года. – Гай вытащил из-под туники кожаную папку и бросил ее Тави. – Тебе нужно как-то занять время. Поэтому ты отправляешься в путешествие.

Тави нахмурился и посмотрел на папку:

– Куда?

– В долину, – ответил Гай. – К руинам Аппии, если уж быть точным, чтобы поучиться у мастера Магнуса.

Тави удивленно заморгал:

– Что?

– Ты окончил свой второй семестр в Академии, и лишь великие фурии знают, как ты станешь развлекаться, если оставить тебя здесь. Я читал твой трактат о романском искусстве. Магнус тоже. Ему нужен помощник для исследований, – сказал Гай. – Я предложил твою кандидатуру, и он невероятно обрадовался, когда узнал, что сможет заполучить тебя на шесть месяцев.

– Но... правитель, мои обязанности... – ошеломленно пробормотал Тави.

Гай тряхнул головой:

– Поверь мне, я собираюсь сделать тебе подарок, Тави. Возможно, ты понадобишься мне здесь, тут многое зависит от того, как будут развиваться события. Но может быть, ты не хочешь туда ехать?

На губах Тави появилась широкая улыбка.

– Нет, правитель! Я хотел сказать, да, правитель! Для меня это честь.

– Превосходно, – проговорил Гай. – Тогда собирайся, чтобы отбыть еще до рассвета. И попроси Гаэль доставить эти письма.

Тави едва слышно ахнул. Гаэль, которая училась вместе с Тави, никогда не была Гаэлью. Настоящую Гаэль убили, дублировали и хладнокровно заменили до того, как у Тави появился шанс узнать настоящую. Шпионка, которая это сделала, была кровавым вороном консула Калара по имени Ладья. Она дружила с Тави два года, прежде чем ему стала

известна ее истинная подлая природа.

Однако Гай решил оставить ее в роли Гаэли, чтобы она передавала своему хозяину ложные сведения.

– Вы думаете, она передаст их Калару?

– Вне всякого сомнения, – ответил Гай.

– Могу я спросить?.. – пробормотал Тави.

Гай улыбнулся:

– В конверте будет обычная почта и одно письмо Аквитейну, в котором я сообщаю о своем желании усыновить его и сделать наследником.

Брови Тави поползли вверх.

– Если Калар об этом узнает и поверит в ваши намерения, вы рассчитываете, что он начнет действовать до того, как Аквитейн станет всерьез претендовать на трон.

– Он обязательно отреагирует, – согласился Гай. – Но я не уверен, как именно. Он слегка безумен, и его действия трудно предсказать. Вот почему мне необходимо как можно больше глаз и ушей на юге. И позаботься о том, чтобы моя монета постоянно находилась при тебе.

– Я понимаю, правитель, – сказал Тави, притрагиваясь к старой серебряной монете, висевшей у него на шее на цепочке. – А Гаэль?

– Если у нас все получится, ее полезность для Короны будет исчерпана, – тихо и жестко сказал Гай.

– Да, правитель, – с поклоном пробормотал Тави. – А как насчет Линялого?

Лицо Гая помрачнело.

– Почему ты спрашиваешь?

– Он со мной с тех пор... с тех пор, как я себя помню. Я так понял, что...

– Нет, – возразил Гай тоном, не допускающим возражений. – У меня есть работа и для него.

Тави долго смотрел в холодные глаза Гая, потом едва заметно кивнул:

– Слушаюсь, принцепс.

– Тогда не будем больше терять времени. – Гай встал. – Кстати, – сказал он небрежно, – ты, случайно, не спишь с посланцем маратов, Тави?

Тави почувствовал, как у него снова отвисла челюсть. Щеки стали такими горячими, что ему показалось, будто они вспыхнули огнем.

– О, правитель...

– Полагаю, ты понимаешь, какими могут быть последствия. Никто из вас не владеет магией, позволяющей избежать зачатия. И уж поверь мне, я знаю, насколько отцовство осложняет жизнь.

Тави отчаянно мечтал, чтобы у него под ногами разверзлась земля и поглотила его целиком.

– Мы... э-э-э... этого не делаем, – сказал Тави. – Есть... ну, другое. Другие вещи... Они не...

Глаза Гая засверкали.

– Общение?

Охваченный ужасом, Тави закрыл рукой лицо:

– О, проклятые вóроны. Да, принцепс.

Гай оглушительно расхохотался.

– Я смутно припоминаю эту концепцию, – сказал он. – А поскольку молодые люди никогда не умели себя сдерживать, я должен быть уверен, что вы занимаетесь другими... вещами. – Его улыбка померкла. – Но имей в виду, Тави. Она не человек. Она марат. Получай удовольствие от жизни, если не можешь иначе, но я советую тебе сильно к ней не привязываться. Твои обязанности станут еще более трудными.

Тави закусил губу и опустил глаза. От волнения он сразу не сообразил, что не увидит Китаи в течение полугода, если его отошлют. Эта мысль ему не понравилась. Совсем. Они почти каждый день находили возможность проводить время вместе. И почти каждую ночь.

Тави почувствовал, что снова начинает краснеть от одних только мыслей о Китаи. Однако он несколько удивился, когда понял, что мысль о расставании с ней ему не нравится не только из-за того, что ему придется отказаться от... альтернативного общения с ней. Китаи была красивой и завораживающей молодой женщиной, остроумной, честной и верной, и обладала удивительным умением сопереживать – прежде Тави видел подобное лишь у заклинателей воды, вроде его тети Исаны.

Она стала его другом. Более того, он был связан с Китаи невидимыми узами, вроде тех, которые связывают каждого

марата со своим тотемным существом. Все мараты, которых встречал Тави, не расставались со своими тотемами, Китаи называла их чала. Ее отца, которого звали Дорога, главу клана Гарганта, никогда не видели без огромного черного гарганта по имени Ходок. А случаи, когда Хашат, глава клана Лошади, ходила на собственных ногах, Тави мог сосчитать по пальцам одной руки.

Тави испытывал тайное беспокойство, что расставание с ним может причинить вред Китаи. Ведь после пребывания на юге ему предстоит три года прослужить в легионе и оказаться на дальних окраинах Алеры, а не в столице, где должна находиться Китаи как посол своего народа.

Три года. Потом новое назначение. И еще одно. Курсоры Короны редко проводят много времени в одном месте.

Он уже скучал по Китаи. Хуже того, он ничего не сказал Гаю о связи между ними и о том, какой вред разлука может ей причинить. Он никогда не формулировал своих подозрений Первому консулу. И если отбросить обычные тревоги, он и сам не понимал, почему инстинкты подсказывали ему, что он не должен раскрывать Гаю тайн, которые позволили бы Первому консулу манипулировать своими курсорами. Тави вырос на окраине страны, на опасных землях, где жизнь научила его доверять интуиции.

Гай видел, что Тави переполняют чувства, и кивнул. Вероятно, он решил, что дело в романтической влюбленности.

– Ты начинаешь понимать, – сказал Гай.

Тави коротко кивнул, не поднимая глаз, стараясь контролировать свои эмоции.

Гай выдохнул, принял свою измененную форму и направился к двери.

— Ты сделаешь, как захочешь, Тави, но я доверяю твоей рассудительности. Начинай собирать вещи, курсор. И удачи тебе.

* * *

Из-за не по сезону плохой погоды рыцари Воздуха, доставившие Ладью к ее господину на юг, летели медленнее, чем всегда, и она предстала перед ним только через пять дней. Все это время было для нее мучительным. Она не обладала талантом заклинательницы ветра, из чего следовало, что ей ничего не оставалось, как сидеть в замкнутом пространстве носилок и просматривать кипы документов, которые она взяла с собой.

На Ладью накатила тошнота, никак не связанная с порывами ветра, раскачивавшего носилки. Она закрыла глаза, чтобы не видеть груды донесений, которые втайне скопировала с официальных документов в столице. Некоторые она покупала у жадных дворцовых клерков. Она проникала в закрытые помещения, чтобы добыть другие. Все они содержали сведения той или иной важности, отдельные детали сами по себе ничего не значили, но, собранные вместе, давали

возможность воссоздать более-менее внятную картину с помощью донесений других кровавых вóронов.

А в итоге все они ничего не значили. Во всяком случае, теперь. Самый верхний документ в стопке делал их устаревшими и бессмысленными. Когда ее господин услышит, что ей удалось узнать, он будет вынужден действовать. Он начнет гражданскую войну, о приближении которой знал каждый алеранец, у которого была хоть капля разума. Война приведет к смерти десятков тысяч ее сограждан – в лучшем случае. Уже одно это было ужасно, но тошнота преследовала Ладью по другой причине.

Она предала друга, чтобы заполучить эту тайну. Ладья не была наивной молодой девушкой, которой прикидывалась, хотя едва ли была намного старше юноши из Кальдерона, но она успела его хорошо узнать и проникнуться к нему симпатией и уважением. Она уважала не только Тави, но и его друзей. Уже одно то, что ее дружба с ними являлась обманом, стало для нее пыткой. И если бы ее друзья узнали об истинной причине, по которой она находилась в столице, каждый без колебаний постарался бы отправить ее в тюрьму.

Или убил бы.

Ей становилось все труднее играть свою роль. Дух товарищества и легкость отношений становились все привлекательнее, и она начала подумывать о дезертирстве, несмотря на решимость сосредоточиться на других вещах. Не будь Ладья умелой заклинательницей воды, на ее подушке каждую

ночь оставались бы следы слез – и уже одно это могло бы подставить ее под удар. Но она заставляла их исчезнуть.

Именно так она поступила и сейчас, когда ее носилки начали опускаться во влажную жару позднего лета в Каларе. Она должна была выглядеть спокойной и уверенной перед своим господином, и от страха при мысли, что она не сможет ему угодить, ее еще больше затошнило. Она сжала руки в кулаки, закрыла глаза и напредила себе, что является одним из его самых ценных и успешных инструментов, от которого он не сможет отказаться.

Это не слишком помогло, но заполнило оставшееся до конца полета время, пока ее не окутал сильный овощной запах Калара, с легкой примесью гниения. Ей не требовалось выглядывать в окно, чтобы увидеть город, живущий напряженной жизнью как в сумерки, так и на рассвете. В девяти десятых города царила мерзость запустения, но закрытые носилки приземлились в оставшейся десятой части, прямо в славившейся своей роскошью башне консула. Через мгновение они уже стояли на площадке, куда приземлялись и многие другие в течение дня.

Ладья сделала глубокий вдох, заставила себя успокоиться, взяла документы, надела капюшон, чтобы скрыть лицо от случайного наблюдателя, поспешно спустилась по лестнице, пересекла двор и направилась к резиденции консула. Часовые узнали ее голос и не стали просить снять капюшон. Калар приказал им пропускать Ладью, и они страшились его

гнева. Ее сразу провели в кабинет консула.

Он сидел за письменным столом и читал. Не слишком крупный человек, он не отличался могучим телосложением, ростом немногим выше среднего, с темными волосами и глазами, как у большинства южан, и достаточно красивым лицом. На нем была рубашка из легкого, почти прозрачного серого шелка и темно-зеленые штаны, тоже шелковые. Каждый палец украшало кольцо с зелеными самоцветами, лоб окаймлял стальной венец. Бородка клинышком скрывала слабый подбородок.

Ладья знала свою роль. Она молча стояла у двери, пока через несколько мгновений Калар не поднял на нее глаза.

– Итак, – тихо заговорил он, – что привело тебя домой, Ладья?

Она отбросила капюшон, склонила голову и шагнула вперед, чтобы положить донесения на стол своего господина.

– Бóльшая их часть не представляет интереса. Но я полагаю, что верхний документ вы захотите прочитать без промедления.

Он хмыкнул и лениво протянул руку, поигрывая бумагой, но не разворачивая ее.

– Это должна быть чрезвычайно важная новость, Ладья. Каждое мгновение отсутствия на службе у Гая подвергает риску твое прикрытие. Я буду очень разочарован, если потеряю столь важный инструмент из-за того, что ты приняла неверное решение.

Ладью охватил гнев, но она сдержала его и вновь склонила голову:

– Сиятельный господин, я считаю, что данная информация важнее любого шпиона, как бы хорошо он ни проявил себя раньше. Более того, я готова поставить на это свою жизнь.

Калар слегка приподнял брови.

– Что ж, ты только что так и сделала, – тихо сказал он.

Потом он развернул документ и начал читать.

Любой человек, обладающий властью и опытом Калара, умел скрывать свои эмоции, как это делала и сама Ладья в присутствии консула. Любой, кто неплохо владеет водяной магией, может многое узнать о человеке по его реакциям, как физическим, так и эмоциональным. Само собой разумелось, что самые могущественные патриции Алеры учились прятать свои эмоции от посторонних глаз.

Но Ладье не потребовалось особых усилий, чтобы прочесть чувства Калара. Она обладала особым талантом, отточенным за годы опасной службы, и он не имел отношения к заклинанию фурий. Она не заметила никаких изменений на лице Калара, но не сомневалась, что он удивлен и даже потрясен ее новостями.

– Где ты это взяла? – спросил он.

– У дворцового пажа. Он проспал, и ему пришлось бежать к рыцарям Воздуха. Мы с ним друзья, и он попросил меня доставить это послание.

Калар покачал головой:

– И ты веришь в то, что документ настоящий?

– Да, мой господин.

Пальцы его правой руки задрожали и принялись нетерпеливо барабанить по письменному столу.

– Я бы никогда не поверил, что Гай заключит мир с Аквитейном. Он его ненавидит.

– Гай в нем нуждается, – пробормотала Ладья. – Сейчас. Необходимость может победить даже ненависть.

Ее сердце затрепетало, как только последняя фраза слетела с ее губ, отмеченная едва заметной горькой иронией. Калар ничего не заметил. Его пальцы забарабанили по столу еще сильнее.

– Еще год, и я бы сумел раздавить его за один сезон.

– Возможно, он это знает, мой господин. И пытается спровоцировать вас на преждевременное выступление.

Калар хмуро посмотрел на свои пальцы, и они постепенно успокоились. Потом он сложил сообщение один раз, еще и еще и прищурился. В следующее мгновение он ухмыльнулся, обнажив зубы в хищной улыбке:

– Так и есть. И я медведь, которого он пытается выманить. Гай, как всегда, ведет себя надменно. Он уверен, что ему известно все. – (Ладья молча кивнула.) – Ему предстоит узнать, что этот медведь значительно больше и опаснее, чем он думает. – Калар встал, дернул за шнур звонка и, махнув рукой, заставил своих фурий открыть ближайший шкаф

и положить дюжину свернутых географических карт на стол перед ним. – Передай моим командирам, что время пришло. Мы мобилизуемся и выступим в течение недели. Твои люди должны снова надавить на курсоров.

Ладья склонила голову:

– Слушаюсь, мой господин.

– А ты... – Калар улыбнулся. – У меня для тебя особое задание. Я собирался выполнить его лично, но теперь получается, что за меня отомстят другие.

– Домина? – тихо спросила Ладья.

– Сука из Кальдерона, – поправил ее Калар, и в его голосе появилась угроза.

– Слушаюсь, мой господин. Все будет сделано. – Она прикусила губу. – Мой господин... могу я?

Калар указал на дверь, ведущую из кабинета в гостиную, где он принимал гостей. Ладья пересекла кабинет и распахнула дверь в прекрасно обставленную просторную комнату с толстым ковром.

Маленькая девочка с блестящими черными волосами сидела на полу с молодой служанкой и играла в куклы. Когда дверь открылась, горничная подняла голову, встала, поклонилась Ладье и молча вышла.

– Мама! – радостно воскликнула девочка, вскочила и бросилась к Ладье, которая крепко обняла дочь. – Я скучала по тебе, мама.

Ладья сжала ребенка в объятиях еще сильнее, и по ее ще-

кам покатались горькие слезы, несмотря на твердую решимость не плакать.

– И я по тебе скучала, Маша.

– Уже пора, мама? – спросила девочка. – Мы поедem за город кататься на пони?

– Пока нет, но уже скоро, моя малышка, – прошептала она. – Скоро, я обещаю.

Девочка посмотрела на нее огромными глазами:

– Я скучаю по тебе.

Ладья обняла дочь, чтобы не видеть боли в ее глазах.

– И я скучаю. Я очень по тебе скучаю. – Она ощутила присутствие Калара у себя за спиной в дверях гостиной и повернулась к нему, не глядя в глаза. – Мне очень жаль, малышка. Не сейчас, я должна уйти.

– Но ты только что пришла! – заплакала Маша. – Вдруг ты мне будешь нужна, а я не смогу тебя найти?

– Не беспокойся, – мягко сказал Калар, но в его глазах сверкнула сталь. – Я позабочусь, чтобы дочь моей верной служанки оставалась в безопасности. Даю слово. Я очень высоко ценю твою верность.

Ладья отвернулась, заслонив своим телом Машу от Калара. Она прижала к себе плачущую девочку, и по ее щекам потекли яростные слезы ужаса.

Ладья услышала, как Калар повернулся и ушел в свой кабинет, негромко посмеиваясь.

– Больше и опаснее, чем он рассчитывал. Намного боль-

ше...

* * *

Эрен сидел за расшатанным письменным столом летнего домика с распахнутыми окнами, пот капал с его носа на лежавшие перед ним бухгалтерские счета, скапливался на кожаном ошейнике раба и периодически скатывался на тонкую рубашку. Летом на Закатных островах царила жуткая жара, но – слава великим фуриям – наконец температура начала падать. Мошкара звенела над головой Эрена, маленькие ласточки влетали в широко распахнутые окна и ловили ее. Рука у него постоянно затекала, и ему приходилось откладывать в сторону гусиное перо. Он как раз положил его на письменный стол, когда в комнату вошел невероятно худой мужчина.

– Эрен, – прорычал он, – клянусь кровавыми вóронами, я купил тебя не для того, чтобы ты сидел и глазел в окно.

Эрену захотелось сломать дураку шею, но курсор не может допустить, чтобы чувства мешали исполнению долга. Его задание состояло в том, чтобы оставаться невидимым на Закатных островах, наблюдать, слушать и отсылать донесения на материк. Он взял перо и склонил голову:

– Да, мастер Аллус. Извините. Я лишь дал чуть отдохнуть моим пальцам.

– Отдохнешь на виселице, если я увижу, что ты продолжа-

ешь лентяйничать, – заявил Аллус и подошел к невысокому шкафчику, где стояли грязные стаканы и бутылки дешевого рома.

Аллус тут же принялся пачкать стаканы еще сильнее и переводить ром, чем он занимался большую часть времени, пока Эрен работал над его запущенными бухгалтерскими книгами.

Некоторое время спустя в комнату вошел мужчина. Он не был крупным, но его сухая худощавая фигура навела Эрена на мысли о пиратах, которые терроризируют купцов и грабят их корабли, а потом прячутся в бесчисленных укрытиях, каких полно на Закатных островах. Его одежда сильно пострадала от морской соли, ветра и солнца, однако он носил и дорогие вещи – трофеи удачливого пирата.

И все же... Эрен нахмурился, не отводя глаз от книги. Мanners этого человека совсем не походили на манеры пиратов, те вели себя иначе. Этот был осторожным и трезвым и двигался как профессиональный боец, расслабленно, легко и уверенно. Эрен решил, что он вовсе не пират, скорее наемный убийца, который берет плату за смерть золотом, если его оказывается достаточно.

Аллус встал, с трудом сохраняя равновесие.

– Господин... – начал он. – Добро пожаловать в Вестмистон. Меня зовут Аллус, я старший торговый партнер...

– Ты скупщик краденого, – спокойно сказал мужчина.

Аллус возмущенно открыл рот, но ему не удалось бы об-

мануть даже ребенка.

– Добрый господин! – воскликнул он. – Я не знаю, где вы слышали такую клевету, но...

Мужчина слегка наклонил голову и пристально посмотрел на Аллуса. Хозяин Эрена был пьяницей и дураком, но не настолько, чтобы не увидеть опасности, блеснувшей в глазах гостя. Аллус смолк и нервно сглотнул.

– Ты скупщик краденого, – все так же спокойно продолжал незнакомец. – Я капитан Демос. Мне нужно продать кое-какие товары.

– Конечно, – поспешно ответил Аллус. – Почему бы вам не доставить их сюда, и я с радостью дам вам за них честную цену.

– Я не допущу обмана, – продолжал незнакомец, вытащил из кармана листок бумаги и бросил его к ногам Аллуса. – Вот список. Ты продашь товары по моим ценам или купишь их сам до моего возвращения через три недели. В качестве платы за услуги я отдам тебе десятую часть. Если ты обманешь меня на один медяк, я перережу тебе глотку.

Аллус сглотнул.

– Понятно.

– Я не сомневался, что ты все поймешь правильно, – сказал незнакомец.

Аллус взял список, прочитал его и поморщился.

– Капитан, – осторожно заговорил он, – на востоке вы получите цену выше.

– Я не плаваю на восток, – сказал незнакомец.

Эрен вздохнул и окунул перо в чернильницу, стараясь выглядеть уставшим и несчастным, чтобы скрыть охватившее его возбуждение. Вестмистон был самым западным населенным пунктом на Закатных островах. Все остальные поселения, расположенные западнее, принадлежали канимам. Их главный торговый порт находился в десяти днях плавания от Вестмистона, а в это время года на одиннадцать дней больше.

Три недели.

Капитан Демос что-то вез канимам.

– Пойдем, – сказал капитан Демос. – Захвати своего раба и тележку. Я уплываю через час.

Глава 1

Тави тянул веревку с такой силой, что ему казалось: еще немного – и спина не выдержит напряжения.

– Скорее! – простонал он сквозь стиснутые зубы.

– Нельзя спешить, когда речь идет об истинном обучении, мой мальчик, – сказал старик, стоявший на коленях у фиксатора механизма. Магнус еще немного повозился с ним, и наконец грубо выкованный металл заскрежетал по металлу. – Исследование есть сущность Академии.

Все тело Тави покрылось потом.

– Если ты в самое ближайшее время не вытащишь шток, рукоять выскользнет и забросит тебя очень далеко, – прорычал Тави.

– Чепуха, мой мальчик. Я стою в стороне. Он расколется на части, как предыдущий, – проворчал Магнус. – Ну вот и все. Здесь нельзя спешить.

Тави медленно ослабил давление на веревку, хотя его руки и спина молили об отдыхе. Длинное деревянное плечо устройства дрожало, но оставалось согнутым и готовым распрямиться. Тяговый трос, проходивший через несколько вращающихся колес, которые сделал Магнус, провис до земли.

– Вот видишь? – с гордостью сказал мастер. – Ты все сумел сделать сам.

Тави покачал головой, с трудом переводя дыхание:

– Я все равно не понимаю, как работают колеса.

– Они концентрируют твою силу, – пояснил Магнус. – Ты вытягиваешь сорок футов каната, чтобы переместить плечо на пять футов.

– Я могу и сам сделать вычисления, – сказал Тави. – Просто... это выглядит неправдоподобно. Мой дядя лишь с огромным трудом сумел бы разогнуть эту штуку, а он сильный заклинатель земли.

– Наши предки знали свое дело, – рассмеялся Магнус. – Если бы только Ларус мог это видеть... У него бы пена пошла изо рта. Давай, парень. Помоги мне с боеприпасами.

Тави и Магнус с кряхтением подняли камень весом более пятидесяти фунтов и положили в чашу на конце плеча механизма, а потом отошли в сторону.

– Может быть, стоило использовать части, которые делали настоящие ремесленники.

– Никогда, никогда, – пробормотал Магнус. – Мы должны обойтись без их помощи, иначе Ларус и ему подобные опозорят нас, ссылаясь на один этот факт. Нет, мой мальчик, это должно было быть сделано точно так же, как это делали римляне, точно так же, как сама Аппия.

Тави крякнул. Они находились среди развалин города его предков, построенного из камня вокруг вершины древней горы, которая сейчас напоминала большой холм. Стены дюжин и дюжин домов, превращенные временем и стихиями в

зазубренные обломки, теснились со всех сторон. Трава и деревья выросли среди руин и старых городских стен. А между ними разгуливал, вздыхая, ветер — непрестанная грустная песнь сожалений. Олени бродили по древним улицам, лишь при взгляде издалека напоминавшем о том, что они творение рук человеческих. Во время нечастых бурь животные прятались среди развалин. Птицы вили гнезда на статуях, чьи черты стерло время.

Камни, которые использовали при строительстве Аппии, не имели плавных очертаний и точных углов, характерных для камней, обработанных фуриями, а были сложены из камней меньшего размера, на которых сохранились следы инструментов. А еще на них имелись высеченные тексты, Магнус умудрился их обнаружить под развалинами того, что называлось «карьерями». Другие гравировки, которые по-видимому, изображали римлян в действии, пережили годы выветривания в тишине пещер, и именно на одном из таких резных изображений Магнус и Тави увидели боевую машину, сражавшуюся с чудовищным великаном с рогами.

Так или иначе, но все, что Тави узнал, указывало, что предки алеранцев, как и он, вообще не владели магией. Этот факт был настолько очевиден, что Тави хотелось кричать от разочарования всякий раз, когда он думал о том, как «ученые», вроде мастера Ларуса в Академии, небрежно отбрасывали данное утверждение, даже не пытаясь изучить доказательства.

Вот почему Магнус настоял на том, чтобы использовать только примитивный и не слишком эффективный ручной труд при строительстве боевой машины. Он хотел, чтобы ни у кого не возникло никаких шансов отрицать, что создание подобных устройств возможно без заклинания фурий.

– Я понимаю, почему мы должны сделать именно так, господин. Но у римлян было гораздо больше навыков, чем у нас. Вы уверены, что наша машина будет работать?

– О, я уверен настолько, насколько это возможно, – ответил Магнус. – Наша арматура прочнее, а балки толще. И машина надежнее предыдущей.

Предыдущая попросту развалилась на части, когда они ее испытывали. Нынешняя модель, пятая по счету, была значительно более мощной.

– Из чего следует, что при взрыве она разлетится на большее число осколков. А их удары окажутся более сильными.

Они переглянулись, затем Магнус крикнул и привязал конец веревки к стержню, который удерживал плечо. Потом они отошли на двадцать шагов.

– Держи, – сказал Магнус, протягивая конец веревки Тави, – в прошлый раз это делал я.

Тави с опаской взял веревку и обнаружил, что улыбается.

– Китай хотела бы на это посмотреть. Готовы?

Магнус ухмыльнулся как безумец:

– Готов!

Тави дернул за веревку, стержень выскочил, механизм

вздрогнул, его плечо рванулось вперед и швырнуло снаряд по крутой дуге. Он задел пару камней на верхней части полуразрушенной стены и исчез с другой стороны.

Магнус радостно завопил и затанцевал, размахивая руками:

– Ха! Она работает! Ха! Я безумец, да?

Тави рассмеялся и спросил у Магнуса, как далеко машина могла забросить камень, но тут он кое-что услышал и повернул голову, пытаясь понять, что происходит.

Где-то по другую сторону холма мужчина изрыгал злобные проклятия в утреннее весеннее небо.

– Мастер... – начал Тави.

Прежде чем он успел произнести хотя бы еще одно слово, тот же камень взвился в воздух и полетел в их сторону.

– Мастер! – закричал Тави.

Он схватил Магнуса за старую домотканую тунику и оттащил подальше от машины.

Камень разминулся с ними на несколько дюймов и врезался в машину. Затрещало дерево, застонал металл. От камня отлетел осколок размером с кулак и ударил Тави в руку с такой силой, что у него онемело плечо. Он прикрыл своим телом старого мастера.

– Ложитесь на землю! – прокричал Тави.

Магнус еще не успел упасть на землю, а Тави уже вытащил из-за пояса пращу и гладкий тяжелый свинцовый шар, когда холм обогнул всадник с обнаженным клинком в руке.

Продолжая выкрикивать проклятия, он устремился в атаку. Тави начал раскручивать пращу, но в самый последний момент успел схватить ее свободной рукой.

– Антиллар Максимус! – закричал он. – Макс! Это я!

Атакующий всадник так сильно натянул вожжи, что несчастное животное, наверное, разбило нижнюю челюсть о грудь. Лошадь затормозила на мягкой земле, подняв огромную тучу пыли.

– Тави! – вскричал молодой человек, сидевший в седле. В его голосе радость боролась с гневом. – Вóроны, что ты делаешь? Это ты бросил камень?

– Можно и так сказать, – ответил Тави.

– Ха! Неужели ты наконец овладел простейшей магией земли?

– Еще лучше, – сказал Тави. – У нас появилась римская боевая машина. Точнее, она у нас была, – поправился он, взглянув на обломки.

Макс разинул рот, но не нашелся что сказать. Это был молодой человек, полностью вошедший в возраст, высокий и сильный, с мощными челюстями, сломанным несколько раз носом и волчьими серыми глазами, и, хотя Макса никто не назвал бы красивым, лицо его обладало удивительной привлекательностью.

Он спрятал меч в ножны и соскочил на землю.

– Римлики? Те парни, которые, по-твоему, не обладали никакими способностями к магии, так же как ты?

– Этот народ называл себя римлянами, – поправил его Тави. – А то, что они сделали, называют римским. И да. Хотя меня удивляет, что ты хоть что-то запомнил со времен обучения в Академии.

– Не надо меня в этом винить. Я делал все, что в моих силах, чтобы этого не произошло, но некоторые лекции заминались сами собой, – сказал Макс, не спуская глаз с Тави. – Знаешь, ты едва не снес мне камнем голову. Я упал с лошади. Со мной такого не случалось с тех пор...

– С тех пор, как ты в последний раз напился, – с усмешкой перебил его Тави и протянул ему руку.

Тот улыбнулся в ответ и пожал протянутую ладонь:

– Фурии, Кальдерон. Ты все еще растешь. Ты стал таким же высоким, как я. Ты уже слишком стар для этого.

– Должно быть, пытаюсь компенсировать потерянное время, – сказал Тави. – Макс, ты знаком с мастером Магнусом? Магнус поднялся с земли, отряхнул пыль и нахмурился:

– Этот умственно отсталый – сын Антиллуса Раукуса?

Макс повернулся к старику и, к удивлению Тави, ужасно покраснел, несмотря на загар.

– Господин, – смущенно сказал Макс, наклонив голову. – Вы один из тех людей, которым мой отец просил передать свое почтение, если я с вами встречаюсь.

Магнус изогнул серебристую бровь.

Макс посмотрел на развалины машины:

– Хм... сожалею о вашей... римской штуковине.

– Это боевая машина, – жестко сказал Магнус. – Римская боевая машина. Мы нашли гравировки на камнях, где ее называют мулом. Однако, возможно, мы что-то напутали, поскольку в ранних текстах таким же словом римляне называют солдат своих легионов... – Магнус покачал головой. – Я снова отвлекся, прошу меня простить. – Старик посмотрел на изувеченное устройство и вздохнул. – Когда ты в последний раз разговаривал с отцом, Максимус?

– Примерно за неделю до того, как сбежал и вступил в легион, господин, – ответил Макс. – Около восьми лет назад.

Магнус укоризненно фыркнул:

– Насколько я понял, тебе известно, почему он с тобой не разговаривает?

– Да, – тихо ответил Макс; Тави уловил печаль в голосе друга и сочувственно поморщился. – Господин, я буду рад исправить вред, который причинил.

– В самом деле? – Глаза Магнуса заблестели. – Это очень щедрое предложение.

– Конечно, – кивнул Макс. – Это не займет и минуты.

– Ничего подобного, – возразил Магнус. – Полагаю, этот проект займет недели. – Он приподнял брови и спросил у Макса: – Тебе, конечно, известно, что мои исследования предполагают использование только римских методов. Никаких заклинаний фурий.

Макс, собравшийся повернуться к боевой машине, застыл на месте:

– Что?

– Только мускулы и пот, – весело сказал Магнус. – Начиная от обработки дерева и кончая металлической арматурой. Мы ее восстановим. Только следующая должна быть в два раза больше, поэтому я рад, что ты предложил свою...

Тави уловил краем глаза какое-то движение, и все инстинкты его тела закричали об опасности.

– Макс! – выкрикнул Тави и прыгнул на мастера.

Макс развернулся, его меч вылетел из ножен с быстротой, на которую способен лишь заклинатель ветра, его рука сделала два еле заметных движения, и Тави услышал хруст – Макс разрубил две тяжелые стрелы; только заклинателю металла было по силам сделать это с такой точностью. Затем Макс отскочил в сторону.

Тави спрятался вместе с мастером за невысокой полуразрушенной стеной, оглянулся через плечо и увидел Макса, стоявшего спиной к толстой каменной колонне, которая обломилась на высоте в семь или восемь футов от земли.

– Сколько? – спросил Тави.

– Двое, – ответил Макс, присел на корточки, положил руку на землю, закрыл глаза и доложил: – Один обходит нас с запада.

Взгляд Тави метнулся в указанную сторону, но он никого там не заметил – только деревья, кустарник и поваленные стены.

– Рыцарь Дерева! – сказал он. – Я его не вижу!

Макс шагнул в сторону от колонны и едва успел метнуться обратно, когда на уровне его горла мимо просвистела стрела.

— Проклятые вóроны, вонючие заклинатели дерева, — про-
бормотал он. — Ты видишь лучников?

— Конечно. Мне нужно только высунуть голову и оглядеть-
ся, Макс, — ответил Тави.

Порывшись в висевшем на поясе мешочке, он достал маленькое зеркало, которым пользовался для бритья, поднял его над руинами стены левой рукой и повел им из стороны в сторону, стараясь уловить отражения лучников. Он нашел противника через пару секунд. Очевидно, они стали невидимыми благодаря фуриям дерева, но отказались от защиты, чтобы сосредоточиться на точности стрельбы. Через полсекунды после того, как Тави их обнаружил, еще одна стрела разбила зеркало и едва не рассекла кончик его пальца до кости.

Тави отдернул руку, сжимая окровавленный палец. Стрела лишь задела его, но крови было много, и он знал, что боль будет сильной.

— Тридцать ярдов к северу от тебя, в развалинах с треугольной дырой в стене.

— Следи за флангом! — крикнул Макс и взмахнул рукой за колонной.

Огонь сорвался с его пальцев, расцвел огромным облаком и понесся в сторону лучников. В панике заржала лошадь Макса и поскакала прочь. А Макс выскочил из-за колонны

вслед за облаком огня.

Тави услышал, как на западе камень ударил о камень, и приподнялся, держа наготове пращу.

– Вы слышали? – прошептал он Магнусу.

– Да, – проворчал Магнус. – Если я сумею определить, где он находится, ты его достанешь?

– Думаю, да.

– Ты думаешь? – спросил Магнус. – Но если я сумею его выманить, он всадит стрелу мне в глаз. Так ты сможешь его достать или нет?

– Да, – ответил Тави и сам удивился тому, как уверенно прозвучал его голос. Более того, он знал, что достанет противника. – Если вы мне его покажете, я с ним разберусь.

Магнус глубоко вздохнул, коротко кивнул, встал и взмахнул рукой в направлении последнего лучника.

Земля задрожала и загудела, но не как при землетрясении, а как собака, отряхивающаяся после купания. В пятидесяти ярдах от них над землей за клубилась пыль и облепила мужчину, присевшего на корточки возле папоротников, всего в двадцати шагах от них.

Он встал, поднял лук и прицелился в старого мастера.

Тави вскочил на ноги, взмахнул пращой, и воздух со свистом рассекла тяжелая свинцовая сфера.

Запела тетива спущенного лука.

Тяжелый снаряд из пращи угодил в цель с глухим ударом.

Стрела ударилась в скалу, находившуюся в двух футах за

спиной мастера Магнуса.

Покрытый пылью заклинатель дерева сделал короткий шаг в сторону, и его рука потянулась к другой стреле в колчане за плечом. Но прежде чем ему удалось сделать новый выстрел, его колени подогнулись, словно по собственной воле, он рухнул на землю, и мертвые глаза уставились в небо.

С севера послышался звон стали, а следом раскат грома. Послышался крик, который тут же смолк.

– Макс! – позвал Тави.

– Они мертвы! – крикнул в ответ Макс. – А что лучник с фланга?

Тави облегченно вздохнул, услышав голос друга.

– Ему конец, – ответил Тави.

Магнус поднял руки и посмотрел на отчаянно дрожавшие пальцы. Он медленно сел на землю, словно ноги его не держали, вздохнул и прижал руку к груди.

– Сегодня я кое-что узнал, мой мальчик, – тихо сказал он. – Я узнал, что слишком стар для таких вещей.

Макс обогнул угол соседнего развалившегося здания и подошел к третьему лучнику. Алая кровь сверкала на клинке друга Тави. Макс опустился на колени возле тела, вытер меч о его тунику, убрал оружие в ножны и поспешил к Тави и Магнусу.

– Он мертв, – доложил Макс.

– Остальные? – спросил Магнус.

Макс мрачно улыбнулся:

– Тоже.

– Вóроны, – вздохнул Тави. – Нам бы следовало сохранить одному жизнь. Трупы нам ничего не расскажут.

– Разбойники? – предположил Магнус.

– Разбойники, обладающие такой магией? – спросил Макс и покачал головой. – Не знаю относительно третьего, но первые два искусные лучники. Мне повезло, что они одновременно пытались спрятаться и сделать два выстрела. Такие мастера не станут разбойничать, ведь за службу в любом легионе им заплатят хорошие деньги. – Он прищурился и посмотрел на покрытый пылью труп. – Проклятье, чем ты его ударил, Кальдерон?

Тави показал ему пращу.

– Ты шутишь?

– Я с ней вырос, – сказал Тави. – Однажды, когда мне было шесть, я убил большого самца слайва, который хотел сожрать ягненка моего дяди, двух лютоволков и рысь. И еще я отпугнул танадента. С тех пор как мне исполнилось тринадцать, я не пользовался пращей, но в последнее время снова стал тренироваться, чтобы охотиться на пернатую дичь для мастера и себя.

– Ты мне никогда об этом не рассказывал, – проворчал Макс.

– Горожане не пользуются пращами. У меня и без того хватало проблем в Академии, а если бы кто-то узнал, что я владею оружием деревенщины...

– Однако ты с ним с легкостью разобрался, – заметил Макс. – Ничего себе оружие деревенщины!

– Верно, – добавил Магнус, успевший отдышаться. – Превосходный выстрел.

Тави устало кивнул:

– Благодарю.

Он посмотрел на свой окровавленный палец, который начал распухать и пульсировать от сильной боли.

– Бóроны, Кальдерон, – сказал Макс. – Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты перестал кусать ногти?

Тави соорудил гримасу и достал платок:

– Помоги.

– Зачем? Ты не слишком хорошо о них заботишься.

Тави приподнял бровь.

Макс рассмеялся и завязал палец Тави.

– Нужно остановить кровь и очистить рану от грязи. Потом мне понадобится ведро с водой, чтобы ее залечить.

– Позже. – Тави поднялся на ноги и повернулся в сторону двух лучников. – Пойдем. Может быть, у них есть какие-то вещи, которые помогут нам выяснить, кто они такие.

– Не стоит, – пробормотал Макс, глядя в пространство, и его голос прозвучал совсем тихо. – У нас уйдет неделя, чтобы собрать все кусочки.

Тави сглотнул, кивнул и подошел к человеку, которого убил из пращи.

Свинцовая сфера угодила ему точно меж глаз с такой си-

лой, что в голове у него что-то лопнуло, белки наполнились кровью и тонкая алая струйка вытекла из одной ноздри.

Он оказался моложе, чем Тави ожидал, едва ли намного старше самого Тави.

Тави его убил.

Убил человека.

Его затошнило, и он отвернулся, попытавшись взять себя в руки. Однако эту схватку Тави проиграл, он сделал несколько неуверенных шагов в сторону, и его вырвало. Затем он запер чувство отвращения и вины в укромный уголок своего сознания. Вернувшись к труп, он тщательно его обыскал, заставив себя забыть обо всем остальном.

Тави не осмеливался думать о том, что сделал. Его желудок был полностью опустошен.

Закончив, он вернулся к мастеру и Макс, изо всех сил стараясь не переходить на бег.

– Ничего, – тихо сказал он.

Макс разочарованно вздохнул:

– Вóроны. Хотелось бы знать, за кем они охотились. Наверное, за мной. Если бы они появились здесь до меня, то могли бы с тобой покончить.

– Не обязательно, – спокойно возразил Магнус. – Возможно, кто-то приказал им выследить тебя, чтобы ты навел их на одного из нас.

Макс посмотрел на Магнуса, отвернулся и вздохнул:

– Вóроны.

– В любом случае, – вмешался Тави, – возможно, нам все еще угрожает опасность и не стоит здесь оставаться.

Макс кивнул.

– Что ж, у меня нет возражений, – сказал он. – Верховные власти послали меня передать тебе приказ, Тави.

– Какой?

– Мы отправляемся к Черным холмам на южной окраине Пласиды. Там формируется новый легион, и Гай хочет, чтобы ты служил в нем.

– Когда?

– Вчера.

– Это не понравится моим тете и дяде.

– Ха! – сказал Макс. – Ты имел в виду, что это не понравится Китаю.

– И ей тоже. Она...

Магнус вздохнул:

– Бóроны, Антиллар. Сделай так, чтобы он не начал снова говорить об этой девушке. Он и так не замолкает.

Тави хмуро посмотрел на Магнуса:

– Я как раз собирался сказать, что она должна была приехать вместе с моей семьей на нашу встречу в Церере в следующем месяце. Мне их будет не хватать.

– А пропустить это – плохо? – Макс наморщил лоб. – Ладно, я забыл. Твоя семья любит, когда ты проводишь с ней время.

– Я разделяю их чувства. Я не видел родных больше двух

лет, Макс. — Тави покачал головой. — Постарайся меня понять. Я знаю, что это важно, но... два года. Кроме того, не думаю, что из меня получится хороший легионер.

— Никаких проблем, — заметил Макс. — Ты будешь офицером.

— Но я даже не отслужил обязательный срок. Никто не может сразу стать офицером.

— Ты станешь, — сказал Макс. — Ты отправишься туда не под своим именем. Гай хочет получить глаза и уши среди командования легиона. И ты ими станешь. Под чужим именем, понятно?

Тави заморгал:

— Почему?

— Это легион, организованный по новому принципу, — продолжал Макс. — Аквитейн сумел протащить идею через Сенат. Ты будешь служить в Первом алеранском легионе. Рядовых и офицеров набирают из волонтеров разных городов в равных долях. Идея состоит в том...

Тави кивнул:

— Я понял. Если в легионе соберутся люди из всех городов, то он не будет представлять собой угрозы для какого-то одного города. Обязательно найдутся легионеры и офицеры, готовые за него постоять.

— Верно, — сказал Макс. — Поэтому Алеранский легион будет перемещаться туда, где возникнут проблемы, не взъерошивая ничьих перьев.

Тави покачал головой:

– Интересно, с какой стати Аквитейн поддерживает создание такого легиона?

– А ты подумай, – предложил Макс. – Целый легион, сформированный со всей Алеры, проходит подготовку рядом со сферой влияния Калара. Люди постоянно приходят и уходят, письма и гонцы путешествуют по всей стране. Вот и посчитай.

– Шпионаж во всей своей красе, – кивнул Тави. – Аквитейн сможет покупать и продавать секреты, как лакомства во время Зимнего фестиваля, а поскольку шпионы будут рядом с Каларом и далеко от Аквитейна, он получит гораздо больше данных о Каларе, чем тот о нем.

– И Гай хочет об этом знать.

– Что-то еще? – спросил Тави.

– Нет. У старика есть недостатки, но он никогда не подавлял инициативу своих подчиненных. Речь идет о совершенно новом легионе. Без боевого опыта, без знамени, истории и традиций. И ты не будешь выделяться среди других молодых и неопытных офицеров.

– И каким офицером мне предстоит стать?

– Третьим помощником трибуна, отвечающим за логистику.

Магнус поморщился.

Тави вопросительно посмотрел на мастера.

– Плохо? – спросил он у Макса.

Макс ухмыльнулся, и Тави его улыбка показалась злое-щей.

– Это... хорошо. Скажем так: тебе всегда будет чем за-няться.

– Ну замечательно, – ответил Тави.

– Я поеду с тобой, под своим именем, – сказал Макс. – Как центурион буду обучать легионеров обращаться с оружием. – Он кивнул Магнусу. – Вы тоже, мастер.

Магнус изогнул бровь:

– Неужели?

– Как старший слуга, – сказал Макс.

Магнус вздохнул:

– Что ж, могло быть намного хуже. Вы даже не представляете, сколько раз мне доводилось работать на кухне.

Тави изумленно посмотрел на Магнуса:

– Мастер... я знаю, вы были советником Первого консула, но... вы курсор?

Магнус с улыбкой кивнул:

– Неужели ты думаешь, что я в течение двенадцати лет поил вином и элем купцов только из-за того, что мне было скучно, мой мальчик? Пьяные купцы и их охрана часто обладают очень интересными сведениями.

– Но вы никогда мне не рассказывали, – пробормотал Та-ви.

– В самом деле? – В глазах Магнуса мелькнул смех. – Я уверен, что говорил.

– Нет, – сказал Тави.

– Нет? – Магнус пожал плечами, продолжая улыбаться. – Ты уверен?

– Да.

Магнус театрально рассмеялся:

– А я думал, что рассказывал. Ну что тут поделаешь? Говорят, сначала человек теряет память... – Он огляделся по сторонам. – Однако я буду скучать по этому месту. Поначалу моя работа здесь была лишь прикрытием, но пусть меня заберут вóроны, если мне она не пришлась по нраву.

Тави покачал головой:

– А разве я не должен знать каких-то вещей о военной службе, если мне предстоит играть роль офицера? Вдруг мне прикажут кем-то командовать?

– Ты офицер только на словах, – заверил его Макс. – Все будут тобой помыкать, так что не тревожься о необходимости отдавать приказы. Но тебе следует знать некоторые вещи. Я расскажу по дороге. И этого будет достаточно, чтобы ты смог прикидываться, пока не войдешь в курс дела.

Магнус поднялся на ноги:

– Ну ладно, парни. Мы попусту тратим время, скоро стемнеет. К тому же могут появиться другие убийцы. Максимус, поймай свою лошадь и посмотри, не оставили ли наши гости где-нибудь поблизости лошадей, на которых они сюда заявились. Я возьму еды на первое время. Тави, собери вещи.

И они занялись сборами. Тави сосредоточился на седель-

ных сумках, ранцах, одежде и снаряжении, проверил оружие. Они навьючили лошадей убийц, как только Макс сумел их отловить, и вскоре после полудня все трое пустились в путь, ведя за собой запасных лошадей. Макс сразу задал быстрый темп.

Тави пытался сосредоточиться на деле, но мешала пульсирующая боль в пальце. Перед тем как они перевалили через вершину холма, Тави оглянулся на развалины Аппии.

Среди руин он разглядел покрытый пылью труп лучника.

Глава 2

Амара не видела графа Кальдеронского несколько месяцев. Когда она вместе с эскортом рыцарей Воздуха спустилась в долину Кальдерон, к гарнизону – крепости, где жил Бернард, она почувствовала, как ее охватывает трепет.

К удивлению Амары, гарнизон заметно разросся, хотя со времени ее последнего визита прошло всего несколько недель. В палаточном городке на алеранской стороне крепости появилось много деревянных домов, и она отметила, что Бернард сумел найти деньги, нанял заклинателей земли и они начали возводить здания из камня, которые обеспечат жителям защиту от смертельно опасных фурий, обитающих на границах страны.

Но больше всего ее поразили изменения, произошедшие за стенами крепости. Везде были расставлены палатки, образуя открытый рынок, и несколько сот человек сновали вокруг них, занимаясь куплей-продажей, как в обычный базарный день. В этом не было ничего такого уж необычного. Шокирующим было то, что большинство из тех, кто бродил по импровизированному рынку, были маратами.

Бледные варвары и их звери представляли собой редкую, но исключительно серьезную угрозу с точки зрения алеранской истории. Всего лишь двадцать лет назад их вторгшиеся орды уничтожили Коронный легион, который не успел приий-

ти в себя после тяжелых потерь предыдущей кампании. Тысячи легионеров и сопровождавших легион людей, а также фермеров из соседних долин погибли за один день, в том числе и принцепс Гай Септимус, а также все его командиры, за исключением дона Майлса, ставшего командиром нового легиона.

Это было одно из самых горьких поражений Алеры, и хотя Первый консул и его легион очистили долину от маратов, ничто не могло вернуть его сына и наследника. Алеранцы были разбиты. Погиб будущий Первый консул. Алеранцы ненавидели своих соседей-варваров.

И все же здесь были корабейники и купцы, которые торговались с маратами так же, как если бы они находились в любом другом городе страны. Лошади и две дюжины массивных гаргантов лениво паслись на равнине, уходившей к землям маратов. Дюжина волков грелась в лучах утреннего солнца на холме, усыпанном камнями, в полумиле от города. Клань Лошади и Гарганта в большей степени, чем другие мараты, являлись союзниками алеранцев – точнее, союзниками Бернарда, графа Кальдеронского, и в их присутствии здесь не было ничего необычного. Однако Амара не ожидала увидеть тут представителей клана Волка, самого примитивного и кровожадного из всех маратов и, главное, считавшего себя извечным врагом Алеры.

Она подумала, что, похоже, времена меняются, возможно к лучшему, и испытала прилив гордости за Бернарда, кото-

рый входил в число людей, способствовавших переменам.

Амара старалась оставаться расслабленной и спокойной, но, несмотря на все усилия, обнаружила, что на сотню ярдов опередила свой эскорт. Часовой над воротами узнал ее и помахал рукой, приглашая в гарнизон еще прежде, чем она успела произнести свое имя. После ее многочисленных визитов к графу Кальдеронскому большинство легионеров знали ее в лицо, особенно ветераны центурии Джиральди. Их осталось всего шестьдесят, они являлись единственной центурией Алеры, сумевшей дважды получить алые нашивки ордена Льва за отвагу, и демонстрировали всем двойной красный знак на форме с гордостью и легким внешним пренебрежением, с которым другие легионеры носят оружие и доспехи.

Амара спустилась во двор, попросив Циррус, свою фурию, особенно плавно поставить ее на землю, что позволило ей изящной походкой пересечь двор и подняться в покои графа. Она шла по лестнице, шагая через две ступеньки, хотя понимала, что выглядит как молоденькая девушка, стремящаяся поскорее оказаться в объятиях юного любовника, но ничего не могла с собой поделать.

Еще до того, как она оказалась на верхней площадке лестницы, дверь наверху распахнулась, и она увидела Бернарда, крупного широкоплечего мужчину с темными волосами и бородой, коротко подстриженными по моде легиона, в которых тут и там виднелась преждевременная седина. На мужественном загорелом лице появилась широкая улыбка, и он

подхватил Амару на руки, словно она весила не больше новорожденного ягненка. Она обняла его за шею и спрятала лицо на плече, вдыхая его запах: кожа, свежескошенная трава и древесный дым.

Бернард внес ее внутрь, в свой простой, но просторный кабинет, и Амара захлопнула дверь ногой.

Как только они остались вдвоем, она взяла его лицо в ладони и поцеловала в губы медленно, долго и страстно. Он вернул его, и Амара почувствовала, как в нем нарастает страсть.

– Ты уверена, – прошептал он, – что это лучший способ скрыть наш брак?

Амара с улыбкой посмотрела на Бернарда, потом прижалась к нему и легонько укусила в шею.

– Неужели женатые люди так себя ведут? – прошептала она, расстегивая пуговицы на его тунике.

– Но сейчас никто нас не видит, – прорычал он, перемещая Амару так, чтобы удерживать ее одной рукой.

Вторая рука Бернарда скользнула к ее бедру.

– Я люблю все делать тщательно, – ответила она; ее губы продолжали скользить по его коже, а дыхание стало прерывистым. – Это самый безопасный способ.

Ее муж зарычал еще громче, повернулся и усадил ее на край дубового письменного стола. Амара слышала шорох стали – Бернард вытащил из ножен кинжал и положил рядом с Амарой на стол.

– Бернارد, не... – запротестовала она.

Его губы накрыли губы Амары обжигающим поцелуем, и она смолкла. Бернارد распахнул тяжелую кожаную куртку для полетов, одна рука легла на талию Амары, вынуждая ее изогнуть тело, чтобы встретить его губы, и он погладил ее через тонкий муслин блузки. Его зубы коснулись ее сосков, она испытала мучительно острое наслаждение, и внезапно на нее нахлынула такая жаркая волна, что она лишилась способности говорить, а с ее губ слетел стон желания.

Амара обнаружила, что ее бедра прижимаются к его бедрам, он же взял нож и быстрыми, уверенными движениями разрезал шнурки, связывавшие швы на ее кожаных штанах. Она была не в силах возражать и лишь просила его поспешить всеми движениями рук, тела и рта, а потом начала сры-вать его одежду, чувствуя, как воздух касается ее обнаженной кожи.

Ее глаза встретились с его глазами, как это бывало всегда в подобные моменты, и Амару ошеломила глубина желания в них. Неужели этот человек, ее тайный муж, хочет ее так сильно? Сначала она не могла поверить в то, что видела на его лице, и даже сейчас ей это казалось новым и внезапным. Более того, она ощутила ответное желание, столь сильное, что ей самой оно казалось невероятным. Амара испытывала возбуждение из-за того, что мужчина может хотеть ее так страстно, так искренне. *Этот* мужчина. Ее муж, ее любовник.

Он заставлял Амару чувствовать себя красивой.

Бернард целовал ее, его руки и губы блуждали по ее телу до тех пор, пока ей не стало казаться, что она сходит с ума. Амара тихо застонала, уже не контролируя свои желания, и он взял ее прямо на письменном столе. Близость Бернарда, его сила, запах и прикосновения слились в мучительное наслаждение, которое она с трудом могла перенести. Ее желание касаться и чувствовать его прогнало все мысли из головы. Ничто не имело значения, лишь вкус, слух, ощущения, запах, и она погрузилась в пучину страсти.

Спустя несколько часов она лежала с Бернардом на его широкой кровати, и ее длинные стройные ноги переплелись с его ногами. Она не помнила, в какой именно момент он отнес ее в свою спальню, но луч света, проникающий в комнату сквозь высокое узкое окно, подсказал ей, что день быстро уступал место сумеркам. Она была обнажена, если не считать серебряной цепочки и висевшего на ней тяжелого кольца легиона с зеленым камнем Бернарда. Одной рукой он обнимал Амару, и она ощущала надежное присутствие его сильного тела.

Амара лежала сонная и удовлетворенная, поглаживая тонкой загорелой рукой мощные бугры мышц плеча Бернарда. Она видела, как он небрежно поднимал тяжести, которые даже для гарганта были бы тяжелой ношей, благодаря силе, которую ему давала магия земли, и ее поражало, как такой могучий мужчина мог быть столь нежным.

– Я скучал по тебе, моя госпожа, – пробормотал он.
Его голос был тихим, довольным и слегка хриплым.

– И я, мой господин.

– И я ждал этого путешествия.

Амара тихонько рассмеялась:

– Будь твоя воля, мы бы здесь и остались, у тебя в постели.

– Чепуха, – сказал он, но тут же улыбнулся. – Я скучаю по племяннику.

– И ты ждал встречи с ним, а не этого, – прошептала она и слегка переместила руку. – И не этого...

Веки ее мужа затрепетали, и он едва слышно проворчал:

– Не пойми неправильно. Мм... Я не имею никаких возражений. Совсем никаких.

Он почувствовал, как ее щека коснулась темных волосков на его груди, когда Амара улыбнулась:

– Полагаю, тогда все получилось.

Бернард рассмеялся расслабленно и радостно, крепче прижал ее к себе и поцеловал в волосы.

– Я люблю тебя.

– А я тебя.

Он замолчал, и Амара напряглась, совсем немного. Она понимала, что он хочет задать ей вопрос, но не знает, стоит ли это делать. Его рука скользнула по ее животу, мускулистому и нежному.

Амара знала, что он не в силах нащупать шрамы, оставленные болезнью на ее чреве, но все равно вздрогнула. Од-

нако она заставила себя оставаться спокойной и расслабленной и накрыла его руку своими ладонями.

– Пока нет, – сказала она, потом, сглотнув, добавила: – Бернард...

– Молчи, любовь моя, – сказал он немного сонным, но сильным и уверенным голосом. – Мы будем продолжать пытаться.

– Но... – Она вздохнула. – Прошло два года, Бернард.

– Два года по одной ночи здесь и одной ночи там, – сказал он. – В Церере у нас будет время друг для друга. – Его ладонь заскользила по коже Амары, и она вздрогнула. – Недели.

– Но, милый, если я не смогу подарить тебе ребенка... Ты граф и должен передать свою магию наследнику. Таков твой долг перед государством.

– Я исполнил свой долг перед государством, – сказал Бернард, и в его голосе зазвенела сталь. – И даже больше. И Корона получит талантливых детей. Твоих и моих, Амара. Или их не будет вовсе.

– Но... – начала Амара.

Он взглянул на нее.

– Ты хочешь меня покинуть, моя госпожа? – прошептал Бернард.

Она сглотнула и покачала головой, опасаясь, что не сможет говорить.

– Тогда не будем больше об этом, – сказал он и страстно поцеловал жену.

Амара почувствовала, как все ее протесты поглощает новая волна страсти.

Бернард тихонько зарычал:

– Как ты считаешь, моя госпожа, мы вызвали достаточно подозрений твоим визитом?

Она гортанно рассмеялась:

– Я не уверена.

Он снова зарычал и развернулся к ней всем телом. Его рука переместилась, и теперь пришел черед Амары застонать от удовольствия от его прикосновения.

– В таком случае мы должны соблюдать осторожность, – пробормотал он. – И исполнить свой долг.

– О да, – прошептала Амара. – Определенно.

* * *

В самый темный и холодный час ночи Амара почувствовала, как Бернард напрягся, резко сел на постели и его спина застыла в неподвижности. Сон не хотел выпускать ее из своих цепких объятий, но она сумела вырваться и всплыть на поверхность из его глубин.

– Что? – прошептала она.

– Слушай, – тихим шепотом ответил он.

Амара нахмурилась и прислушалась. Порывы ветра время от времени ударяли в каменные стены покоев Бернарда, и ей показалось, что она слышит слабый вой и нечеловеческие

вопли и стоны.

– Буря фурий?

Бернард крикнул, спустил ноги с постели и встал:

– Может быть, кое-что похуже. Свет.

Заговоренная лампа на столе отозвалась на его голос, и Амару окутало золотистое сияние, в свете которого она увидела, как Бернард торопливо одевается.

Она села на постели, прижимая простыни к груди:

– Бернард?

– Я должен убедиться, что все в порядке, – сказал он. – Это не займет много времени. Не вставай. – Он быстро улыбнулся, пересек спальню и распахнул дверь.

Амара услышала, как ветер ударил в дверь, и вой далекой бури стал оглушительным, пока Бернард не захлопнул за собой дверь.

Амара нахмурилась и встала. Потянувшись к своему костюму, она вздохнула, глядя на перерезанные завязки. Поэтому она надела рубашку графа и накинула на плечи его плащ. Он был ей почти до пят и таким большим, что она могла бы завернуться в него несколько раз. Амара на мгновение зажмурилась и вдохнула запах мужа, пропитавший плащ, потом открыла дверь и вышла наружу.

Ветер обрушился на нее, словно удар, холодный и влажный. Все вокруг было затянуто туманом. Она нахмурилась и попросила Циррус, свою фурию ветра, защитить ее от холода и дождя.

С минуту Амара стояла на ступеньках, осматривая крепость. Заговоренные светильники пылали, несмотря на бурю, но порывы ветра и холодный дождь делали их не такими яркими, и они превратились в небольшие сферы. Амара увидела людей, спешивших сквозь тени, и часовых, стоявших на стенах гарнизона в доспехах и мокрых плащах. Казармы, где жили рыцари, приданные войскам, которыми командовал Бернард, открылись, мужчины и женщины быстро направлялись к крепостным стенам.

Амара снова призвала Циррус. Фурия подняла ее со ступеней и поставила на каменную крышу здания, что позволило Амаре взглянуть за стены крепости и на раскинувшуюся за ними равнину.

Яростный шторм ревел, точно огромный зверь, не знающий преград, над холмистыми равнинами, где начинались земли маратов. Это был огромный кипящий котел молний и хмурых грозовых туч. Пылающий огонь озарял землю ярче, чем свет луны. Бледные мерцающие силуэты метались в рядах молний и клубящемся тумане: ветрогривы, неистовые и смертельно опасные фурии, сопровождавшие мощные бури.

Внезапно полыхнула молния, такая яркая, что глазам Амары стало больно, она увидела, как огонь широким пологом обрушился на землю и во все стороны, на многие мили вокруг полетели осколки камня и комья земли. У нее на глазах пульсирующие колонны озаренных ослепительными

сполохами туч спустились с неба и коснулись земли, превратившись в полдюжины воющих воронок, образовав вторую штормовую тучу, состоящую из обломков камней и песка.

Амара никогда не видела такой сильной бури, но испугалась еще больше, когда торнадо, воющий, словно он испытывал мучительную боль, устремился по озаренной молниями земле к стенам гарнизона. Послышались вопли и стоны, когда ветрогривы стремительно спустились с облаков, опережая всадников и сопровождая смертоносные вихри.

Зазвучали колокола тревоги. Ворота крепости открылись, и около двух дюжин торговцев и дюжина маратов бросились внутрь, ища спасения. Амара услышала, как у нее за спиной зазвонили другие колокола, и людям, которые жили в лачугах вне стен гарнизона, разрешили укрыться внутри крепостных стен.

Циррус прошептала предупреждение ей на ухо, Амара обернулась и увидела, как ветрогривы атакуют людей на крепостных стенах над воротами. Вспыхнула молния, и Амара разглядела Бернарда, который с огромным боевым луком в руках наклонился, приготовившись отразить нападение диких фурий. Сверкнул наконечник, запела тетива, и стрела исчезла – таким молниеносным был выстрел боевого лука.

Амара испытывала жуткий страх – никакая сталь не могла устоять против ветрогривов, и во всей Алере не нашлось бы стрелы, способной убить одно из таких существ. Однако ветрогрив взвыл от боли и свернул в сторону, а в светящихся

контурах его тела появилась дыра с зазубренными краями.

Еще несколько ветрогривов нырнули вниз, но Бернард оставался на стене и продолжал выпускать стрелы со сверкающими наконечниками в каждого, а рыцари под его началом сосредоточили все свое внимание на приближавшейся буре.

Рыцари Воздуха, заклинатели ветра, по крайней мере, такие же сильные, как Амара, а также те, кто сопровождал ее сюда, выстроились вдоль стен и старались перекрыть яростный вой ветра. Они сосредоточили все свои силы на ближайших торнадо и закричали одновременно. Амара ощутила, как изменилось давление воздуха – фурии рыцарей по их команде устремились вперед, и ближайший торнадо внезапно зашатался, замерцал и превратился в темную тучу, замедлившую свое движение, а потом и вовсе исчезнувшую.

Новые ветрогривы визжали от ярости и бросались на рыцарей Воздуха, но Бернард не давал им приблизиться, направляя свои неотвратимые стрелы в диких атакующих фурий. Рыцари сосредоточились на следующем торнадо, который двигался к стенам, и он увял и умер, так и не добравшись до крепости.

Буря продолжала реветь над их головами, между тучами сверкали молнии, но теперь казалось, что она устала и теряет силы. Полил дождь, гром перестал быть таким оглушительным – теперь в его раскатах слышалось лишь раздражение.

Амара взглянула на стены, увидела, что рыцари Воздуха возвращаются в казармы, и отметила, что они даже не надели

доспехов. Один и вовсе лишь набросил на обнаженное тело плащ легионера. Рыцари ее эскорта выглядели ошеломленными, но ленивый смех и шутки рыцарей гарнизона помогли им прийти в себя.

Амара трянула головой, слетела к лестнице и вернулась в покои Бернарда. Она подбросила дров в камин, и фурия огня по ее просьбе добавила жара. Вскоре вернулся Берnard с луком в руках. Он снял тетиву, высушил, протерев куском ткани, и поставил лук в угол.

– Я же сказал, – с улыбкой заметил он, – из-за этого не стоило вылезать из постели.

– Такие вещи здесь часто случаются? – спросила она.

– Да, в последнее время, – ответил он, нахмурившись. Берnard промок под дождем и стягивал влажную одежду, стоя рядом с камином. – К тому же они приходят с востока, а это необычно. Большинство бурь фурий начиналось над старым Гарадосом. И я не помню, чтобы их было так много в это время года.

Амара бросила мрачный взгляд в сторону старой горы:

– Твоим людям грозит опасность?

– Я бы здесь не стоял, будь это так, – ответил Берnard. – Ветрогивы не успокоятся, пока буря себя не исчерпает, но они здесь обычное явление.

– Понятно, – сказала Амара. – А что за стрелы ты использовал против ветрогивов?

– Их наконечники покрыты кристаллами соли.

Соль причиняла серьезные неудобства фуриям ветра.

– Умно и эффективно, – заметила Амара.

– Идея Тави, – сказал Бернард. – Он придумал это несколько лет назад. Но только сейчас у меня появился повод использовать такие стрелы. – Бернард не сумел сдержать улыбку. – Мальчик будет ужасно собой гордиться, когда услышит, что его идея оказалась исключительно полезной.

– Ты по нему скучаешь, – сказала Амара.

Бернард кивнул:

– У него доброе сердце. И он для меня почти что сын. До сих пор.

Она не слишком ему поверила, но возражать не стала.

– До сих пор, – лишь повторила она.

– С нетерпением жду, когда окажусь в Церере, – сказал Бернард. – Я уже несколько недель не говорил с Исаной. Странное ощущение. Но я надеюсь, что у нас будет время во время поездки.

Амара ничего не ответила, и потрескивание огня в камине лишь подчеркнуло возникшее между ними напряжение.

– Любовь моя? – спросил Бернард, с тревогой глядя на Амару.

Она вздохнула и посмотрела Бернарду в глаза:

– Исана отказалась от предложения Первого консула, который хотел, чтобы ее доставили сюда рыцари Воздуха. Очень вежливо, но отказалась. Люди Аквитейна уже увезли ее с собой на собрание Лиги Дианы.

Бернард отвел взгляд и придвинулся к камину.

– Понятно, – пробормотал он.

– Не думаю, что она теперь захочет проводить время со мной, – тихо продолжала Амара. – Она и я...

– Я знаю, – сказал Бернард, и Амаре показалось, что ее муж постарел сразу на несколько лет. – Я знаю.

Амара покачала головой:

– Я до сих пор не понимаю, почему она так сильно ненавидит Гая. Складывается впечатление, что в этом есть нечто личное.

– Да, так и есть, – ответил Бернард.

Амара коснулась его груди пальцами:

– Почему?

Он покачал головой:

– Я в таком же недоумении, как и ты. С тех пор как умерла Алия...

– Алия?

– Наша младшая сестра, – сказал Бернард. – Они с Исаной были очень близки. Я в то время служил в легионе Ривы. Мы находились за Защитной стеной и сражались вместе с войсками консула Фригиуса против ледовиков. Наши родители умерли за несколько лет до этого, а Исана начала службу в одном из лагерей легиона. Алия была вместе с ней.

– Где? – спросила Амара.

Бернард указал на запад, в сторону долины Кальдерон:

– Там. Они находились здесь во время Первой кальдерон-

ской битвы.

– Что произошло? – спросила Амара.

Бернард покачал головой, и ей показалось, что его глаза еще больше потемнели.

– Алия и Исана едва успели покинуть лагерь перед тем, как орда его уничтожила. Исана рассказала, что легион застали врасплох. И они погибли, чтобы дать гражданским возможность спастись. Целителей не осталось. Не было никаких укрытий. Все происходило в невероятной спешке. У Алии начались роды, и Исане пришлось выбирать между сестрой и ребенком.

– Тави, – сказала Амара.

– Тави. – Бернард шагнул вперед и обнял Амару; она прижалась к его сильной и теплой груди. – Мне кажется, Исана винит Первого консула в смерти Алии. Я считаю, что она ведет себя неразумно.

– Но объяснимо, – пробормотала Амара. – Особенно если чувствует вину из-за смерти сестры.

Бернард приподнял брови.

– Никогда об этом так не думал, – со вздохом признался он. – Но звучит правдоподобно. Исана всегда была склонна во всем винить себя, даже если она ничего не могла исправить. – Он еще крепче обнял Амару, и она прижалась к нему.

Их окутало приятное тепло камина, и на Амару вдруг навалилась усталость.

Бернард подхватил ее на руки:

– Нам обоим нужно поспать.

Она вздохнула и положила голову ему на грудь. Муж отнес ее в постель, снял одежду, которую она набросила на себя перед тем, как выскочить под дождь, и они вместе скользнули под одеяло. Они прижались друг к другу и очень быстро погрузились в глубокий сон.

Амара успела подумать о буре, устроенной фуриями, прежде чем сон вступил в свои права. Инстинкты подсказывали ей, что это явление было неестественным, и она опасалась, что, как и суровые бури двухлетней давности, это было делом рук врагов Алеры, пытающихся ее ослабить. Особенно сейчас, в свете событий, происходящих по всей стране.

Она подавила желание заплакать и еще крепче прижалась к мужу. Тихий голос разума подсказывал, что ей следует наслаждаться мгновениями мира и безопасности, ведь очень скоро от них останутся лишь воспоминания.

Глава 3

На этот раз Тави не успел вовремя поднять меч, и удар Макса пришелся по его запястью почти под прямым углом. Тави услышал хруст и успел подумать: «Это были кости моей руки», когда мир стал алым от боли; он упал на одно колено и тут же опрокинулся на бок.

Деревянный меч Макса чувствительно ударил его по голове и плечу, прежде чем Тави успел выдохнуть:

– Стой!

Мастер Магнус отсалютовал Максу деревянным мечом и снял щит легионера с левой руки. Он бросил деревянный меч и опустился на колени рядом с Тави:

– Так, мальчик, дай-ка посмотреть.

– Вóроны! – прорычал Макс. – Ты уронил щит. Ты снова уронил свой проклятый щит, Кальдерон.

– Ты сломал мою прóклятую вóронами руку, – прорычал Тави.

Боль усиливалась.

Макс с отвращением швырнул на землю щит и меч.

– Сам виноват. Ты не можешь относиться к поединку серьезно. Тебе необходимо больше тренироваться.

– Иди к вóронам, Макс, – простонал Тави. – Если бы ты не настаивал на этой глупой технике боя, ничего бы не случилось.

Магнус переглянулся с Максом, потом вздохнул, убрал руки со сломанного запястья Тави и взял щит и меч.

– Бери щит и вставай, – спокойно сказал Макс, поднимая деревянный меч.

Тави фыркнул:

– Ты сломал мою проклятую руку. Как я могу...

Макс взревел и направил меч в голову Тави.

Тави едва успел откатиться в сторону, чтобы избежать удара. Он вскочил на ноги, но с трудом удержал равновесие из-за тяжелого щита и боли в руке.

– Макс! – закричал он.

Его друг снова взревел и обрушил на него меч.

Меч Магнуса описал дугу и отбил удар, после чего старый мастер врезался плечом в щит Тави, стараясь удержать равновесие.

– Оставайся рядом со мной, – проворчал Магнус, когда Макс стал обходить их по кругу, готовясь к новой атаке. – Твой щит перекрывается моим.

Из-за боли в руке Тави плохо понимал, что говорит мастер, однако повиновался. Вместе с Магнусом они полностью закрыли себя щитами, и Максиму пришлось кружить, чтобы добраться до слабого места Тави.

– Он быстрее, у него более длинные руки, чем у меня. Защищай меня, иначе нам обоим не удержать мечи.

Локоть Магнуса ударил по ребрам Тави, и тот слегка повернулся, в результате между щитами образовалась узкая

щель, через которую Магнус нанес Максу быстрый и болезненный удар. Тави это совсем не понравилось.

Макс принял удар на край щита, а когда сделал ответный выпад, Тави сдвинул щит в сторону Магнуса, пока мастер восстанавливал равновесие.

– Хорошо! – рявкнул Магнус. – Не опускай щит!

– Моя рука! – воскликнул Тави.

– Не опускай щит! – взревел Макс и обрушил серию ударов на голову Тави.

Тави отступал, стараясь оставаться рядом с Магнусом, а старый мастер наносил встречные удары, не позволявшие Максу перейти в тотальную атаку, которая могла бы пробить быстро слабеющую защиту Тави. Но тут пятка Тави попала на камень, он оступился и оказался слишком далеко от Магнуса. Меч Макса задел макушку Тави, и, несмотря на тяжелый кожаный шлем, который он надевал для их тренировочных боев, из его глаз посыпались искры.

Он опустился на одно колено, но ошеломленная часть его сознания заставляла держать щит рядом с Магнусом, и ему удалось отбить такой же удар, направленный в голову мастера. В ответ Магнус выбросил вперед свой меч и ударил Макса по внутреннему сгибу локтя, Макс крикнул, отступил назад и поднял свой меч, отдавая дань удачному выпад противника.

Тави сел на землю, он так устал, что едва дышал. Запястье пульсировало от боли. Он немного полежал на боку, открыл

глаза и посмотрел на Макса и Магнуса:

– Ну, закончили развлекаться?

– Не понял? – сказал Макс.

У него был усталый голос, но дыхание даже не сбилось.

Тави знал, что лучше помалкивать, но боль и гнев взяли верх над доводами разума.

– Надо мной издевались и раньше, но я никогда не думал, что это будешь ты.

– Значит, ты так все это воспринимаешь? – спросил Макс.

– А разве нет? – резко ответил Тави.

– Ты был невнимателен, – спокойно заговорил Магнус, снимая кожаные доспехи и доставая флягу с водой. – Ты пострадал исключительно в результате собственных ошибок.

– Нет, – прорычал Тави. – Это результат того, что мой друг сломал мне руку. И заставил продолжать заниматься глупостями.

Макс встал перед Тави и молча смотрел на него в течение целой минуты. Выражение его лица оставалось серьезным и даже... рассудительным. Тави никогда раньше не видел у Макса такого лица.

– Тави... – негромко заговорил Макс. – Ты видел, как сражаются канимы. Неужели ты думаешь, что один из них вежливо позволит тебе выйти из схватки только из-за того, что ты получил небольшое ранение? Ты рассчитываешь, что марат проигнорирует слабости твоей защиты, чтобы тебя не обидеть? А вражеский легионер станет выслушивать твои

доводы, когда ты начнешь ему рассказывать, что это не лучшая твоя техника боя и ему следует ослабить натиск?

Тави посмотрел на Макса.

Макс взял флягу из рук Магнуса, сделал несколько глотков и постучал деревянным мечом по земле.

– Ты прикрываешь товарища, что бы ни случилось. Если твое запястье сломано, если ты остался без защиты, если истекаешь кровью и скоро умрешь – это не имеет значения. Твой щит не опускается. Ты защищаешь напарника.

– Даже если я сам остаюсь беззащитным? – резко спросил Тави.

– Даже тогда. Ты должен верить, что, если потребуется, твои друзья тебя прикроют. А ты защитишь своего соседа. Это дисциплина, Тави. И в буквальном смысле вопрос жизни и смерти не только для тебя, но и для всех, кто сражается рядом. Если ты проявишь слабость, умрешь не только ты. Из-за тебя погибнет человек, который на тебя рассчитывал.

Тави смотрел на своего друга, и его гнев улетучивался. Остались только боль и усталость.

– Я приготовлю лохань, – негромко сказал Магнус и пошел прочь.

– Здесь нет места для ошибки, – продолжал Макс.

Он снял щит с левой руки Тави и протянул ему воду.

Тави вдруг ощутил страшную жажду и припал к фляге. Опустошив, он отбросил ее в сторону и положил голову на землю.

– Ты причинил мне боль, Макс.

Макс кивнул:

– Иногда боль – это единственный способ привлечь внимание глупого рекрута.

– Но твои удары... – продолжал Тави, который все еще не мог справиться с раздражением, хотя злость прошла. – Ты прекрасно знаешь, что я умею держать меч в руках, Макс. Большинство этих движений ужасно неуклюжие.

– Да, – ответил Макс. – Потому что проходят между щитами, и ты не ударишь локтем в глаз того, кто стоит у тебя за спиной, не заставишь потерять равновесие соседа справа, и у тебя не начнут разъезжаться ноги на грязи или снегу. Ты видишь слабое место в обороне противника в течение доли секунды и сразу наносишь удар, вкладывая в него всю свою силу. Именно такие удары приводят к успеху.

– Но я уже прошел подготовку.

– Тебя обучали самозащите, – поправил его Макс. – Ты учился драться на дуэлях, а не участвовать в сражении, где множество солдат и с той, и с другой стороны. Передняя шеренга легиона – это совсем другой мир.

– Но почему? – Тави нахмурился.

– Легионеры не воины, Тави. Они профессиональные солдаты.

– И в чем разница?

Макс задумчиво поджал губы.

– Воины сражаются. А легионеры бьются все вместе. Речь

не о том, кто лучше фехтует. Речь о том, чтобы создать нечто единое, большее, чем сумма сил всех солдат. — (Тави нахмурился, обдумывая новую мысль сквозь туман боли от пульсирующего запястья.) — Даже самый безнадежный фехтовальщик способен освоить технику боя легиона, — продолжал Макс. — Она проста, и там нет особых правил, но на поле боя, где царят жестокость и ужас, она работает, потому что человек рядом с тобой доверяет тебе, знает, что ты его прикроешь, и потому что ты знаешь, что он прикроет тебя. Когда доходит до боя, я бы предпочел сражаться вместе с хорошим легионером, а не с самым лучшим из дуэлянтов, пусть то будет даже тень самого Арариса Валериана. Тут даже сравнивать нечего.

Тави опустил взгляд.

— Я не понимаю, — признался он.

— Ты был в невыгодном положении. Ты и так неплохо владеешь клинком. — Неожиданно Макс усмехнулся: — Если тебе будет легче, признаюсь, что со мной было так же. Моему первому центуриону пришлось сломать мое запястье шесть раз, а коленную чашечку дважды, только после этого я все понял.

Тави поморщился, глядя на свое запястье, которое сильно распухло, а боль стала сильнее.

— Что ж, ничего нет удивительного в том, что я учусь быстрее тебя, Макс.

— Ха! Продолжай в том же духе, и будешь сам лечить свою

руку. – Тем не менее Макс посмотрел на него с тревогой. – С тобой все будет в порядке?

Тави кивнул.

– Извини, что я вел себя грубо, Макс. Просто... – Тави вдруг почувствовал себя невероятно одиноким. В последние шесть месяцев это происходило с ним все чаще. – Мне не хватает моих близких. Я скучаю по Китаю.

– Неужели дня не может пройти, чтобы ты не страдал из-за нее? Она твоя первая девушка, Кальдерон. Ты ее перерастешь.

Тави снова стало одиноко.

– Я не хочу, чтобы это произошло.

– Так устроен мир, Кальдерон.

Макс наклонился, положил здоровую руку Тави себе на плечо и помог ему подняться, потом помог дойти до костра в их лагере, где Магнус доливал дымящуюся воду в почти полную лохань.

Сумерки долго спускались в долину Амарант, во всяком случае по сравнению с горным домом Тави. Каждый вечер троика останавливалась за час до захода солнца, чтобы преподать Тави уроки тактики и приемов боя легиона. Уроки получались трудными, большая часть состояла из работы с утяжеленным учебным мечом, и рука Тави сильно заболела уже после первой пары занятий. Макс решил, что Тави готов к тренировкам, только после двух недель упражнений, укрепивших мышцы руки. Еще одна неделя ушла на овладение

техникой, но ему пришлось признать, что никогда прежде он не находился в такой хорошей форме.

Пока Макс не сломал ему запястье.

Макс и Тави сели возле лохани, и Магнус опустил сломанное запястье Тави в теплую воду.

– Ты уже проходил исцеление водяной магией, мой мальчик?

– Много раз, – ответил Тави. – Моя тетя регулярно это со мной проделывала.

– Вот и хорошо, – одобрительно кивнул Магнус.

Он немного помедлил, закрыл глаза и положил ладонь на поверхность воды. Тави почувствовал, как она заволновалась, словно невидимый угорь проплыл рядом с его рукой, но уже в следующее мгновение запястье обволокло теплое онемение исцеления.

Боль ушла, Тави облегченно вздохнул и наклонился вперед, стараясь не шевелить рукой. Он не знал, можно ли заснуть, сидя с широко раскрытыми глазами, но ему это удалось, потому что в следующий момент, когда он огляделся по сторонам, оказалось, что уже спустилась ночь и в воздухе витает аромат похлебки.

– Ну ладно, – устало сказал Магнус и вытащил руку Тави из воды. – Давай посмотрим, что у нас получилось.

Тави вынул руку из остывшей воды и сжал пальцы. Движение доставило ему неприятные ощущения, но опухоль почти исчезла, а пульсирующая боль превратилась в бледную

тень того, что было раньше.

– Все в порядке, – благодарно сказал Тави. – Я не знал, что вы целитель.

– Я был помощником целителя, когда служил в легионе. Но это самое обычное дело. Рука будет тебя немного беспокоить. Постарайся в ближайшие дни есть побольше, а ночью держи руку поднятой, если хочешь, чтобы на завтра она не болела.

– Я знаю, – заверил его Тави.

Он встал и протянул целителю свою уже почти здоровую руку. Магнус едва заметно улыбнулся, принял предложенную руку и встал. Оба подошли к висевшему над костром котелку с похлебкой. Тави ужасно хотелось есть, как всегда после исцеления. Он жадно проглотил две миски похлебки, затем наскреб еще и третью с самого доньшка и съел ее уже неспешно, размачивая в ней черствый хлеб.

– Могу я задать тебе вопрос? – обратился Тави к Макс.

– Конечно, – ответил его друг.

– Зачем учить меня этой технике? – спросил Тави. – Мне предстоит служить офицером и не придется сражаться в строю.

– Никто не знает, что нас ждет, – задумчиво проговорил Макс. – Но даже если ты никогда не будешь сражаться, тебе нужно знать, что это такое. Как думает легионер и почему он поступает так, а не иначе. – (Тави проворчал нечто неразборчивое.) – К тому же, чтобы успешно сыграть свою роль,

ты должен понимать, когда головастик все испортит.

– Головастик? – переспросил Тави.

– Новые рекруты, – пояснил Макс. – Первые несколько недель они похожи на выброшенных на берег головастиков, а не на легионеров. Поэтому всякий опытный солдат должен указывать им на ошибки, ставить их в унижительное положение. И делать это очень громко.

– Так вот почему ты так ведешь себя со мной? – спросил Тави.

Макс и мастер улыбнулись.

– Первый консул хочет, чтобы ты набрался опыта, – сказал Магнус.

– О, так мне нужно его благодарить.

– Ладно, – произнес Магнус. – Давай проверим, запомнил ли ты все, что я тебе рассказывал по дороге.

Тави фыркнул и доел остатки похлебки. Тренировки, боль и попытки заниматься магией ужасно его утомляли. Будь его воля, он бы просто лег спать. Однако у Магнуса и Макса были другие намерения.

– Я буду готов, как только вы начнете, – сказал Тави.

– Вот и хорошо, – кивнул Магнус. – Для начала расскажи мне правила, связанные с отхожими местами и мусором, а также перечисли наказания, которые накладываются за их нарушение.

Тави тут же начал перечислять основные правила, хотя многие из них успели перепутаться у него в голове за

прошедшие три недели и припомнить все оказалось совсем непросто, особенно учитывая то, что он страшно устал. От отхожих мест Магнус перешел к перевозкам, правилам разбивки лагеря, расписанию смен часовых и еще сотне других нюансов жизни легиона, которые Тави следовало знать.

Он заставлял свой мозг выдавать ответы до тех пор, пока зевки не начали прерывать каждое его предложение.

– Ладно, мальчик, достаточно, – сказал Магнус. – Теперь мы можем лечь спать.

Макс уже храпел целый час. Тави развернул свои постельные принадлежности и улегся, потом оперся рукой о тренировочный кожаный шлем.

– Думаете, я готов?

Магнус задумчиво наклонил голову и сделал глоток из чашки с чаем.

– Ты быстро учишься. Ты напряженно работал, чтобы освоить новую роль. Но все это вряд ли имеет значение. – Он отвел взгляд от Тави. – А сам ты как думаешь? Ты готов?

Тави закрыл глаза:

– Я справлюсь. Во всяком случае, до тех пор, пока что-то неподвластное моему контролю не пойдет ужасно неправильно и не убьет всех нас.

– Хороший парень, – сказал Магнус со смешком. – Говоришь как легионер. Но не забывай одну вещь, Тави.

– Мм?

– Сейчас ты делаешь вид, что являешься солдатом, – ска-

зал старый мастер. – Ты получил долгосрочное задание. Но когда оно подойдет к концу, ты уже не будешь прикидываться.

Тави с трудом открыл глаза, чтобы посмотреть на океан звезд, появившихся на небе.

– У вас были когда-нибудь дурные предчувствия? Словно вы знаете, что должно случиться нечто плохое?

– Иногда. Обычно они возникают после плохих снов или вовсе без причины.

Тави покачал головой:

– Нет. Речь не о таких моментах. – Он нахмурился, глядя на звезды. – Я знаю. Так же, как знаю, что вода мокрая. Что два плюс два будет четыре. И в этом нет ненависти или страха. Просто возникает предчувствие. – Он повернулся к мастеру. – У вас такое бывало?

Магнус довольно долго молчал, задумчиво глядя в огонь, и чашка с чаем скрывала выражение его лица.

– Нет, – наконец ответил он. – Но я знал человека, у которого бывали похожие предчувствия.

Так и не дождавшись продолжения, Тави спросил:

– А что, если предстоит сражение?

– И что, если так? – ответил вопросом на вопрос старый мастер.

– Я не уверен, что готов.

– Если говорить начистоту, к этому никто не бывает готов, – сказал Магнус. – Ветераны с важным видом хвастают-

ся, что во время большинства сражений им становится скучно, но всякий раз они испытывают такой же страх, как и во время своей первой битвы. Ты справишься, мой мальчик.

– Мне не хватает практики, – проговорил Тави.

– Это верно, – согласился Магнус и отвел взгляд от огня. – Пора дать покой старым костям. Да и тебе отдых не повредит. Завтра ты присоеди́нишься к легиону.

Глава 4

Они въехали в лагерь Первого алеранского легиона вскоре после полудня. Тави лениво убрал несколько прядей волос со своего воротника, потом провел ладонью по коротким волосам и бросил мрачный взгляд на Макса:

– Не могу поверить, что ты это сделал, пока я спал.

– Правила нельзя нарушать, – с фальшивой серьезностью заявил Макс. – К тому же если бы ты не спал, то стал бы громко возмущаться.

– А я считал, что это священное право каждого солдата, – проворчал Тави.

– Каждого солдата, конечно, сударь. Однако вы теперь офицер.

– А офицер должен быть примером во всем, – пробормотал Магнус. – Начиная с формы и заканчивая ухоженной внешностью.

Тави искоса посмотрел на Магнуса и поправил свободную куртку, достаточно тяжелую и прочную, чтобы отразить скользкий удар клинка. Куртка была темно-синей по контрасту с более светлой туникой, которую он носил под ней. Кроме того, на поясе у него висел меч легионера, и хотя Тави предпочитал сражаться более длинным клинком, стандартное оружие легионера стало для него привычным после тренировочных схваток с Максом и мастером.

Лагерь легиона по размерам напоминал гарнизон его дяди Бернарда, и Тави знал, что это не случайно. Все лагеря легиона были одинаковыми, чтобы командиры, гонцы и военные чиновники могли с легкостью в них ориентироваться, а новые рекруты быстро находили свои места рядом с ветеранами. Гарнизон, сообразил Тави, представлял собой обычный лагерь легиона, построенный из камня, который заменил парусину и дерево, вместо палаток в гарнизоне были казармы, а каменные стены пришли на смену деревянным частоколам.

Легион еще не был полностью сформирован, и, хотя консул Ривус утверждал, что это происходит из-за союза графа Бернарда с крупнейшими кланами маратов, чьи земли находятся сразу за гарнизоном, Тави подозревал, что причина в том, что средства переводятся с военного бюджета Ривы на другие счета.

За последние несколько недель земля вокруг лагеря была утрамбована тысячами марширующих ног, густую зеленую траву долины вытоптали, и лишь кое-где она начала снова подниматься. Тави видел, что несколько сот солдат продолжали тренировки, по меньшей мере рекруты из полудюжины когорт, одетые в коричневые туники, которые им предстояло носить до тех пор, пока они не заслужат стальные доспехи. Они держали деревянные копии щитов, тяжелее настоящих, а также деревянные шесты длиной с боевое копье легионера. Каждый рекрут, естественно, имел утяжеленный деревянный меч, и все солдаты маршировали со скучающим видом

несчастливых подростков. Тави перехватил несколько обиженных взглядов, когда они скакали мимо. Наверное, офицеры показались молодым солдатам ленивыми и праздными.

Они въехали через восточные ворота – если вспоминать гарнизон, – и их остановили двое ветеранов-легионеров. Они были старше рекрутов и одеты не так тщательно. Обои не помешало бы побриться, а когда они подошли ближе, Тави решил, что они давно не мылись.

– Стоять! – небрежно бросил первый, на несколько лет старше Тави, высокий, широкоплечий, со слегка обвисшим животом. Он только что не зевал. – Назовите свое имя и дело или уезжайте прочь.

Тави натянул поводья, остановил лошадь в нескольких футах от часового и вежливо кивнул:

– Сципио Руфус из Ривы. Мне предстоит служить помощником трибуна логистики.

– Значит, Сципио, – все так же лениво протянул легионер, вытащил из кармана мятый листок бумаги, стряхнул с него крошки и прочитал: – Третий помощник трибуна. – Он покачал головой. – На должность, где не нужен даже трибун, не говоря уже о трех помощниках. Тебя ждет тяжелая жизнь, малыш Сципио.

Тави прищурился:

– Неужели командир Сирил отдал новый приказ относительно соблюдения протокола, легионер?

Второй легионер шагнул вперед. Он был невысоким, ко-

ренастым, как и его напарник, с небольшим брюшком, что говорило о недостатке упражнений и избытке пива.

– А это еще что такое? Щенок, который никогда не покидал городских стен, думает, что он лучше строевых легионеров, только потому, что он погулял по розовому саду с легионом?

– Так всегда бывает, – проворчал первый легионер и презрительно оскалился. – Прошу меня простить, сударь. Вы что-то спросили? Если да, то нечто более важное начисто вышибло ваш вопрос у меня из головы.

Не говоря ни единого слова, Макс соскочил с лошади, вытащил короткую тяжелую дубинку из седельной сумки и врезал первому легионеру по переносице. Все произошло невероятно быстро, а удар получился настолько сильным, что солдат повалился на землю, подняв клубы пыли.

Второй часовой попытался направить свое копье на Макса. Однако тот схватил его одной рукой так, что копье застыло в неподвижности, а потом швырнул часового на деревянный частокол с такой силой, что вся секция зашаталась. Часовой рухнул на землю, но, прежде чем он сумел подняться, Макс приставил конец дубинки к его подбородку и нажал. Второй часовой что-то прохрипел и застыл на спине.

– Господин, – лениво проговорил Макс, обращаясь к Тави. – Вам следует простить Нонуса. – Тут Макс надавил на дубинку, и тот застонал. – А также Бортуса. – Сапог Макса врезал первому часовому по ребрам. – (Тот даже не дер-

нулся.) – Они сумели откупиться, чтобы их не вышвырнули из Третьего антилланского несколько лет назад, и я полагаю, что им не хватило ума запомнить, что отсутствие должного уважения к офицерам привело их к неприятностям в прошлом.

– Антиллар, – прошипел второй часовой.

– Я к тебе не обращался, Нонус, – сказал Макс и снова надавил дубинкой на его подбородок. – Но я рад, что ты меня узнал. Так что сейчас самое время сообщить, что я буду здесь центурионом, отвечающим за обучение владению оружием. Ты и Бортус только что вызвались быть моими помощниками для тренировок головастиков. – Тут его голос стал более жестким. – Кто твой центурион?

– Валиар Маркус, – прохрипел легионер.

– Маркус! А я был уверен, что он уже ушел на покой. Я с ним поговорю. – Макс наклонился и добавил: – Если, конечно, помощник трибуна Сципио не против. Он имеет полное право потребовать наказания хлыстом.

– Но я не... – пробормотал Нонус. – Это Бортус...

Макс снова надавил на дубинку, и Нонус смолк, издав хрипящий стон. Антиллар оглянулся через плечо на Тави и подмигнул ему:

– Итак, ваше решение, господин?

Тави покачал головой и с трудом сдержал улыбку.

– Пока нет необходимости в хлысте, центурион. Нужно что-то оставить на будущее. – Тави наклонился над первым

часовым, который так и не пришел в сознание. Он дышал, но у него распух нос, и не вызывало сомнений, что Макс его сломал. Вокруг глаз образовались роскошные темно-пурпурные синяки. Тави повернулся к часовому, который мог его слышать. – Значит, ты легионер Нонус? Когда закончится твоя смена, отведи своего напарника к целителю. А когда он придет в себя, напomini ему, что здесь произошло, ладно? И скажи, что часовому следует встречать офицеров с необходимым уважением и не стоит дразнить щенков, выросших в розовых садах. Ты понял?

Макс снова ткнул Нонуса дубинкой, и тот что-то прохрипел в знак согласия.

– Ну вот и молодец, – сказал Тави и поехал вперед не обращиваясь.

Однако он услышал, как Магнус спрыгнул на землю, повозился в седельных сумках и предъявил свои бумаги распростертому на земле часовому. Он приняхался и откашлялся.

– Магнус, старший камердинер командира и его штаба. Я не могу одобрить состояние твоей формы. Проклятые вóроны, это просто смешно. Неужели от формы всегда так воняет? Или только от твоей? А пятна! Как тебе удалось... нет, не надо, не отвечай. Я не хочу знать.

Макс расхохотался, и через мгновение они с Магнусом догнали Тави и двинулись вдоль рядов белых палаток. Некоторые из них выглядели идеально. Другие провисли и покосились, не приходилось сомневаться, что в них жили новые ре-

круты, еще не успевшие научиться всему, что требовалось.

Тави удивил царивший в лагере шум. Мужчины кричали, чтобы их слышали, грязная слепая нищенка сидела у передней линии палаток и играла на тростниковой дудочке за мелкие монеты, которые бросали ей прохожие. Рабочие команды, распевая на ходу песни, копали канавы и таскали дрова. Тави слышал звон кузнечных молотов. Старый седой ветеран тренировал полную когорту, состоявшую из четырех центурий, по восемьдесят рекрутов в каждой. Они, разбившись на пары, отрабатывали базовые удары мечом, с которыми Тави познакомился совсем недавно. Седой ветеран выкрикивал цифры, и они наносили соответствующие удары. Их движения были медленными и неуверенными. На глазах у Тави один из рекрутов выронил меч, и он ударил в колено стоявшего за ним легионера. Тот взвыл, запрыгал на одной ноге и врезался в своего соседа, в результате полдюжины рекрутов оказались на земле.

– О, – сказал Тави. – Головастики.

– Головастики, – подтвердил Макс. – Здесь можно говорить совершенно безопасно. Из-за шума нас никто не подслушает.

– Я должен был сам разобраться с этой парочкой, Макс, – тихо сказал Тави.

– Однако офицеру не пристало этим заниматься, – сказал Макс. – Именно центурионы разбивают головы легионерам, которые нарушают дисциплину. Особенно таким смутьянам,

как Нонус и Бортус.

– Ты их знаешь, – сказал Тави.

– Мм... Я служил с этими свиньями. Ленивые, наглые, жадные пьянчуги.

– Они не обрадовались, когда узнали тебя.

– Однажды у нас возникла дискуссия на тему, как следует себя вести с дамами, которые пришли в лагерь.

– И чем она закончилась? – спросил Тави.

– Тем же, чем и сегодня, только зубов на земле осталось больше, – ответил Макс.

Тави покачал головой:

– И такие люди получают статус ветеранов. И им больше платят.

– Когда они не на поле боя, они не стоят тряпки, которой стираешь их кровь с ножа. – Макс покачал головой и оглянулся. – Однако они бойцы. Они знают свою работу, принимали участие в серьезных схватках и не спасовали. Вот почему им разрешили уйти из легиона мирно, а не вышвырнули с позором за поведение, недостойное легионера.

– И это объясняет, почему они здесь, – добавил Магнус. – Согласно записям, они достойные ветераны, желающие начать службу в другом легионе. Они обладают бесценным опытом, позволяющим готовить к сражениям новых рекрутов и удерживать шеренги во время сражения. Они знают, что они ветераны, а потому отказываются от самой тяжелой работы и получают более высокую плату.

Макс фыркнул:

– И не стоит забывать, что этот легион расквартирован в долине Амарант. Многие пошли бы на что угодно, чтобы жить здесь. – Макс повел рукой вокруг. – Тут нет снега, или его совсем мало. Плохая погода бывает очень редко. Нет диких опасных фурий. Полно еды, и они, вероятно, думают, что легион никогда не будет участвовать в сражениях.

Тави покачал головой:

– Но разве такие люди не окажут негативное влияние на весь легион?

Магнус улыбнулся:

– Только не при командире Сириле. Он позволяет центурионам поддерживать дисциплину любыми удобными им способами.

Макс с солнечной улыбкой покрутил своей дубиной.

Тави задумчиво покусал губы.

– Неужели все ветераны такие же?

Макс пожал плечами:

– Подозреваю, что да. Консулы делают все, что в их силах, чтобы держать самых опытных солдат поближе к дому. Ни в одном легионе не бывает слишком много ветеранов, зато свиней вроде Нонуса и Бортуса всегда с избытком.

– Иными словами, ты хочешь сказать, что единственными достойными солдатами могут быть только неопытные головастики.

– И ты один из них, – заметил Макс. – Если говорить фор-

мально, господин.

– И я один из них, – согласился Тави. – И еще мятежники.

– И шпионы, – добавил мастер. – Всякий, кто знает свое дело и настроен дружелюбно, почти наверняка шпион.

– Ну не могут они все быть гнилыми. И если здесь Валиар Маркус, то я подозреваю, что найдутся и другие надежные центурионы. А остальных мы поставим на место и будем работать с головастиками до тех пор, пока они не обретут нужную форму. Подобные проблемы возникают при формировании любого нового легиона.

Мастер покачал головой:

– Не до такой степени.

Макс пожал плечами:

– Все придет в норму. Но для этого нужно время.

Тави кивнул и направился к брезентовой палатке, в три или четыре раза больше всех остальных. Два клапана палатки были подняты, и все видели, что происходит внутри. Там находилось несколько человек.

– Это палатка командира? – спросил Тави.

Макс нахмурился:

– Да, место правильное. Но обычно они больше и удобнее.

Магнус рассмеялся.

– Таков стиль Сирила.

Тави остановил свою лошадь и огляделся. Тут же появился стройный мужчина средних лет, одетый в простую серую тунику с вышитым над сердцем знаком орла Короны, разде-

ленным на синюю и красную половинки.

– Позвольте мне забрать ваших лошадей, господа. – Он оглядел каждого из них и улыбнулся мастеру. – Магнус, насколько я понимаю?

– Моя слава меня опережает, – сказал тот, прижал ладони к пояснице, поморщился и потянулся. – Вы имеете передо мной преимущество.

Мужчина отсалютовал, прижав кулак к сердцу:

– Лорико, господин. Слуга. Я буду работать на вас. – Он взмахнул рукой, и молодой паж увел лошадей.

Магнус кивнул и приветствовал Лорико – они сжали друг другу предплечья.

– Приятно познакомиться. Это субтрибун Сципио Руфус и центурион Антиллар Максимус.

Лорико им отсалютовал.

– Командир проводит первое общее совещание, господа, вам следует зайти.

Макс кивнул ему:

– Лорико, ты не мог бы отвести меня в мою палатку?

– Прошу прощения, центурион, но командир попросил вас зайти.

Макс приподнял брови и пропустил вперед Тави:

– Будьте любезны.

Тави кивнул, вошел в палатку и огляделся по сторонам. Обычная аккуратная скатка легионера лежала на старом побитом сундучке. Других свидетельств того, что в палатке

кто-то живет, он не обнаружил. Несколько письменных столов стояли возле стен, хотя трехногие походные стулья были сдвинуты в центр палатки, и на них сидели одна женщина и полдюжины мужчин. Кроме них, в палатке находились еще два десятка человек в доспехах, стоявших полукругом возле непримечательного лысого человека в доспехах, надетых поверх серой туники. Командир Сирил.

Доспехи легионера всегда делают мужчину широкоплечим, но плечи Сирила выглядели под ними какими-то бесформенными. Покрытые шрамами предплечья оставались обнаженными, кожа была туго натянута на жесткие мышцы. На доспехах Тави заметил такие же сине-красные символы, как на тунике Лорико. Каким-то образом эмблему легиона удалось нанести на сталь.

Тави отошел в сторону, чтобы Магнус и Макс могли войти, и все трое встали по стойке смирно, а Лорико объявил об их прибытии:

– Субтрибун Сципио Руфус, Асторис Магнус и Антиллар Максимус, доблестный господин.

Сирил оторвался от изучения бумаги, которую держал в руке, и кивнул им:

– Вы очень вовремя, господа. Добро пожаловать. – Он жестом пригласил их подойти. – Прошу.

– Меня зовут Ритиус Сирил, – продолжал он после того, как они присоединились к остальным. – Многие из вас меня знают. Для тех, кто видит впервые, расскажу: я родился

в Пласиде, но мой дом здесь, в легионе. Я был легионером во Фригии, в Риве и Антилле в качестве трибуна вспомогательных частей, трибуна тактики и трибуна рыцарей, а также морского трибуна в Парсии. Я служил как рыцарь Железа, а также субтрибун легиона. Сражался с ледовиками, канимами и маратами. Это первый легион, которым мне доверено командовать. — Он помолчал, оглядывая собравшихся. — Господа, мы оказались в незавидном положении первооткрывателей. Наш легион первый в своем роде. Некоторые из вас ожидали, что им предстоит служить в легионе, который будет политическим символом и где работа окажется легкой, а воевать почти не придется. Если так, то вы ошиблись, — продолжал он, и его голос стал резче. — Я намерен сделать наш легион равным любому в стране. Нам предстоит много работы, но с каждого из вас я буду спрашивать не больше, чем с самого себя. Кроме того, я знаю, что многие из вас представляют интересы разных консулов и сенаторов, которые поддерживали создание нашего легиона. Чтобы в дальнейшем у нас не было недоразумений, вам следует знать, что меня не интересует политика и я не терплю глупцов. Наше дело — война и оборона государства. Я никому не позволю играть в игры, которые мешают делу. Если вы здесь для того, чтобы решать свои проблемы, или если у вас нет сил для тяжелой работы, подавайте в отставку здесь и сейчас, и вы уедете отсюда завтра после завтрака. — Он обвел взглядом палатку. — Желаящие есть?

Тави приподнял бровь, речь командира произвела на него впечатление. Лишь немногие способны так вести себя с гражданами, а большая часть офицеров легиона была из их числа. Тави оглядел остальных. Никто не шевелился и все молчали, хотя Тави заметил на некоторых лицах смущение. Очевидно, они не привыкли, чтобы с ними говорили так открыто, и для них это было так же неожиданно, как и для Тави.

Сирил подождал еще немного.

– Нет? – сказал он. – Тогда я рассчитываю, что каждый из вас сделает все возможное для выполнения своего долга. Я тоже сделаю все, что в моих силах, чтобы вести вас и поддерживать. Теперь я намерен представить вас друг другу.

Сирил обошел палатку и кратко представил каждого из присутствующих. Тави обратил особое внимание на тучного мужчину по имени Гракх, трибуна логистики и его непосредственного командира. Еще один мужчина, украшенный шрамами ветеран, чье лицо не было красивым и до того, как его изуродовали многочисленные следы сражений, оказался Валиаром Маркусом, Первым копьем, старшим центурионом легиона. Когда Сирил закончил, он сказал:

– А еще я должен отметить, что судьба повернулась к нам лицом. Господа, некоторые из вас уже знают, но я все же представлю вам Антиллус Доротею, супругу консула Антиллуса.

Со своего места поднялась женщина в сером платье с

красно-синим символом Первого алеранского легиона над сердцем, стройная, невысокого роста, с прямыми густыми темными волосами, которые сияли, словно были влажными. Черты ее лица показались Тави смутно знакомыми.

Стоявший рядом с ним Макс тяжело вздохнул.

Командир Сирил вежливо кивнул госпоже Антиллус, и она наклонила голову в ответ.

– Сиятельная госпожа предложила свои услуги легиону как заклинательница воды и целительница. Вы все знаете, что это не первый срок ее службы в легионах в качестве трибуна медицины.

Тави вновь приподнял бровь. Сиятельная госпожа в лагере? Это совсем необычно для легиона, что бы там ни говорил командир. Знать Алеры обладала огромной силой благодаря выдающимся талантам в заклинании фурий. Один консул, говорили Тави, равен целой центурии рыцарей, а Антиллус, консул одного из двух городов, защищавших северную часть Стены, прославился своим мастерством и стойкостью в сражениях.

– Я знаю, что это не соответствует традициям, но я намерен встретиться с каждым из вас и лично принять ваши клятвы верности. За каждым я пошлю легионера, и вы это сделаете в ближайшие день или два. А сейчас Лорико расскажет о ваших обязанностях и разведет по палаткам. Буду рад, если вы присоединитесь ко мне во время вечерней трапезы. Все свободны.

Сидевшие на стульях встали, и мужчины вежливо расступились, чтобы пропустить госпожу Антиллус. Офицеры перебрасывались между собой короткими репликами, каждый получил от Лорико кожаный футляр.

– Идите, парни, – прошептал Магнус, не открывая своего футляра. – Я начинаю работать здесь. Удачи вам обоим. – Он улыбнулся и вернулся в палатку командира.

Тави отошел в сторону вместе с Максом, чтобы прочитать свои приказы. Они оказались достаточно простыми. Он должен пойти к трибуну Гракху и помочь ему составить опись припасов легиона.

– Он оказался не таким, как я ожидал, – заметил Тави.

– Мм? – спросил Макс.

– Командир, – уточнил Тави. – Я думал, он будет больше похож на графа Грэма. Или на дону Майлса.

Макс проворчал что-то себе под нос, и Тави с недоумением посмотрел на друга. Лицо Антиллара побледнело, на лбу выступил пот. Ничего нового для Тави, он не раз помогал Максиму приходить в себя после похмелья. Но теперь он увидел нечто иное на лице друга, это был страх.

Макс чего-то боялся.

– Макс? – спросил Тави, понизив голос. – Что случилось?

– Ничего, – коротко ответил Макс.

– Госпожа Антиллус? – спросил Тави. – Она твоя...

– Мачеха, – ответил Макс.

– И почему она тут? Из-за тебя?

Взгляд Макса заметался.

– Частично. Но если она проделала такой путь, значит мой брат здесь. Она могла появиться только по одной причине.

Тави нахмурился:

– Ты напуган.

– Не говори глупостей, – сказал Макс, но в его голосе не прозвучало убежденности. – Нет, вовсе нет.

– Но...

– Отстань, Кальдерон, или я сверну тебе шею. – В голосе Макса прозвучала лютая злоба.

Тави застыл на месте и изумленно посмотрел на друга.

Макс и сам замер, потом повернул голову в сторону, так что стал виден его профиль со сломанным носом.

– Извини, Сципио.

Тави коротко кивнул.

– Могу я помочь?

– Я собираюсь выпить. Как следует. Основательно.

– Но будет ли это разумно? – спросил Тави.

– Ха! – сказал Макс. – Кто хочет жить вечно?

– Если я могу...

– Ты не можешь помочь, – сказал Макс. – И никто не может. – И он пошел прочь не оглядываясь.

Тави нахмурился, с тревогой глядя вслед уходящему другу, но он не мог заставить его рассказать, что происходит, до тех пор пока Макс сам не захочет. Тави ничего не оставалось, как ждать.

И он пожалел, что здесь нет Китая, с которой он мог бы поговорить.

Но сейчас у него была работа. Тави снова прочитал свой приказ, вспомнил расположение лагеря, которое Макс и мастер заставили его выучить, и приступил к выполнению своих обязанностей.

Глава 5

Исана проснулась, ощутив пустоту на грубом соломенном матрасе рядом с собой. У нее замерзла спина. Она слышала какие-то крики, все вокруг заливал странный свет, но прошло некоторое время, прежде чем она окончательно пришла в себя и сообразила, что происходит.

Сапоги стучали по твердой земле, множество сапог. Опытные центурионы выкрикивали приказы. Металл звенел о металл, легионеры в доспехах задевали друг друга, и их наплечные латы, мечи, щиты и наручи издавали скрежет. Плакали дети. Где-то рядом пронзительно ржали боевые лошади, и конюх пытался их успокоить.

Через мгновение ее ощущения заклинательницы воды подверглись неожиданному воздействию, и на нее накатила волна невероятно сильных эмоций, ничего подобного ей не доводилось испытывать уже дюжину или около того лет, с тех самых пор, как она и Рилл, ее водяная фурия, нашли друг друга. Причем главной составляющей являлся страх. Окружающие ее люди боялись за свою жизнь – Коронный легион, самый опытный и боеспособный во всей Алере, охватил панический ужас. Впрочем, Исана улавливала еще и возбуждение, решимость и гнев. А под ними таились темные потоки того, что она могла бы описать только как возжелание, и еще одно чувство, которого она вначале не заметила, но

постепенно именно оно стало доминировать – покорность судьбе.

И хотя Исана не знала, что происходит, она поняла, что воины легиона готовятся к смерти.

Исана скатилась с матраса, совершенно обнаженная, и с трудом отыскала блузу, платье и тунику. Она завязала волосы узлом, и у нее тут же заболели плечи и спина. Затем она накинула простой шерстяной плащ и задумалась: что делать дальше?

– Стража? – осторожно спросила она.

В большой шатер тут же вошел мужчина, одетый в такие же доспехи, как и остальные легионеры, за исключением, быть может, огромного количества вмятин и царапин на них. От него исходила смесь уверенности, холодного спокойствия и контролируемого рационального страха. Он снял шлем, и Исана узнала Арариса Валериана, личного телохранителя принцепса.

– Сиятельная госпожа, – сказал он и поклонился.

Исана покраснела, ее рука невольно потянулась к серебряной цепочке на шее и прикоснулась к кольцу, которое пряталось под одеждой. Потом она опустила руку к округлому, набухшему животу.

– Я не ваша госпожа, – сказала она. – Вы не обязаны присягать мне на верность.

Глаза Арариса сверкнули.

– Сиятельная госпожа, – повторил он, мягко подчеркнув

эти слова. – Мой господин очень занят. Он просил меня найти вас.

Спина Исаны снова напряглась, и тут же она почувствовала, как зашевелился ребенок, как обычно резво, словно он услышал ночные звуки и узнал их.

– Арарис, моя сестра...

– Уже здесь, – успокаивающе сказал он.

Ничем не примечательный молодой человек повернулся и поманил кого-то рукой, и младшая сестра Исаны поспешно вошла в палатку, закутанная в большой серый плащ Арариса.

Алия бросилась к Исане, и та крепко ее обняла. Алия была маленьким и хрупким созданием, унаследовавшим от своей матери нежность, изящество и волосы цвета молодого меда. В свои шестнадцать лет она была мечтой каждого легионера и вообще всех мужчин, сопровождавших легион, но Исана защищала ее так яростно, как только умела.

– Исана, – задыхаясь, спросила Алия, – что происходит?

Исана была почти на десять лет старше сестры. Алия также обладала талантом заклинательницы воды, и Исана понимала, что сейчас девушка едва ли в состоянии вспомнить свое имя под давлением потока эмоций, бурлящего вокруг.

– Молчи, старайся успокоить дыхание, – прошептала она и посмотрела на Арариса. – Рари?

– Мараты атакуют долину, – спокойно и четко прого-

ворил Арарис. — Они уже смяли нашу заставу на дальнем конце лагеря и направляются сюда. Вас ждут лошади. Вы и другие граждане должны как можно быстрее отступить к Риве.

— Отступить? — выдохнула Исана. — Неужели марафонов так много? Но почему? Что случилось?

— Не беспокойтесь, госпожа, — ответил Арарис. — Мы справлялись и с более сложными ситуациями.

Но Исана увидела правду в его глазах и услышала ее в дрогнувшем голосе. Он лгал.

Арарис знал, что погибнет.

— Где? — спросила она. — Где он?

Лицо Арариса исказила гримаса.

— Лошади готовы, госпожа, — сказал он. — Если вы пойдете туда...

Исана вздернула подбородок и прошла мимо телохранителя, оглядываясь по сторонам. В лагере царила паника, во всяком случае среди тех, кто сопровождал легион. Да и сами легионеры спешили, у них были встревоженные лица, но все они двигались, подчиняясь определенному плану, и Исана увидела, что они строятся в ряды вдоль частокола, окружавшего лагерь.

— Я должна сама его отыскать, Рари?

Его голос оставался ровным и вежливым, но Исана почувствовала тщательно скрываемое раздражение.

— Как пожелаете, госпожа. — Он повернулся к двум коню-

хам, которые держали за поводья нервничающих лошадей. — Вы двое, за мной. — Он направился к восточной части лагеря. — Госпожа, вам следует поспешить. Я не знаю, когда появится орда, но нельзя терять ни мгновения.

И тут Исана впервые увидела войну.

Из темноты полетели стрелы, один из конюхов закричал, но его вопль заглушило ржание лошади, поводья которой он держал. Исана повернулась, сердце оглушительно грохотало у нее в ушах, и вдруг все вокруг замедлило свое движение. Она увидела, что конюх споткнулся и упал, из живота у него торчала стрела с белым оперением. Лошадь ржала и трясла головой, пытаясь избавиться от стрелы, вонзившейся ей в шею.

Из темноты доносились крики. Воины-мараты, светло-волосые и бледнокожие, размахивая оружием, похожим на почерневшее стекло и камень, выскочили из фургонов с припасами, которые прибыли в лагерь накануне.

Арарис повернулся, и его движения обрели стремительность. Исана стояла столбом и с ужасом смотрела, как три стрелы летят в ее сторону. Меч Арариса рассек их на мелкие кусочки, а в следующее мгновение он небрежным движением закованной в сталь руки отбросил в сторону стрелу, летеющую ей в лицо. Арарис встретил группу атакующих маратов и прошел сквозь них, как идет человек по многолюдному рынку, вращая плечами и бедрами, приподнимаясь на цыпочки, чтобы проскользнуть между людьми,

совершая аккуратный пируэт, чтобы не споткнуться обо что-нибудь на земле.

Когда он остановился, все мараты лежали на земле, превратившись в добычу воронов.

Арарис взмахнул мечом, очищая его от крови, и убрал в ножны, как будто не произошло ничего заслуживающего внимания.

— Сюда, госпожа.

** * **

— Сюда, моя госпожа, — слышался звучный мужской голос, — нам не стоит переживать о долгой разлуке. Я уверен, что вы оцените все ее преимущества.

Исана вскинула голову — она задремала в удобных воздушных носилках, присланных Аквитейнами, чтобы доставить ее из домена. Яркий сон, полный мельчайших деталей, продолжался дольше, чем обычно. Та последняя ночь постоянно возвращалась к Исане во сне в течение последних двух лет. Страх, смятение, ошеломляющая тяжесть вины повторялись в ее сознании так, словно она никогда не переживала их прежде. Словно вновь обрела невинность.

Она чувствовала себя ужасно.

И все же сны возвращали ей краткие моменты радости, пьянящее волнение весенних дней юности. В те краткие мгновения она не знала того, что знала теперь. У нее снова

была сестра.

И муж. И любовь.

– Я нашла для тебя новую девушку, Аттис, – слышался снаружи дразнящий, чистый и уверенный женский голос. – Тебе не придется скучать до моего возвращения.

– Она прелестна, – недовольно ответил мужчина. – Но она не ты, в отличие от предыдущей.

Дверца воздушных носилок распахнулась, и Исане пришлось призвать на помощь Рилл, чтобы сдержать подступившие слезы. Пальцы Исаны коснулись кольца, которое висело на цепочке на ее шее, спрятанное под одеждой. В отличие от самой Исаны, оно сохранило прежний блеск, и прошедшие годы его не изменили.

Она стряхнула остатки сна и заставила себя вернуться к настоящему.

Консул Аквитейн Аттис, который пять лет назад устроил заговор, приведший к гибели сотен жителей долины Кальдерон, открыл дверцу кареты и вежливо кивнул Исане. Он был привлекательным мужчиной, физическая сила прекрасно сочеталась в нем с изяществом движений. Львиная грива волос, отливающих темным золотом, ниспадала на плечи, в темных глазах светился ум. От его движений исходила уверенность, а магические способности уступали лишь магии самого Первого консула.

– Домина, – вежливо сказал он, кивая Исане.

Она кивнула в ответ, чувствуя, как напряглась шея. Она

сомневалась, что сумеет говорить с ним вежливо, поэтому предпочла молчание.

– Мне очень нравится проводить отпуск за границей, – проворковала женщина, голос которой звучал теперь совсем рядом. – И я способна сама за собой присмотреть. К тому же у тебя полно дел.

Женщина поднялась в носилки и устроилась на противоположном сиденье. Инвидия Аквитейн являла собой образец истинной гражданки: высокая и царственная, бледная кожа, темные волосы. И хотя Исана знала, что ей больше сорока лет, как и ее мужу и самой Исане, она не выглядела и на двадцать. Как и все, кто владел магией воды, она могла долго наслаждаться радостями молодости.

– Добрый вечер, Исана.

– Сиятельная госпожа, – пробормотала Исана.

Хотя она относилась к этой женщине ничуть не лучше, чем к ее мужу, ей удалось ответить вежливо.

Инвидия повернулась к мужу и наклонилась, чтобы поцеловать его.

– Постарайся не работать слишком много. Тебе необходим отдых.

Он изогнул золотую бровь:

– Я консул, а не какой-то глупый студент.

– И не забывай про овощи, – продолжала Инвидия, словно муж ничего не сказал. – Не объедайся мясом и сладостями в ущерб овощам.

Аквитейн нахмурился:

– Ты будешь все время так себя вести, если я захочу присоединиться к тебе?

Она невинно улыбнулась.

Он закатил глаза и быстро поцеловал ее в щеку.

– Невозможная женщина. Ладно, пусть будет по-твоему.

– Естественно, – сказала она. – Прощай, мой господин.

Он кивнул ей, потом Исане и закрыл дверцу носилок.

– Командир, позаботься о них, – сказал он, постучав по борту носилок.

– Сиятельный господин, – ответил мужской голос снаружи, и рыцари Воздуха подняли носилки с земли.

Снаружи зашумел ветер, но за последние два года этот звук стал для Исаны привычным. Невидимая сила прижала ее к сиденью, и носилки устремились в небеса.

Несколько мгновений прошло в тишине, Исана опустила голову на спинку сиденья и закрыла глаза, рассчитывая таким способом избежать разговора с госпожой Аквитейн. Однако ее надеждам не суждено было осуществиться.

– Приношу вам извинения за продолжительность путешествия, – заговорила та. – Но в это время поведение высоких ветров непредсказуемо, а нынешний год оказался особенно опасным. Вот почему нам приходится лететь гораздо ниже, чем обычно.

Исана не стала озвучивать мысль о том, что это все равно намного выше, чем прогулка по земле.

– А это имеет какое-то значение? – спросила она, открыв глаза.

– Лететь ближе к земле и при этом поддерживать высокую скорость гораздо сложнее, – ответила Инвидия. – Мои рыцари Воздуха должны рассчитывать перелет в милях, а не в лигах, и, если учесть количество остановок, которые необходимо сделать, чтобы навестить тех, кто меня поддерживает, мы потратим много времени, прежде чем доберемся до цели нашего путешествия.

Исана вздохнула:

– Насколько много?

– Мне сказали, что наше путешествие займет почти три недели. И это лучший из вариантов, если нас всякий раз будет поджидать команда свежих рыцарей Воздуха.

Три недели. Слишком долго – она не может делать вид, что все время спит, не оскорбив госпожу Аквитейн. И хотя Исана знала, что она важна для Аквитейнов и может избежать обычных унижений, которые возникают при общении с такими могущественными людьми, есть пределы, за которые она не должна выходить. Вот почему она открыла глаза.

На сочных губах госпожи Аквитейн заиграла улыбка.

– Я не сомневалась, что ты правильно оценишь мои слова. Ты будешь выглядеть глупо, если просидишь все путешествие с закрытыми глазами.

– Конечно, сиятельная госпожа, – сказала Исана. – Да и зачем мне это делать?

Взгляд Инвидии стал жестким.

– Мне дали понять, что ты рассчитываешь встретиться со своей семьей в Церере.

– После заседания Лиги, естественно, – ответила Исана. – Меня заверили, что возможен альтернативный вариант моей поездки обратно в Кальдерон, если мои планы причинят вам неудобства.

На сей раз улыбка Инвидии получилась почти искренней.

– Почти никто больше не спорит со мной, Исана. Я с нетерпением ждала нашего совместного путешествия.

– Как и я, госпожа. Я скучаю по своей семье.

Инвидия рассмеялась:

– Я не буду требовать от тебя слишком многого. Только присутствия на встречах с теми, кто меня поддерживает, а также участия в совете Лиги, – сказала она, слегка опустив голову и наклонившись вперед. – Однако ты не одобряешь наших планов. – Исана склонила голову набок. – Гракх Албус и его люди приглашены на встречу.

– Сенатор Примус, – пробормотала Исана. Потом ее глаза широко раскрылись. – Сенату будет сделано предложение о выходе из-под опеки?

Госпожа Аквитейн вздохнула:

– Если бы остальная часть Лиги понимала важность этого события так, как ты.

– Им стоило бы попробовать управлять доменом, – сухо заметила Исана. – Тогда они бы поняли значимость мелких,

но важных действий.

Инвидия пожала плечами:

– Возможно, ты права.

– Гракх поддержит это предложение?

– Он никогда не был врагом аболиционистского движения. Его жена, дочь и любовница заверили меня в его поддержке, – сказала госпожа Аквитейн.

Исана нахмурилась. Она не одобряла манипуляций, хотя для Лиги Дианы это был любимый инструмент.

– А Сенат?

– Тут ничего нельзя предсказать заранее, – ответила Инвидия. – Никто не знает, какие долги могут быть взысканы при решении столь важных вопросов. Но борьба будет очень серьезной. Впервые в истории Алеры, Исана, мы можем отменить рабство. Навсегда.

Исана нахмурилась. Это была достойная цель, которую наверняка поддержат многие. Рабы по большей части вели тяжелую жизнь и почти не имели шансов на освобождение, хотя существовал закон, обязывающий владельцев освободить раба, если он (или она) сумеет собрать необходимую сумму денег. Рабыни не могли обратиться в суд, если их тела использовали недостойным образом, впрочем, рабы-мужчины тоже, когда доходило до дела. Дети появлялись на свет свободными – так гласил закон, – но большинство хозяев прибегали к различным налогам или контрактам, которые приводили к тому, что ребенок с самого рождения становил-

ся рабом.

Законы Алеры должны были защищать рабов, ограничивая их количество теми, кто добровольно хотел ими стать и мог со временем выкупить свободу. Но коррупция и политическое влияние позволяли консулам игнорировать законы и поступать, как они пожелают. Став союзницей госпожи Аквитейн в Лиге Дианы, Исана узнала слишком много об угнетении рабов в Алере. Она считала, что ее собственное недолгое общение с работоторговцем Кордом являлось настоящим кошмаром. Однако теперь она с ужасом поняла, что его отношение к рабам не слишком отличалось от поведения других рабовладельцев.

Лига Дианы, организация, состоявшая исключительно из женщин, обладавших высоким статусом и влиянием, но совсем незначительной силой с точки зрения закона, в течение многих лет пыталась добиться отмены рабства. И сейчас у нее впервые появился шанс на успех, в то время как консулы и Первый консул контролировали военные аспекты существования Алеры, ее криминальный кодекс и исполнение гражданских законов, создание и применение этих законов было оставлено на усмотрение избранного Сената.

Рабство возникло одновременно с государством, и Сенат обладал полномочиями издавать новые законы или вовсе их отменять. Лига Дианы считала отказ от рабства первым шагом к достижению равноправия женщин в Алере.

Исана нахмурилась. Хотя госпожа Аквитейн всегда вы-

полняла свои обещания в роли патрона, Исана прекрасно понимала, что для Инвидии отмена рабства не так уж важна. Тем не менее Исане было трудно отказаться от возможности осуществить свою мечту, состоявшую в уничтожении столь чудовищной несправедливости.

Однако она не умела использовать холодную отстраненную логику, необходимую для политика. Особенно когда встреча с любимой семьей была так близка. Исане ужасно хотелось увидеть Тави, целого и невредимого, хотя неловкие паузы, которые возникали после того, как кто-то из них упоминал о политике или верности, делали их разговоры сладкими и горькими одновременно. Ей хотелось поговорить с младшим братом. Она стала редко с ним видеться – управление доменом и достаточно частые отлучки по просьбе Инвидии не оставляли ей на это времени, и она скучала по Бернаруду.

Ирония состояла в том, что она пересекала половину Алеры, чтобы встретиться с ними – с помощью Аквитейнов, – и это не ускользнуло от Исаны. А еще она прекрасно понимала, что сама во всем виновата, связав себя с Аквитейнами, которые мечтали о захвате власти в Алере.

И все же Исана сумела прогнать мысли о семье и взглянуть на ситуацию отстраненно. Чего достигнут Аквитейны, добившись отмены рабства?

– Тут речь идет не о свободе, – тихо заговорила Исана. – Во всяком случае, для вас. Вы хотите подорвать основы эконо-

номики Калара. Без рабского труда он не сможет получать прибыли со своих земель и будет слишком занят внутренними проблемами, чтобы оставаться реальным конкурентом для вашего мужа в борьбе за верховную власть.

Несколько мгновений госпожа Аквитейн с непроницаемым лицом смотрела на Исану.

Исана не отводила взгляда от своего патрона.

– Быть может, это не так уж плохо, что большинство представителей Лиги Дианы не так восприимчивы, как я.

Выражение лица госпожи Аквитейн оставалось отстраненным.

– Так могу я рассчитывать на твою поддержку в этом деле или нет?

– Да, я обещала, – сказала Исана, откинувшись на спинку сиденья и снова закрыла глаза. – Я не в силах помешать вашим интригам. Если удастся сделать что-то хорошее, я не вижу причин отказываться от таких попыток.

– Превосходно, – произнесла госпожа Аквитейн. – И очень практично. – Она замолчала, и Исана почувствовала, что та внимательно на нее смотрит. – Едва ли кто-то из граждан Алеры способен увидеть реальное положение вещей, Исана. И у меня возникает вопрос: как тебе удалось так глубоко проникнуть в принципы политики? Должно быть, у тебя был достойный наставник.

– Я читала, – ответила она, и ей не пришлось сделать вид, что она устала. – Ничего больше.

Исана потратила годы на то, чтобы научиться скрывать свои чувства, но после такого яркого и тяжелого сна ей было невероятно трудно не коснуться рукой кольца, висевшего на цепочке на ее шее, возле сердца.

Снова наступило долгое молчание.

– В таком случае мне остается только восхищаться твоей способностью к обучению, – наконец нарушила молчание госпожа Аквитейн.

Исана почувствовала, что внимание Инвидии больше на ней не сосредоточено, и облегченно вздохнула. Лгать сиятельной госпоже, чей талант к водяной магии и способность чувствовать ложь и обман превосходили возможности самой Исаны, было опасно. Инвидия Аквитейн вполне могла прибегнуть к пыткам и убийству, хотя предпочитала обходиться без этого. Впрочем, Исана не питала ни малейших иллюзий на ее счет – поступки госпожи Аквитейн диктовались практической логикой и эгоизмом, а не этикой и моралью. Если для достижения своих целей ей потребуется убить Исану, она не станет колебаться ни на мгновение.

Исана дала себе слово, что, если до этого дойдет, она умрет, но ничего не скажет.

Потому что некоторые тайны необходимо сохранить. Любой ценой.

Глава 6

Жизнь легионера и даже офицера, по мнению Тави, сильно переоценивали. Через неделю службы в Первом алеранском легионе он пришел к заключению, что хваленая слава и престиж офицерского корпуса есть не более чем чудовищный заговор граждан с целью привести всех амбициозных молодых людей к полнейшему безумию.

И неприятности удваивались, когда речь заходила о работе курсора, которая и привела его в этот проклятый вóронами легион.

Тави считал себя мужественным, стойким и толковым агентом Короны, особенно после испытаний, которые выпали на его долю в Академии, где от него постоянно требовалось сохранять внимание, вечно не хватало времени для сна, а постоянная беготня по чудовищно высоким лестницам подвергала испытанию его физические и умственные возможности. Было несколько дней, когда он ломался, впадая в истерические припадки, вопил от злости и разочарования, чтобы хоть немного выпустить пар.

Жизнь в легионе была еще хуже.

Тави старался гнать прочь циничные мысли, но, когда ему приходилось, стоя в светлом деревянном помещении склада, выслушивать очередные злобные поношения трибуна Гракха, не имея права ему ответить, это удавалось ему далеко не

всегда.

– Ты представляешь, какой хаос ты устроил? – жестко спрашивал Гракх. Тучный трибун ударял двумя пальцами по своей ладони, а в конце каждого предложения обвиняюще тыкал их в Тави. – Мера муки на каждого легионера – это точное число, помощник трибуна, и его нельзя менять по желанию юнца первого года службы.

Повисла небольшая пауза, пока Гракх набирал воздуха для следующего предложения.

– Да, господин, – быстро вставил Тави.

Он научился улавливать ритм речи Гракха уже после первого дня.

– Вот почему мы используем стандартные мерные кружки.

– Да, господин, – сказал Тави.

– Ты уничтожил все мои вычисления, когда ввел свою бездарную систему, которая сведет на нет все предварительные выкладки на ближайший месяц, помощник трибуна. Я имею полное право подвергнуть тебя наказанию плетьюми. Более того, я мог бы заставить тебя возместить затраты бюджета на провизию для солдат легиона.

– Да, господин, – повторил Тави.

Глаза Гракха стали округляться. Он злобно прищурился:

– Мне кажется, я услышал неподчинение в твоем тоне, помощник трибуна?

– Нет-нет, доблестный господин, – ответил Тави. – Только несогласие.

Трибун помрачнел еще сильнее:

– Говори.

Получив разрешение говорить, Тави постарался придать своему голосу максимально кроткие интонации.

– Более двух десятков ветеранов пожаловались своим центурионам, что они получают меньшие порции хлеба во время своих трапез. Когда таких жалоб накопилось достаточно много, центурионы обратились к Первому копыю. Он изучил вопрос, затем в соответствии со стандартной процедурой Первое копые обратился к помощнику трибуна логистики. То есть ко мне.

Гракх покачал головой:

– И тебе есть что сказать, помощник трибуна?

– Да, доблестный господин. Я провел расследование, и выяснилось, что часть муки пропадает на пути от склада до столовой. – Тави немного помолчал и продолжил: – Я начал с того, что проверил точность измерительных чашек. – (Лицо Гракха сделалось багровым от гнева.) – И хотя чашки выглядели стандартными, на самом деле они оказались подделками, вмещающими лишь девять десятых того, что следовало. Я попросил одного из кузнецов сделать несколько чашек правильного размера, пока их все не заменят на настоящие мерные чаши.

– Понятно, – сказал Гракх, и на его верхней губе выступили капельки пота.

– Доблестный господин, я пришел к выводу, что кто-то

заменял мерные чашки подделками, затем отправил излишки муки на рынок или вор начисто лишен совести и продаст избытки легиону, а прибыль кладет себе в карман. — Тави пожал плечами. — Если вы хотите, чтобы я предстал перед судом, доблестный господин, я приму ваше решение. Но я полагаю, что суммы, заработанные в этом деле, позволят купить больше, чем серебряное кольцо или новые сапоги. Я надеюсь, что мы успели поймать воров за руку прежде, чем они причинили легиону серьезный вред.

— Достаточно, помощник трибуна, — сказал Гракх дрогнувшим голосом.

— Конечно, — продолжал Тави, — если вы хотите выдвинуть против меня обвинения или принять дисциплинарные меры, командир будет вынужден начать расследование. Я уверен, что он сумеет выяснить, кто у кого крадет. Возможно, так будет лучше всего.

Лицо Гракха стало пурпурным. Он закрыл глаза, и серебряное кольцо на его левой руке нервно застучало по доспехам. Его новые сапоги закрипели, когда он начал переминаясь с ноги на ногу.

— Помощник трибуна Сципио, ты испытываешь мое терпение.

— Прошу прощения, доблестный господин, — сказал Тави. — Но это не входило в мои намерения.

— О нет, напротив, — прорычал Гракх. — Тебе повезло, что я не бросил тебя в яму, где тебе пришлось бы стоять, а потом

не закрыл ее сверху.

В это время кто-то вежливо постучал костяшками пальцев по дверному косяку.

– Добрый день, господа, – сказал мастер Магнус, выступая вперед и вежливо улыбаясь. – Надеюсь, я вам не помешал.

Взгляд Гракха стал таким ядовитым, что Тави не сомневался: если бы глаза могли убивать, он бы уже превратился в труп.

– Вовсе нет, центурион, – негромко ответил он, прежде чем Гракх успел открыть рот. – Чем я могу вам помочь?

– Командир Сирил приветствует вас, трибун Гракх, и спрашивает, не присоединится ли субтрибун Сципио к нему на тренировочном поле?

Тави нахмурился, глядя на Магнуса, но выражение лица старого мастера оставалось нейтральным.

– С вашего разрешения, господин?

– Почему бы и нет, – ответил Гракх. – Я пока подумаю, как наилучшим образом использовать твою энергию. Возможно, тебе следует заняться вывозом нечистот.

Тави сумел сохранить невозмутимое выражение лица, но почувствовал, что его левая щека начала дергаться. Он отсалютовал и ушел вместе с Магнусом.

– Речь шла о мерных чашах? – пробормотал Магнус, когда они отошли подальше.

Тави приподнял бровь:

– Вы знали?

– Случаи, когда трибуны логистики воруют у легиона, известны давно, – сказал Магнус. – Но обычно они замечают следы более тщательно. Гракху просто не хватило хитрости.

Они шагали мимо ровных рядов палаток. За прошедшую неделю головастики научились ставить их аккуратно. Тави с некоторым беспокойством посмотрел на Магнуса:

– А командир знает?

– Естественно.

– Тогда почему он ничего не предпринимает? – спросил Тави.

– Гракх неудачливый вор, но очень неплохой офицер логистики. Он нам нужен. Если бы командир приказал начать официальное расследование, репутация Гракха была бы подмочена, карьера уничтожена и его бы изгнали из легиона из-за нескольких безделушек и новых сапог.

Тави состроил гримасу:

– И командир закрыл на это глаза.

– Он не легат, Тави. Сирил – солдат. Его задача состоит в том, чтобы создать и поддерживать легион как полноценную боевую единицу. И если для этого нужно закрыть глаза на некоторые ошибки, он готов заплатить такую цену.

– Даже если это приведет к уменьшению рационов легионеров?

Магнус улыбнулся:

– Но они не получают уменьшенных рационов, помощник трибуна. Мерные чаши заменили, проблема решена.

– Первое копьё. – Тави вздохнул. – Командир послал его ко мне.

– Он ничего подобного не делал, – с широкой улыбкой ответил Магнус. – Но я не исключаю, что мог неправильно понять некоторые его слова и ввел в заблуждение Валиара Маркуса.

Тави покачал головой и задумался.

– Так это проверка, – сказал он. – Ему хотелось посмотреть, как я себя поведу.

– Многие начали бы шантажировать Гракха, чтобы получить часть прибыли, – заметил Магнус. – Теперь же командир знает, что ты честен. Гракху придется немного ограничить свою жадность. Легионеры снова получают полные порции, а легион сохранил трибуна логистики. Все остались в выигрыше.

– Кроме меня. – Тави вздохнул. – После сегодняшнего дня Гракх заставит меня в течение месяца заниматься отхожими местами, и я буду по колено в дерьме.

– Добро пожаловать в легион, – согласился Магнус. – Я предлагаю тебе считать это полезным уроком.

Тави помрачнел.

Они подошли к западным воротам, и два головастика отсалютовали им, стараясь изо всех сил сделать все правильно. Они стояли на посту в коричневых туниках и с деревянным оружием в руках. В нескольких сотнях ярдов от ворот расстиралось поле, которое при помощи фурий сделали иде-

ально ровным. Его окаймлял широкий овал каменной дороги, построенной в соответствии с обычными требованиями Алеры.

В тренировках участвовали четыре полные когорты, пытавшиеся идти быстрым маршем в строю. При помощи внедренных в поверхность дороги фурий человек мог бежать часами, затрачивая при этом не больше энергии, чем на ходьбу. Однако рекруты по большей части неправильно использовали дорогу, поэтому двигались не ровным строем, а точно комета: ядро всех опережало, остальные отставали, затрачивая все больше сил.

В центре поля центурионы учили головастикав обращаться с деревянным оружием, другие работали с настоящими стальными щитами легионеров, изучая базовые понятия заклинания металла, позволяющие им делать свои щиты более прочными при отражении вражеских ударов. Потом они начнут учиться усиливать прочность клинков и доспехов. Другие рекруты сидели вокруг инструкторов, им показывали, как правильно носить доспехи и как за ними ухаживать, а также объясняли сотни аспектов жизни легиона.

Тави подождал, когда комета головастикав пройдет мимо по дороге, и направился к деревянному наблюдательному помосту, расположенному в центре поля. Рядом с башней поили водой рекрутов, здесь же лечили тех, кто не выдержал слишком тяжелых тренировок или, как Тави, заслужил индивидуальный урок владения мечом.

Командир Сирил стоял на помосте, и солнце отражалось от его доспехов и лысины. Он опирался о перила и о чем-то негромко беседовал с трибуном Кадиусом Адрианом, невысоким стройным человеком в легких доспехах и зелено-коричневой форме разведчика. Адриан показал на бегущих по дороге рекрутов и что-то сказал командиру. Потом его рука указала на группу головастиков, которые надевали тяжелые тренировочные доспехи. Сирил кивнул, опустил глаза и увидел у основания помоста Тави и Магнуса.

Кадиус Адриан посмотрел в том же направлении, отсалютовал и спустился по лестнице на землю. Командир разведчиков легиона молча кивнул Тави и Магнусу, когда они отсалютовали ему, и ушел.

– Я привел его, доблестный господин, – сказал Магнус. – И все как я вам и говорил.

У командира Сирила было крупное, темное от загара лицо человека, который много времени проводит под открытым небом. Когда он улыбнулся, по его лицу побежали многочисленные морщины.

– Пусть поднимется.

Тави повернулся к лестнице, и Магнус коснулся его руки.

– Мой мальчик... – едва слышно проговорил он. – Помни о своем долге. Но ты не должен лгать.

Тави нахмурился, кивнул Магнусу и поднялся по лестнице на помост. Оказавшись наверху, он встал по стойке смирно и отсалютовал командиру. Несколько мгновений оба мол-

чали, Тави ждал, когда заговорит командир.

– Лишь немногие субтрибуны способны противостоять своим трибунам, – наконец сказал Сирил. – Для этого требуется некоторая толика мужества.

– Это не совсем так, доблестный господин, – возразил Тави. – Он не мог ничего со мной сделать, не выдав себя.

– Однако у него есть способы это обойти, – проворчал Сирил. – Возможно, он не сумеет испортить тебе карьеру, но сделать твою жизнь неприятной ему по силам.

– Да, – просто ответил Тави.

Сирил снова улыбнулся:

– Так ты стоик.

– Я не боюсь работы. Все проходит.

– Так и есть. – Он оценивающе взглянул на Тави. – Я просмотрел твои документы. Ты не слишком хорошо владеешь магией.

Волна раздражения и боли начала подниматься в груди Тави.

– Я овладел основами, необходимыми для легионера, – сказал он, и это было правдой в соответствии с документами, которые подготовили курсоры. – Немного магии металла. И я владею мечом. Не так виртуозно, как великие бойцы, но могу постоять за себя.

Командир кивнул:

– Иногда у людей есть причины скрывать свои таланты. Некоторые боятся ответственности. Другие не хотят вы-

делиться. Кое-кто может поставить в неудобное положение своих родителей, как твой незаконнорожденный друг Максимум.

Тави скупно улыбнулся:

– Это не обо мне, командир.

Некоторое время Сирил наблюдал за ним, потом задумчиво кивнул.

– У меня тоже нет таких дарований. К сожалению, – сказал он и повернулся в сторону поля. – Мне бы не помешало иметь еще нескольких рыцарей.

Тави приподнял бровь:

– Рыцарей? Разве у нас не полный комплект?

Сирил пожал плечами, и его доспехи заскрипели.

– У нас есть рыцари, но ты же знаешь, каким полезным может быть такой талант. Каждый консул Алеры хочет собрать под свои знамена всех рыцарей, которых сможет выпросить, вымолить, купить, одолжить или украсть. Особенно в нынешние трудные времена. Наши рыцари в основном... как бы это правильно выразить?

– Головастики? – предположил Тави. – Рыцари-головастики?

Сирил фыркнул:

– Вроде того. Но я бы сказал: молодые и неловкие. И у нас всего один рыцарь Огня, да и он приходит в себя после полученных ожогов. – Сирил покачал головой. – Партия из дюжины или около того рыцарей Земли и лучников неплоха,

но у них много работы, и их всегда не хватает. И у нас совсем нет рыцарей Железа. Все остальные, их шестьдесят, рыцари Воздуха.

Тави приподнял брови:

– Большинство легионов пойдут на все, чтобы получить столько рыцарей Воздуха.

– Да. – Сирил вздохнул. – Если бы они умели летать.

– А они не могут? – спросил Тави. – Я думал, что они должны, если являются рыцарями Воздуха.

– Ну, по большей части они могут подняться в воздух. А вот спуститься вниз и не пострадать – это уже проблема. Если бы трибун Фантус и молодой Антиллус не находились рядом и не смягчали последствия, а госпожа Антиллус вместе с сыном не оказывали бы им помощь, у нас уже были бы смертельные исходы.

Тави нахмурился:

– Возможно, Максимус способен им помочь? Объяснить, что требуется делать, и все такое.

Командир коротко рассмеялся:

– Это будет неуместно. И он мне нужен на своем месте. Впрочем, в любом случае я бы не подпустил его к рыцарям. Ты видел, как он летает?

Тави задумался.

– Нет, командир.

– Он не летает, а делает огромные прыжки. Иногда ему удается приземляться на ноги. Или он падает. Однажды его

пришлось вытаскивать из торфяного болота. Уж не знаю, сколько раз он ломал ноги.

Тави нахмурился:

– Но это... совсем не похоже на Макса.

– Наверное, он неохотно говорит о таких вещах. У него плохо получается, но он не сдается. Однажды я видел, как он прилетел сюда. Настоящий позор. Что ж, так иногда случается.

– Да, господин, – ответил Тави, который не знал, что еще сказать.

– Сципио... – продолжал командир. – Ты еще не принес клятву легиону.

– Нет, господин. Я думал, вы пригласили меня для этого.

– Верно, – прищурившись, сказал Сирил. – Я неглуп, мальчик. Многие люди оказались здесь по каким-то своим причинам. Некоторые пришли в легион по желанию других.

Тави посмотрел на поле, где продолжали тренироваться рекруты. Он все еще не знал, что сказать.

– Я задам тебе только один вопрос. Ты можешь принести клятву верности этому легиону и этим людям без малейших колебаний и сомнений?

– Доблестный господин... – начал Тави.

– Это важно, – сказал Сирил. – Мы все должны быть уверены, что можем положиться друг на друга. И это поможет Короне и стране, если у нас возникнут серьезные трудности. Мы не бросим брата, мы без колебаний отдадим жизнь друг

за друга. Иначе у нас не будет легиона. Останется лишь толпа вооруженных людей. – Он пристально посмотрел на Тави. – Ты можешь взглянуть мне в глаза и дать такую клятву, юноша?

Тави посмотрел Сирилу в глаза:

– Я здесь, чтобы служить Короне. Да.

– Значит, ты даешь мне клятву?

– Да.

Командир некоторое время смотрел на Тави, потом коротко кивнул и протянул руку. Тави заморгал и обменялся с Сирилом рукопожатием.

– Я заставляю своих людей напряженно трудиться, помощник трибуна. Но подозреваю, что мы поладим. Свободен.

Тави отсалютовал, Сирил ответил тем же. Тави повернулся к лестнице, но остановился, услышав доносившиеся снизу крики, и увидел, что группа рекрутов в коричневых туниках бегом несет раненого. Его кровь капала на землю.

– Помогите! – выкрикнул один из них, и в его голосе Тави услышал панику. – Целителя!

Они приблизились, и Тави увидел бледную плоть и пропитанную кровью ткань, прижатую к горлу человека, кожа которого приобрела серый оттенок. Из большой палатки появился целитель с встревоженным лицом. Впрочем, он сразу же начал отдавать приказы.

Рекруты расступились, чтобы пропустить целителя, голо-

ва раненого свесилась набок, глаза у него остекленели.
Сердце Тави замерло в груди.
Это был Макс.

Глава 7

Амара хмурилась, сидя в одном из больших залов Коллегии тактики, гордости города Цереры и крупнейшей Военной академии Алеры, одна из немногих женщин в зале среди пятисот мужчин, большинство из которых были в форме и доспехах легионеров. Балкон заполняли любопытные молодые патриции и студенты Коллегии, она же оказалась между двумя юношами, которые не знали, как обращаться к женщине с едва заметным дуэльным шрамом на щеке и мечом на бедре.

Помост для выступлений, размером с небольшую театральную сцену, также был заполнен людьми. Вдоль его задней части полукругом стояли стулья. На них сидели несколько пожилых людей, по большей части опытные боевые командиры, ушедшие в отставку и ставшие наставниками в Коллегии. На предпоследнем месте устроился центурион Джиральди, возможно обладавший самым впечатляющим послужным списком из всех, кто так и не стал офицером. Однако сейчас на своих форменных брюках он носил двойные алые нашивки ордена Льва.

Седой коренастый старый солдат заметно прихрамывал при ходьбе с тех пор, как был ранен в битве с чудовищными существами, называвшимися вордом. Седые волосы Джиральди были коротко подстрижены, как и положено легио-

неру, на доспехах осталось множество царапин и вмятин от бесчисленных сражений, в которых он участвовал. Но Амара видела, что Джиральди явно не по себе в такой большой аудитории.

Рядом с Джиральди сидел сенатор Гантус Арнос, генерал-консул Коллегии, невысокий, всего пять футов ростом, одетый в темно-синюю мантию Сената. Его седые волосы были намаслены и собраны сзади в хвост, пальцы сложены домиком перед лицом, а на лице застыло выражение трезвой, мрачной рассудительности. «Наверное, он долго репетировал перед зеркалом», – подумала Амара.

Бернард был в своих обычных коричнево-зеленых цветах, и его простая туника заметно контрастировала с богатым одеянием сенатора Арноса. Бернард стоял в центре помоста, спокойно и сосредоточенно глядя на собравшихся в зале.

– Если коротко, – сказал он, – я считаю, что ворд – самая серьезная опасность, которая когда-либо грозила нашей стране.

Его голос слышали все присутствующие благодаря магии ветра, которой обладал зал и которая позволяла слышать оратора даже в самом дальнем конце. Собравшиеся тихонько переговаривались, обмениваясь впечатлениями.

– В мои владения вошла одна королева ворда, – продолжал Бернард. – В течение месяца ворд стал силой, уничтожившей две трети солдат, находившихся под моей командой, в том числе половину центурии рыцарей и все населе-

ние приграничного домена. Они применяют разумную тактику, как вам сегодня рассказали мы с центурионом Джиральди, что доказывает: эти существа не просто звери. Они разумная и организованная угроза для всего человечества. Если мы не отнесемся к ней серьезно и не покончим с этой заразой, не теряя времени, опасность может развиваться так стремительно, что мы не сумеем ее остановить. – Бернارد вздохнул, и Амара увидела облегчение на лице мужа, хотя не многие смогли бы его заметить. Он радовался, что заканчивает. – Теперь я готов ответить на вопросы.

Сразу же поднялось несколько дюжин рук, но они тут же опустились, как только стало ясно, что сенатор Арнос хочет задать вопрос.

Бернард нахмурился, но Джиральди пнул его ногу тростью. Бернارد посмотрел на него и перевел взгляд на Арноса.

– Конечно, сенатор, – сказал он. – Прошу вас.

Арнос встал и оглядел зал.

– Граф Бернард... – заговорил он. – Я слышал рассказы о том, что произошло в Кальдероне, и каждый следующий выглядел менее правдоподобным, чем предыдущий. Должен признаться, что ваша история представляется мне еще более фантастичной, чем остальные.

По рядам прокатился негромкий смех.

Глаза Бернарда сузились, и Амара поняла, что он начинает злиться.

– Как бы то ни было, уважаемый сенатор, – ответил Бер-

нард, – боюсь, что мне больше нечего добавить: я сказал правду.

– Правда, – кивнул Арнос. – Конечно. Но я думаю, что мы все знаем, какой... аморфной может быть правда.

– Прощу меня простить, – сказал Бернард, – но я не хотел сбить вас с толку, сенатор. Я должен уточнить свои слова. Я не могу ничего предложить вам, кроме фактов.

– Факты, – повторил Арнос и снова кивнул. – Превосходно. У меня есть вопросы о некоторых фактах, которые вы нам сегодня представили.

У Амары возникло неприятное ощущение в животе.

– Я вас слушаю, – ответил Бернард.

– Правильно ли я понял, что вы узнали о существовании чудовищ от варваров-маратов?

– От Дороги из Сабот-га, – уточнил Бернард. – Самого могущественного и влиятельного вождя маратов.

– Но... – Арнос пожал плечами. – Он марат.

– Да, – сказал Бернард.

– От него вы узнали, что их называют вордом.

– Да.

– Фактом является то, что ни один алеранец не слышал о таких существах до тех пор, пока вам о них не рассказал варвар.

– Если учесть опасность, которую представляет ворд, я подозреваю, что к тому моменту, когда мы о них узнаем, будет слишком поздно с ними сражаться. Если бы Дорога нас не

предупредил, мы бы потеряли половину страны.

– И вы ему верите? – спросил Арнос.

– Да, – ответил Бернард.

– Тем не менее, если верить варвару, его неграмотное нищее племя, незнакомое с цивилизацией и магией, каким-то образом в прошлом сумело победить ворд.

Бернард немного помолчал, прежде чем ответить. Амара узнала ситуацию: так Бернард поступал, прежде чем выбрать особенно глупого подчиненного.

– Они не победили ворд, сенатор, – возразил Бернард. – Часть их цивилизации бежала и сумела спастись.

– Понятно, – произнес Арнос с нескрываемым сомнением. – Скажите мне, граф, как вы можете доказать, что эта история не является очередным заговором маратов? В мире много опасных существ. У меня сложилось впечатление, что нам не было нужды бояться ворда до тех пор, пока мараты не заговорили о них с вами.

Челюсть Бернарда дернулась.

– Дорога едва не отдал свою жизнь, защищая мои владения и моих людей, когда мы сражались с вордом бок о бок. Он потерял почти две тысячи солдат перед тем, как ворд напал на Кальдерон.

Арнос небрежно махнул рукой:

– Ну, довольно, граф. Коллегия насчитывает тысячу лет военной истории, здесь хранится описание сотен сражений, как больших, так и малых. Мораль сражающихся сторон

ломается задолго до того, как потери составят половину. Неужели мы поверим на слово варвару, который утверждает, что его люди продолжали сражаться после того, как потеряли девяносто процентов своих сил?

– Если Дорога так говорит, я ему верю.

Сенатор позволил себе лукаво улыбнуться.

– Понятно. Складывается впечатление, что сражение против чудовищ вместе с варваром привело к тому, что вы начали ему доверять. – Он немного помолчал. – И стали слишком легковерным.

Бернард довольно долго смотрел на Арноса, потом вздохнул и заговорил все тем же терпеливым тоном:

– Сенатор, даже если отбросить свидетельства, которые я не видел собственными глазами, ворд является разумным, изобретательным и безжалостным врагом, который не делает разницы между солдатами и мирным населением противника. Очевидно, они располагают ресурсами, позволяющими причинить огромный ущерб всем, кто окажется рядом.

Арнос передернул плечами, на его губах все еще бродила легкая улыбка.

– Может быть. Но их самая главная и опасная черта, похоже, состоит в способности воспроизводиться с фантастической быстротой. И если даже одно такое существо уцелеет, оно сумеет вновь стремительно увеличить свою численность. – Он склонил голову набок и добавил: – Однако прошло три года с тех пор, как вы с ними сражались, граф, и

больше их никто не видел. Таким образом, у меня возникает вопрос, не солгали ли вам мараты, чтобы усилить у вас ощущение опасности, которое приведет к еще большему доверию к ним после того, как вы сумели одержать победу.

– Иными словами, вы утверждаете, что Дорога мне солгал?

– Не будем забывать, граф, что он варвар.

Бернард натянуто улыбнулся сенатору:

– В языке маратов не было слова «ложь» до тех пор, пока они не встретились с нами, сенатор. Понятие «неправда» стало им известно всего несколько поколений назад и не получило развития. Если один марат назовет другого лжецом, это повод для смертельного поединка, отказаться от которого невозможно. Дорога не лжец.

– Однако у меня нет возможности это проверить.

– А у меня есть, сенатор, – сказал Бернард. – Я ему верю. Я граф, гражданин Алеры, ветеран-легионер, который проливал кровь, защищая нашу страну. Я готов подтвердить его слово своим.

– Я в этом не сомневаюсь, – произнес Арнос тоном, которым добрый дедушка обращается к глупому юнцу. – И не ставлю под сомнение вашу искренность. Но я подозреваю, что мараты вами манипулируют.

Бернард посмотрел на сенатора и повел плечами. Амара видела это движение, когда он готовился выстрелить из боевого лука.

– Сенатор, если вы еще раз назовете моего друга лжецом, – теперь его голос стал жестким и звучным, но оставался неизменно вежливым, – мне это не понравится.

– Прошу простить? – сказал Арнос, приподняв брови.

– Я предлагаю вам найти какую-нибудь другую, не столь очевидно глупую, наглую, недальновидную и опрометчивую причину игнорировать очевидную угрозу Алере только из-за того, что вы не хотите верить в ее существование. И если вы не прекратите свою отвратительную клевету, я с радостью встречу вас на поединке, чтобы вырвать ваш змеиный язык.

Все разговоры стихли, и в зале наступила гробовая тишина.

Амара почувствовала, как ее захлестнул прилив яростной гордости за мужа, и обнаружила, что улыбается ему.

Лицо Арноса стало пурпурным от ярости. Без единого слова он повернулся на каблуках и стремительно покинул зал. Примерно треть присутствующих, в том числе и часть тех, кто был на помосте, последовала за ним.

Когда они ушли, Бернард потрянул головой и почти незаметно подмигнул Амаре.

– Хорошо, – сказал он, – а теперь следующий вопрос.

Поднялся небольшой лес рук. Все оставшиеся мужчины, коротко подстриженные и одетые в форму легионеров, продолжали слушать его ответы.

Амара улыбнулась, когда Бернард отошел от легионеров и приблизился к ней.

– Ты вырвешь его змеиный язык?

Он улыбнулся в ответ:

– Ты считаешь, я перестарался?

Амара произнесла, подражая родисскому акценту Арноса:

– Оказывается, вы варвар, граф.

Бернард расхохотался, но тут же покачал головой:

– Он мне не поверил.

– Он глупец, – ответила Амара. – Когда мы сюда собирались, мы знали, что таких здесь окажется немало.

– Да. Просто я не думал, что одним из них будет сенатор, который контролирует финансы легионов. – Бернард покачал головой. – И его многие поддерживают. Может быть, следовало позволить ему еще немного покуражиться.

– Тогда бы это был уже не ты, – заметила Амара. – Кроме того, ты произвел сильное впечатление на собравшихся здесь настоящих солдат. Именно их мнение имеет значение.

– Именно они пострадают больше всего, если финансирование будет урезано, – сказал Бернард. – Трудно воевать, когда твое оружие находится в плохом состоянии. Особенно если имеешь дело с вордом.

– А разве обхаживание сенатора приведет к тому, что золота на содержание легионов станет больше? И легионы смогут увеличить количество разведчиков и вспомогательных частей?

– Скорее всего, нет, – признал Бернард.

– Тогда и жалеть не о чем. Ты сделал все, что в твоих силах. И я не сомневаюсь, что кадеты, которые присутствовали на встрече, будут еще долго вспоминать, как ты бросил сенатору вызов. Истории об этом станут рассказывать долгие годы.

– Значит, мне все-таки удалось добиться хоть какого-то позитивного результата. Почему ты прямо не сказала?

Амара рассмеялась, взяла его за руку, и они вместе вышли из зала, чтобы прогуляться по парку.

Бернард улыбнулся и повернулся к ней:

– Ты выглядишь... я даже не знаю. Счастливой. Сегодня ты все время улыбаешься.

– Нет, я не выгляжу счастливой, – возразила Амара.

– Неужели?

– Нет, муж мой. – Она глубоко вздохнула. – Я выгляжу так, будто у меня задержка.

Он недоуменно посмотрел на нее:

– Ты выглядишь... – Потом его глаза широко раскрылись. – Ах вот оно что!

Амара посмотрела на мужа и улыбнулась. На мгновение ей показалось, что ее сердце вот-вот выскочит из груди и

устремитесь в небо. Она не смогла больше бороться с искушением позвать Циррус – свою фурию ветра, и та подхватила ее и подняла на семь или восемь футов над землей. Сделав пируэт, Амара опустилась на землю рядом с Бернардом.

На его лице появилась широченная улыбка.

– Так ты... ну, я хотел сказать, ты уверена?

– Насколько это вообще возможно при таких малых сроках, – ответила она. – Может быть, ты с самого начала был прав. Мы впервые провели вместе несколько дней подряд.

Бернард рассмеялся, подхватил ее на руки и едва не раздавил в медвежьих объятиях. На них стали посматривать проходившие мимо кадеты, но Амара наслаждалась происходящим. Именно в такие моменты, когда она ощущала силу Бернарда, его небрежную колоссальную мощь, она становилась настоящей женщиной. Он делал ее красивой. Да, она носила на бедре меч и умела им владеть, если потребуется, но иногда было так приятно почувствовать себя слабой женщиной.

– Знаешь, иногда мне нужно дышать, – пробормотала она через некоторое время.

Он рассмеялся и отпустил жену, и они пошли дальше, но теперь его рука обнимала Амару за плечи.

– И как давно у нас такое положение?

– Шесть недель, – прошептала Амара. – Ты и сам знаешь.

– Неужели прошло так много времени? – спросил Бернард.

Она бросила на него взгляд из-под опущенных ресниц:

– Трудно следить за течением времени, господин, если редко покидаешь спальню.

Он довольно рассмеялся:

– Но едва ли это моя вина. Внешний мир не представляет для меня особого интереса по сравнению с тем, кто находится в моей спальне.

– Мой господин! – сказала она, делая вид, что поражена. – И что это значит?

Его пальцы сжались на ее талии, а потом он слегка погладил ее бедро. Она вздрогнула.

– Позволь мне тебе показать.

– А как же Джиральди?

– Он не приглашен.

Амара тихонько ткнула его локтем под ребра:

– Мы ведь не оставим его одного сегодня ночью?

– Нет-нет. Мы встретимся за обедом, когда захватим Исану. А сейчас он дает урок фехтования как один из лучших инструкторов.

– Хорошо, – сказала Амара. – Если ему нечем будет заняться, Джиральди обязательно попадет в какие-нибудь неприятности.

– А я думал, ты моя жена, – проворчал Бернارد.

– Я сама выбираю свои сражения, – заявила Амара. – А ты – неприятности, что бы я ни пыталась делать. Возможно, это у вас семейная черта. Тогда становится понятно не только твое поведение, но и поступки твоего племянника.

– Так нечестно, – возразил Бернард. – У Тави гораздо больше неприятностей, чем у меня.

– Он моложе, – сказала Амара, бросив на Бернарда лукавый взгляд и толкнув его бедром.

– Я тебе покажу, кто у нас молодой, – прорычал Бернард, посмотрел через плечо, и улыбка сбежала с его лица.

– В чем дело? – спросила Амара, опуская голову на его плечо, словно ничего не случилось.

– За нами следуют двое мужчин, – ответил Бернард. – И я не уверен, что они принадлежат к нашему эскорту.

– Какому еще эскорту? – спросила Амара.

Он изогнул бровь и посмотрел на нее.

– Ладно, – вздохнула Амара. – У курсоров есть команды, наблюдающие за возможными жертвами. Я не хотела, чтобы ты чувствовал себя оскорбленным.

Она остановилась, поправляя подол юбки, и призвала Циррус, чтобы та изменила пространство вокруг и Амара видела только то, что находится сзади. Это была довольно сложная магия, и ей пришлось сосредоточиться, но она хотела лишь бросить быстрый взгляд назад.

– Эти мужчины не являются нашим эскортом, – тихо сказала она. – Я их не знаю.

Бернард прищурился:

– Тогда здесь что-то не так.

– Согласна, мне это совсем не нравится, – ответила Амара.

Глава 8

– Проклятые вóроны, – прорычал Сирил. – Не стой, суб-трибун.

Тави сел на перила и соскользнул вниз по лестнице, не касаясь ступеней. Он стукнулся о землю, согнув ноги, чтобы смягчить удар, и побежал к палаткам целителей. Он услышал, как у него за спиной спрыгнул Сирил и помчался вслед за ним, не отставая, несмотря на тяжелые доспехи.

– Пропустите! – рявкнул Тави на рекрутов, собравшихся возле палатки, стараясь подражать голосу и интонации Макса, когда тот отдавал приказы. – Командир хочет пройти!

Головастики поспешно расступились, большинство салютовали, когда Сирил проходил сквозь толпу. Тави отбросил полу палатки в сторону, чтобы Сирил мог войти, и влетел внутрь вслед за ним.

Целителем оказался ветеран по имени Фосс, почти семи футов ростом, горный медведь из Фригии, с узкими, глубоко посаженными глазами и коротким ежиком седых волос. Его доспехи отличались от тех, что носили другие legionеры, – такие были в моде сорок лет назад. На них имелось немало вмятин, но они находились в отличном состоянии, а Фосс двигался так, словно они стали его частью.

– В ванну, – прорычал он головастикам, которые несли Макса, указывая на длинное деревянное корыто, наполнен-

ное водой. – Осторожно, забери вас вóроны, неужели вы хотите навредить ему еще больше?

Макса положили в ванну прямо в доспехах, и он оказался под водой до самого подбородка, голова лежала на специальной подставке. Мрачно бормоча что-то себе под нос, Фосс протянул руку и поправил подставку, чтобы голова Макса целиком оказалась в воде, кроме губ, носа и глаз. Потом он встал на колени рядом, опустил руку в воду и закрыл глаза Макса.

– Дайте ему место для работы, рекруты, – спокойно сказал командир Сирил.

Он указал на противоположный угол палатки, и испачканные кровью головастики повиновались.

Тави прикусил губу, не сводя глаз с друга. Кожа Макса стала бесцветной и странным образом напоминала воск. Тави не видел, чтобы Макс дышал.

– Целитель... – пробормотал Сирил через мгновение.

– Не мешайте! – прорычал Фосс, в его базе послышались угрожающие нотки, и только через полминуты он добавил: – Господин.

Фосс продолжал что-то бормотать себе под нос. Тави показалось, что он витиевато ругается, потом целитель сделал вдох и задержал воздух в груди.

– Он не раз был ранен, – сказал Тави командиру. – Как вы думаете, с ним все будет в порядке?

Сирил не отрывал глаз от Макса.

– Паршивое дело, – коротко ответил он.

– Я видел, как он выбирался из передраг, которые должны были его убить. Однако не проходило и четырех часов, как он вставал на ноги.

Сирил посмотрел на Тави и заговорил как-то отрешенно и совсем тихо:

– Твоя болтовня мешает Фоссу. Если хочешь помочь другу, стисни свои глупые зубы и помалкивай. Или выйди из палатки.

Тави покраснел, кивнул и закрыл рот, щелкнув зубами, с трудом заставив себя молчать. Макс был его другом, и Тави стало страшно. Он не хотел терять Макса. Инстинкты подсказывали ему, что нужно кричать, чтобы заставить целителя работать быстрее, делать что-нибудь. Но он прекрасно понимал, что это невозможно.

Тави ненавидел чувство беспомощности, которое им овладело. У него была целая жизнь, чтобы к этому привыкнуть, ведь отсутствие способностей к заклинанию фурий постоянно заставляло его чувствовать себя ущербным. Он бы все отдал за то, чтобы обладать талантом целителя, чтобы иметь возможность помочь другу.

Однако Сирил был прав, ему оставалось только стиснуть зубы и ждать. Больше он ничего для Макса сделать не мог.

В течение двух минут стояла полная тишина, и каждая секунда казалась Тави неделей.

Наконец Фосс с мучительным хрипом выдохнул, и его

огромное тело склонилось над Максом.

Макс вздрогнул и сделал первый неуверенный вдох.

– Я достал его, командир, – сказал Фосс, голос которого слегка дрогнул. – Но мы очень близко подошли к краю.

Тави услышал, как вздохнул сам Сирил, но на его лице ничего не отразилось.

– Мне казалось, я сегодня видел здесь госпожу Антиллус, – сказал он. – Почему она не занялась исцелением Максимуса?

Фосс покачал головой и медленно опустился на брезентовый пол, вытащив руки из окрашенной кровью воды.

– Она сказала, что обедает со своим сыном.

* * *

– Ах да, семейный обед, – сказал Сирил. – Как он?

– Плохо, доблестный господин. Он крепче, чем сапог из кожи гарганта, но потерял слишком много крови.

– Он поправится?

Фосс снова покачал головой:

– Рана закрылась. Он дышит. Но такая потеря крови может плохо сказаться на голове. Может быть, он придет в себя. Может быть, нет. Или не сможет ходить. Или придет в себя и станет дурачком.

– Мы можем ему как-нибудь помочь?

Фосс пожал плечами и опустился на спину, потирая лоб

ладонью.

– Сейчас ему нужно время. Но я лишь старый целитель легиона. Возможно, сиятельная госпожа знает больше меня или сможет увидеть то, чего не заметил я.

– Вóроны, – пробормотал Сирил, повернулся и хмуро посмотрел на рекрутов, которые стояли в дальнем углу палатки; восемь человек – копье, вероятно, они жили в одной палатке. – Командир копья! – скомандовал он.

Один из молодых парней, высокий и неуклюжий юноша, встал по стойке смирно и отсалютовал Сирилу:

– Командир.

– Как тебя зовут, сынок?

– Шульц, доблестный господин.

– Докладывай, – сказал Сирил. – Что случилось, рекрут Шульц?

– Несчастный случай, командир.

Секунду Сирил молчал, глядя на рекрута, который сглотнул, побледнел и словно превратился в каменное изваяние.

– Командиру известно, что это был несчастный случай, рекрут, – вмешался Тави. – Расскажи детали.

Юноша покраснел:

– О да, доблестный господин, извините. Мы были самым сильным копьем в когорте на занятиях с мечом. Нам первым разрешили работать с боевыми мечами. Центурион Антилар проводил первый урок с настоящими клинками. Он хотел показать нас всей когорте перед тем, как рекрутам выда-

дут мечи. Он прохаживался вдоль строя, наблюдал за нами, объяснял ошибки.

– Продолжай, – сказал Сирил. – Как он был ранен?

Юноша покачал головой:

– Доблестный господин, это несчастный случай. Он показал мне мою ошибку и отходил в сторону, откуда мог наблюдать за нами. А я провел выпад номер восемь. – Рекрут встал в боевую стойку и выбросил правую руку вверх от бедра. Такой удар меча должен выпотрошить человека, и, хотя его довольно трудно использовать в схватке, где противники сходятся совсем близко, он может быть очень эффективным. – И меч... выскользнул из моей руки.

– Меч выскользнул, – тихо повторил Сирил, не спуская глаз с рекрута.

Тот снова встал по стойке смирно.

– Да, командир. Со мной такого никогда не случилось. Меч выскользнул и, вращаясь, ударил центуриона Антиллара в шею, сбоку. – Он опустил взгляд, и Тави показалось, что он только теперь заметил, что весь в крови. – Я не хотел этого. Не хотел. Я сожалею, доблестный господин.

Сирил сложил руки на груди.

– Он только что исправил твою ошибку. Он стоял к тебе спиной. Меч необъяснимым образом вылетел из твоей руки и ударил его в шею. Ты говоришь, это несчастный случай.

– Да, командир.

– И ты считаешь, что я тебе поверю?

Рекрут заморгал:

– Командир?

– Известно, что многие головастики теряли терпение, когда их обучали центурионы. Иногда рекруты, охваченные яростью, их убивали. Может быть, ты не смог стерпеть критику твоей техники Антилларом. Сегодня жарко. Ты проголодался. Может быть, ты потерял терпение и убил его.

Рекрут разинул рот:

– Нет... – Он затряс головой. – Я бы никогда так не поступил, нет. Центурион Антиллар... нет, доблестный господин.

– Мы разберемся, – тихо сказал Сирил. – Я проведу тщательное расследование. Возвращайтесь в свою когорту, рекруты. Шульц, не пытайся покинуть лагерь. В противном случае я пошлю людей с приказом тебя прикончить.

Юноша сглотнул и снова отсалютовал.

– Свободны.

Шульц вывел остальных рекрутов из палатки, но через секунду в нее вошел рыцарь в доспехах, его сопровождала сиятельная госпожа Антиллус. Рыцарь замер на месте, увидев в ванне Макса, и разинул рот. Госпожа Антиллус глубоко вздохнула, положив ладонь на лиф своего синего шелкового платья, глаза ее широко раскрылись.

Тави не мог бы объяснить причину, но он не поверил в искренность жеста мачехи Макса. Уж слишком он был изящным, чтобы свидетельствовать о настоящем горе.

– Да сохраняют нас великие фурии, – сказала она. – Что

случилось с моим приемным сыном?

– Если верить рекруту, чье оружие нанесло удар, произошел несчастный случай во время тренировки, сиятельная госпожа, – ответил Сирил.

На ее лице появилась тревога.

– Он выглядит ужасно. Насколько я понимаю, исцеление проводил Фосс?

– Да, сиятельная госпожа, – ответил все еще лежавший на полу палатки Фосс. – Но он потерял очень много крови.

– И каков прогноз? – спросила она у целителя.

– Что? – невнятно пробормотал Фосс.

– Ему не грозит непосредственная опасность, – вмешался Тави. – Но пока непонятно, какими будут последствия из-за большой потери крови.

Внимание госпожи Антиллус обратилось на Тави, и за ее пристальным взглядом он почувствовал пульсирующую силу ее личности. Невысокая, с темными мерцающими волосами, ниспадавшими до бедер, бледным жестким лицом и красными щеками, как у людей, живущих в северном климате, с глазами цвета темного янтаря, высокими скулами и тонкими губами, она не была красива в привычном значении этого слова. Но грация, с которой она держалась, и пылающий огонь интеллекта в янтарных глазах вместе производили сильное впечатление.

И вновь лицо жены консула показалось Тави знакомым, но он никак не мог вспомнить, где ее видел.

– Мне кажется, мы не знакомы, молодой человек, – сказала она.

Тави низко поклонился:

– Помощник трибуна Сципио Руфус, сиятельная госпожа. Конечно, я знаю, кто вы такая.

Рыцарь шагнул вперед, глядя на неподвижного Макса. Только теперь Тави заметил, что он моложе самого Тави на несколько лет. Чуть ниже среднего роста, стройный, с длинными каштановыми волосами и оливково-зелеными глазами. На великолепных доспехах Тави не заметил ни одной вмятины.

– Мама, – тихо сказал рыцарь, – он выглядит ужасно. Разве нам не следует... что-нибудь сделать? Позаботиться о нем?

– Конечно, мы...

– Нет, – жестко вмешался Сирил.

Госпожа Антиллус удивленно посмотрела на Сирила:

– Простите?

Тот коротко поклонился ей:

– Прошу меня извинить, сиятельная госпожа. Мне бы следовало сказать: «Пока нет». Центурион пережил серьезный шок, но сейчас его раны закрылись. Полагаю, ему необходим отдых. Любое применение магии приведет к истощению его сил и причинит больше вреда, чем пользы.

– Верно, – кивнул молодой рыцарь. – Он прав, мама...

– Красс! – резко и холодно сказала госпожа Антиллус.

Молодой рыцарь опустил глаза и замолчал.

Она снова повернулась к Сирилу:

– Я со всей серьезностью задам вам вопрос: неужели у вас хватает высокомерия считать, что вы лучше опытного заклинателя воды знаете, как следует поступить в данном случае? Вы трибун-целитель?

– Я командир трибуна-целителя, – совершенно спокойно ответил Сирил. – Я человек, который может сказать целителю: либо выполняйте приказы, либо оставьте службу в легионе.

Глаза госпожи Антиллус широко раскрылись.

– И вы осмеливаетесь *так* со мной разговаривать, офицер?

– Выйдите из палатки. Это приказ, трибун.

– И что будет, если я не выйду? – спокойно спросила она.

– Я прикажу с позором снять вас с должности трибуна и вывести из лагеря.

В глазах госпожи Антиллус вспыхнул гнев, и в палатке вдруг стало душно.

– Остерегайся, Сирил. Ты совершил глупость.

– Какую глупость, трибун? – тем же холодным тоном спросил Сирил.

От сиятельной госпожи исходил жар, как от раскаленной плиты.

– Офицер, – злобно прошипела она.

– Благодарю вас, трибун. Мы вернемся к этому вопросу

позже, когда Максимус получит шанс отдохнуть. – Потом выражение его лица стало жестче его доспехов или клинка, но голос прозвучал едва слышно. – Вы свободны.

Госпожа Антиллус развернулась на каблуках и стремительно вышла из палатки. Однако жар от ее присутствия остался, и Тави почувствовал, как по его лицу стекает пот.

– Вы тоже, дон Красс, – сказал Сирил, но его голос прозвучал как обычно. – Мы о нем позаботимся.

Красс коротко кивнул, не поднимая глаз, и вышел.

В палатке наступила тишина. Сирил сделал глубокий выдох, а Тави вытер пот со лба. Тишину нарушал лишь едва слышимый плеск воды, когда дышал Макс.

– Кто-то больше никогда не получит повышения, – сказал Фосс, по-прежнему лежавший на полу.

Сирил быстро улыбнулся целителю, выпрямил спину, и на его лицо вернулось обычное выражение.

– Едва ли она сумеет причинить мне серьезные неприятности, обвинив в том, что я отдал приказ своему непосредственному подчиненному.

– Речь не об официальных неприятностях, – тихо сказал Тави.

– Что ты сказал, субтрибун?

Тави посмотрел на своего друга, неподвижно лежавшего в ванне:

– Например, иногда происходят несчастные случаи.

Сирил посмотрел Тави в глаза:

– Да, такое бывает.

Тави склонил голову набок:

– Вы знали. Именно поэтому вы пригласили Макса на собрание офицеров. Вы хотели его предупредить о ее появлении.

– Я лишь хотел поприветствовать старого друга, – сказал Сирил.

– И вы не считаете, что рекрут сознательно ударил Макса. Вы знали, что она находилась где-то неподалеку. Вы хотели заставить ее думать, будто вы не понимаете причин произошедшего.

Сирил нахмурился:

– Я не совсем понял.

– Командир, – начал Тави, – вы полагаете, что госпожа...

– Нет, – перебил его Сирил. – Я так не думаю. Как и ты, Сципио.

Лицо Тави исказила гримаса.

– Но именно по этой причине вы не хотели, чтобы она приближалась к Максусу.

– Я всего лишь отдал ей приказ и позаботился, чтобы она его выполнила, – сказал Сирил. – Но тебе следует быть осторожнее, Сципио. Если ты произнесешь не те слова и их кто-нибудь услышит, тебе придется сразиться с сиятельной госпожой. И она превратит тебя в пепел. Вот почему до тех пор, пока ты не получишь серьезных доказательств, настолько серьезных, что их можно будет предъявить в суде, держи язык

за зубами и не высказывай своего мнения. Ты меня понял?

– Да, командир, – ответил Тави.

– Фосс, – проворчал Сирил.

– Я ничего не слышал, ничего не помню и ничего не стану повторять, господин.

– Ну вот и хорошо, – сказал Сирил. – Когда Максимус придет в себя, нужно, чтобы он увидел знакомое лицо. Он будет сбит с толку и может испугаться. Мы знаем, насколько он силен, так что он может повредить себе, если запаникует. – Сирил забарабанил пальцами по рукояти меча. – У меня есть около часа. Сципио, отправляйся к Гракху и скажи, что у меня есть для тебя задание на день или два. Хорошенько поешь. И принеси с собой еду. Я тебя сменю или пришлю Первое копьё.

Тави сглотнул.

– Вы думаете, ему грозит серьезная опасность?

– Я сказал все, что хотел. Сейчас мы должны позаботиться о том, чтобы избежать новых несчастных случаев. А теперь шевелись.

– Есть, командир! – сказал Тави и отсалютовал.

Но он помедлил у выхода из палатки. Макс был беспомощен. Ему в голову пришла ужасная циничная мысль: а вдруг конфронтация офицера и сиятельной госпожи устроена исключительно для Тави? Что, если, оставив Макса в палатке, Тави приговаривает друга к смерти?

Тави посмотрел на Сирила через плечо.

Сирил стоял возле ванны. Он взглянул на Тави и приподнял бровь. Тави чувствовал силу в этом человеке – не ярость бури, характерную для Гая, и не тлеющий гнев госпожи Антиллус. Эта сила была старше и проще, но столь же прочной и уверенной, как склоны холмов долины, и настолько же утвердившейся в нем, как потрепанные ветрами древние горы вокруг, не меняющиеся перед лицом бури, точно вода в глубоком колодце. Тави не знал, откуда ему это известно, но он не сомневался, что Сирил уважает могущество людей, вроде госпожи Антиллус, но не боится их. Он не преклонит перед ними колени и не запятнает свою честь ради нее или ей подобных.

– Максимус – часть легиона, – сказал Сирил, гордо вскинув подбородок. – Если ему и будет причинен вред, то лишь когда я буду мертв.

Тави коротко кивнул, прикоснулся кулаком к груди и поспешно вышел из палатки, чтобы выполнить приказ.

Глава 9

Тави провел день и бо́льшую часть ночи в палатке у ванны, где лежал его друг. Валиар Маркус сменял его на некоторое время, что позволило Тави помыться и съесть остывший обед. Перед рассветом зашел командир Сирил, и Тави улегся прямо на пол и заснул, даже не сняв доспехов. Он проснулся уже утром, все тело у него затекло, и Тави потянулся, стараясь не обращать внимания на его жалобы. Сирил подождал, когда Тави окончательно придет в себя, и ушел по своим делам, оставив его в одиночестве охранять друга.

Несколько раз заходил Фосс, чтобы проверить состояние Макса.

– Может быть, его стоит перенести в постель? – спросил Тави.

– Попробуй снять с него доспехи. В воде ему будет лучше, если только он не замерзнет.

– Почему?

– Моя фурия все еще там, – ответил Фосс. – Продолжает оказывать ему посильную помощь.

Тави улыбнулся:

– Она?

– Бернис. И не болтай, мальчик. Я знаю, что вы, граждане, посмеиваетесь над нами за то, что мы даем им имена. А у меня дома удивляются, если кто-то говорит, что имена не

нужны.

Тави покачал головой:

– Нет, я не собираюсь критиковать тебя, целитель. Честно. Важен результат.

– Честно говоря, я с тобой совершенно согласен, – с усмешкой ответил Фосс.

– Как вы оказались в легионе? – спросил Тави.

– Сам вызвался, – сказал Фосс.

Он осторожно, чтобы не обжечь Макса, добавил в ванну горячей воды из котелка.

– Мы все сами вызвались, – заметил Тави.

– Я профессиональный легионер. Защитная стена. С Антиллусом во Фригию и обратно, сражался с ледовиками. Один срок – за первый город, потом еще один за другой. Так прошло тридцать лет.

– Устали от холода? – спросил Тави.

–оборот речи, – усмехнулся Фосс и подмигнул Тави. – Жена во Фригии узнала о жене в Антилле. И я подумал, что будет неплохо для разнообразия побывать на юге.

Тави рассмеялся.

– Не играй с ним в карты, Кальдерон, – едва слышно проговорил Макс. – Он жульничает.

Тави вскочил со стула и моментально оказался рядом с другом.

– Привет, ты решил наконец проснуться? – спросил Тави.

– У меня похмелье, – невнятно пробормотал Макс. – Или

что-то вроде того. Что со мной случилось, Кальдерон?

– Привет, Макс, – ответил Тави, стараясь говорить спокойно. – Пока лучше помолчи. Не засыпай, позволь целителю тебя осмотреть.

Фосс опустился на колени рядом с ванной и заглянул в глаза Макса. Потом он попросил его проследить глазами за своим пальцем.

– Кальдерон? – спросил целитель. – Я думал, что раньше ты служил в Риве.

– Верно, – небрежно ответил Тави. – Сначала я служил именно там, в одной из зеленых когорт, которую послали в гарнизон.

– Ты участвовал во Второй кальдеронской битве?

– Да, – ответил Тави.

– Слышал, там было тяжело.

– Верно, – согласился Тави.

Фосс посмотрел на него из-под мохнатых черных бровей, и в его глазах появилось задумчивое выражение.

– Максимус, вылезай из ванны, пока я тебя не утопил, – проворчал он. – И я никогда в жизни не жульничал в картах.

– Не заставляй меня тебя бить, – сказал Макс, но его голос был лишь тенью голоса прежнего центуриона.

Он попытался приподняться, но со стоном опустился обратно.

– Ведро, – сказал Фосс Тави.

Тави схватил ближайшее ведро и бросил Фоссу. Целитель

поставил его на пол как раз в тот момент, когда Макс повернул голову и его вырвало. Целитель поддержал раненого легионера мощной рукой:

– Ну, ничего страшного. Ты едва уцелел.

Макс опустил обратно в воду, заморгал и посмотрел на Тави.

– Сципию, – сказал он со значением, показывая, что окончательно пришел в себя. – Что произошло?

Тави повернулся к Фоссу:

– Целитель? Вы не против, если мы немного поболтаем?

Фосс проворчал что-то себе под нос и вышел из палатки.

– С тобой произошел несчастный случай во время тренировки, – сказал Тави, как только они остались вдвоем.

Макс долго смотрел на Тави, и в глазах друга тот прочитал отчаяние.

– Понятно. Когда?

– Вчера, примерно в это же время. Один из твоих рекрутов не удержал гладий, и клинок ударил тебя в шею.

– Кто именно из рекрутов? – монотонным голосом спросил Макс.

– Шульц.

– Клянусь вбронами, он этого не делал, – пробормотал Макс. – Парень владеет магией металла, но он об этом даже не подозревал, пока не вступил в легион. И у него имеется кое-какой опыт, возможно, он станет рыцарем. Он не мог совершить такую ошибку.

– Все так говорят, – сказал Тави. – И Сирил согласен с тем, что это был несчастный случай, раз нет доказательств иного.

– Да, офицеры всегда так говорят, – с горечью сказал Макс.

– О чем ты? – спросил Тави.

Макс тряхнул головой и с трудом сел. Вода потекла с его мощных плеч, дорожки влаги заблестели на многочисленных шрамах, покрывавших верхнюю часть спины. Он провел рукой по шее и осторожно коснулся куска розовой кожи, расщепленной мечом и восстановленной при помощи водяной магии.

– Брось полотенце.

Тави исполнил его просьбу.

– С тобой такое не в первый раз? – спросил Тави.

– В пятый, – ответил Макс.

– Вóроны, – пробормотал Тави. – И это она?

Макс кивнул.

– Что будем делать? – спросил Тави.

Макс медленно и неохотно вытирался.

– Делать?

– Мы должны что-то сделать.

Макс огляделся и обнаружил свои форменные брюки и тунику, чистые, аккуратно выглаженные и сложенные. Он бросил полотенце на пол и потянулся за одеждой.

– А что тут сделаешь?

Тави посмотрел на друга:

– Макс? Мы должны.

– Нет. Оставь это.

– Макс...

Макс застыл с рубашкой в руках, его плечи напряглись.

– Заткнись! – свирепо сказал он. – Немедленно!

– Нет, Макс. Мы должны...

Макс резко повернулся:

– Что?

И тут земля бросила Тави вверх и в сторону. Он упал.

– Что мы можем сделать? – яростно прорычал Макс, взмахивая туникой, как мечом. – Я ничего не могу. И никто не может. – Он покачал головой. – Она слишком умна. И сильна. Вóроны, ей сойдет с рук все, что она пожелает. – Он закрипел зубами, и его туника внезапно вспыхнула; языки пламени метнулись в стороны, не задевая кожи Макса, и Тави ощутил мощный жар. – Слишком...

Макс бессильно уронил руки, во все стороны полетел черный пепел – все, что осталось от туники. Он сел, оперся спиной о палаточный шест и потряс головой. Тави встал и увидел, как Макс поник головой. Довольно долго он молчал.

– Она убила мою мать, – наконец прошептал Макс, – мне было тогда пять лет. – (Тави подошел к другу и присел рядом с ним на корточки.) – Такие люди, как она, делают все, что пожелают, – тихо продолжал Макс. – Я не могу просто убить ее. Она слишком умна – ее невозможно застать врасплох. И даже если бы мне удалось, у нее есть семья, друзья, связи и

люди, которых она контролирует и шантажирует. Она никогда не предстанет перед судом. И однажды она меня достанет. Я знаю об этом с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать.

И вдруг Тави стал лучше понимать друга. Макс прожил всю жизнь в страхе и гневe. Он сбежал в легион, чтобы оказаться вне досягаемости мачехи, но знал, что лишь отодвинул день казни. Макс не сомневался, что она его убьет, верил на таком глубинном уровне, что это стало частью его сущест­ва. Вот почему его друг с энтузиазмом куролесил в столице и пропустил бóльшую часть курсов в Академии, вот почему охотно пил вино и волочился за женщинами.

Он считал, что не доживет до седых волос.

Тави положил руку на плечо Макса:

– Неуязвимых людей нет. Никто не идеален. Ее можно победить.

Макс потряс головой.

– Забудь, – сказал он. – Держись от нее подальше. Я не хочу, чтобы ты оказался у нее на пути, когда придет тот час.

Тави разочарованно хлопнул себя по колену:

– Проклятые вóроны, Макс. Что с тобой?

Макс не поднял головы.

– Просто уйди.

Снаружи слышались шаги, мастер Магнус засунул голову в палатку и быстро огляделся по сторонам.

– О, он уже пришел в себя?

Фосс обошел Магнуса и хмуро посмотрел на Тави:

– Ну все, хватит, выходите отсюда.

– Что? – спросил Тави.

– Всем выйти. Пациент должен помыться, одеться, выпить воды, а мне необходимо его осмотреть, прежде чем он сможет ходить. Ему не станет лучше, если вы будете на него смотреть. Так что уходите.

– Пожалуй, разумная мысль, – заметил Магнус, со значением посмотрев на Тави.

Тави кивнул:

– Хорошо. Я подожду тебя снаружи, Макс.

– Да, – отозвался Макс, небрежно помахав рукой, – выходите все.

Тави выскользнул из палатки и зашагал рядом с Магнусом.

– Где вы были? – спросил Тави.

– Приглядывал за нашим трибуном целителей, – ответил Магнус и отвел Тави в сторону, подальше от палаток и нескольких групп тренирующихся рекрутов, на которых кричали инструкторы, да и сами головастики не молчали; так что шум стоял такой, что их никто не смог бы подслушать.

– Кто-нибудь приходил?

– Только Сирил и Первое копьё, – тихо ответил Тави. – Утром неподалеку от палатки стоял Красс, но он так и не вошел.

– Тебе удалось что-нибудь узнать о посланце, который снует между трибуном Брахтом и деревней? – спросил Магнус.

– Я был с Максом, – сказал Тави. – Мастер, это важнее, чем...

– Наши обязанности? – лукаво спросил Магнус. – Нет, Тави. Безопасность государства важнее каждого из нас. Не забывай, почему мы здесь.

Тави скрипнул зубами, но коротко кивнул:

– Я узнаю в ближайшие день или два.

– Хорошо. И пока ты этим занимаешься, я хочу, чтобы ты выяснил все, что возможно, о кузнеце и его работе. И о группе ветеранов из пятой когорты.

– Последнее я уже сделал, – сказал Тави. – Они наркоманы, покупают афродин в лагерном борделе.

Магнус недовольно зашипел:

– Наркоманы вполне могут быть шпионами. Выясни, кто именно им продает. И с кем они разговаривают.

Тави закашлялся.

– Это больше подходит Максусу, чем мне.

– Великие фурии, Тави. Сейчас я не позволю Максусу подходить к палатке, где находится логово любителей афродина. Он там быстро найдет свою смерть.

– Господин, Макс любит волочиться за женщинами и пить, и фуриям известно, как хорошо я это знаю. Иногда он пьет вино, смешанное с возбуждающими веществами. Но

он... он себя контролирует.

– Это не имеет отношения к тому, может он себя контролировать или нет, – заявил Магнус. – Кое-кому гораздо легче организовать несчастный случай, если он будет лежать, одурманенный наркотиками или вином, в борделе вместо того, чтобы следить за возможным ударом ножа в спину.

– От его мачехи?

– Осторожно! – сказал Магнус, оглядываясь по сторонам. – Макс когда-нибудь рассказывал тебе о своей семье?

– Нет, – ответил Тави. – Но шрамы на его спине говорят о многом.

Магнус покачал головой:

– Максимус – незаконнорожденный, но признанный сын консула Антиллуса. Консул женился через три года после рождения Максимуса, и это был брак, заключенный по политическим соображениям.

– Госпожа Антиллус, – сказал Тави.

– У них родился Красс, – продолжал Магнус.

Тави нахмурился:

– Она думает, что Макс может угрожать Крассу?

– Максимус популярен в северных легионах, и у него хорошие отношения с одним консулом. Он очень одаренный заклинатель фурий и к тому же может стать одним из лучших фехтовальщиков в истории Алеры, а еще он завел много друзей в Академии.

– Да, он вел себя дружелюбно, – кивнул Тави. – Однако я

не уверен, что он может назвать друзьями большинство тех, с кем проводил время в Академии.

– Ты будешь удивлен, когда узнаешь, как часто союзы заключаются между бывшими любовниками, – ответил Магнус. – Если по существу: Макс находится в дружеских отношениях с пажом Первого консула, а еще всем известно, что из него получится отличный командир.

– Но Макс не хочет быть консулом, – заметил Тави. – У него и на полчаса не хватит терпения. И он это прекрасно знает.

– Тем не менее, – сказал Магнус, – у него появились союзники. И он обладает влиянием в нескольких легионах, а также среди патрициев, часть которых принадлежит к свите Гая. Забудь о своих дружеских связях с ним, думай о Максимусе как о независимой задаче. Что произойдет, если он захочет стать консулом?

Тави собрался возразить, но обдумал все варианты, сделал естественные логические выводы, вспомнил о примерах из истории, о которых узнал, когда учился профессии курсора в Академии.

– Он сможет им стать, – задумчиво сказал Тави. – Если что-то случится с Крассом, Макс станет единственным кандидатом. Но даже если нет, но легионы Антиллуса предпочтут Макса младшему брату, если он получит поддержку других консулов, все этим и завершится. У него не возникнет серьезных трудностей.

– Совершенно верно.

– Но он этого не хочет, мастер. Я его знаю.

– Ты знаешь. – Магнус вздохнул. – А его мачеха – нет. И это далеко не первый несчастный случай с молодым Антилларом.

Они уже совершили небольшой круг по лагерю и вернулись к палатке целителей. Одновременно к ней с другой стороны приближались госпожа Антиллус и Красс.

– Макс ее боится, – пробормотал Тави.

– У нее было много времени, чтобы заставить Максимуса бояться, – кивнул Магнус. – Она обладает удивительно острым умом, мой мальчик. Могущественна, коварна, мастерски плетет интриги. Ее врагов не раз постигали самые разнообразные несчастья, но найти доказательства не удалось ни разу, и на ее руках не осталось ни капли крови. Едва ли во всей Алере есть такие же опасные люди.

– У нее знакомое лицо, – задумчиво проговорил Тави. – У меня такое впечатление, что я должен ее знать.

Магнус кивнул:

– Многие говорят, что ее племянник Бренсис невероятно на нее похож.

Тави стиснул зубы.

– Калар.

Магнус снова кивнул:

– Она младшая сестра консула Калара, единственная из всех его братьев и сестер, кому удалось уцелеть.

Тави потряс головой:

– И отец Макса на ней женился?

– Как я уже говорил, это политический брак. – Магнус смотрел на приближающихся госпожу Антиллус и ее сына. – Я сомневаюсь, что она нравится консулу Антиллусу больше, чем Макс. А теперь, юный Сципио, я ухожу, чтобы помочь Сирилу, к тому же у меня полно других дел. Полагаю, тебе придется развлекать госпожу и ее сына до тех пор, пока Макс не поправится и не сможет ей противостоять при свидетелях.

Тави поморщился:

– Я не слишком хорошо умею улыбаться и очаровывать людей.

– Перестань. Ты верный слуга Алеры, Сципио. Я уверен, ты справишься. – Магнус ухмыльнулся и прошептал: – Будь осторожен. – Он отсалютовал Тави и скрылся за спинами легионеров.

Тави посмотрел ему вслед и перевел взгляд на госпожу Антиллус и ее сына. Она была одета в платье голубых и синих тонов Антиллы. Макс однажды заметил, что цвета городов выбираются на основе оттенков кожи... тех ее частей, которые открыты зимой и осенью, соответственно. С эстетической точки зрения платье удивительно удачно подчеркивало лицо госпожи Антиллус, волосы и фигуру. Однако Тави подумал, что синий цвет делает ее кожу слишком бледной, словно она манекен, а не живой человек.

Она в чем-то убеждала Красса, не слишком громко, но на-

стойчиво. Ее сын был в коричневой тренировочной тунике легионера, но сверху он надел доспехи – знак уважения к человеку, который появился в легионе совсем недавно. Лишь самые многообещающие рекруты получали доспехи. Или те, кто имел солидные связи. Впрочем, у Тави не было оснований бросать камни в чужой огород. Красс хмурился, а потому выражение его лица казалось скорее обиженным, чем грозным.

– Я не понимаю, почему мы не можем просто покончить с этим, – говорил он.

– Мой дорогой малыш, у тебя разум козла, – резко ответила госпожа Антиллус. – А у меня немалый опыт в подобных вопросах. С такими вещами нельзя спешить. – И она положила руку на плечо Красса, заставив его замолчать, когда к ним подошел Тави.

– Добрый день, сиятельная госпожа, – сказал Тави, поклонившись и одновременно прижав кулак к сердцу. Он кивнул Крассу. – Дон Красс.

Красс отсалютовал Тави, ударив кулаком по доспехам:

– Помощник трибуна.

Госпожа Антиллус едва заметно наклонила голову, скользнув по Тави равнодушным взглядом.

– Я хотел спросить вас, сиятельная госпожа, – начал Тави, – мне рассказали, что тренировки для наших рыцарей-новичков оказались слишком тяжелыми. И я подумал, быть может, нам следует добавить молоко или сыр в рацион

молодых рыцарей, если они слишком часто ломают кости.

– Что ж, возможно, идея неплохая, – без особой радости согласилась госпожа Антиллус.

– Мы будем благодарны, – вежливо сказал Красс.

Его тон оставался нейтральным.

– Вы будете рады услышать, что Максимус поправляется, – сказал Тави, вежливо улыбаясь. – Более того, несколько минут назад он встал, чтобы одеться.

Госпожа Антиллус нахмурилась и посмотрела в сторону палатки:

– В самом деле? Он полностью пришел в себя?

– Насколько я в состоянии оценить, сиятельная госпожа, – ответил Тави. – Как я понял, командир намерен его навестить и проверить, как он себя чувствует.

– Неужели? – холодно спросила госпожа Антиллус; она даже перестала притворяться вежливой.

– Он очень серьезно относится к благополучию своих легионеров, – сказал Тави, стараясь не реагировать на ее тон.

– Как мать заботится о сыне, я полагаю? – пробормотала она и посмотрела на Красса. – Быть может, нам следует немедленно отправиться...

– А еще я хотел у вас спросить, – заговорил Тави, не дожидаясь, когда она закончит фразу. – Максимус получил довольно необычное ранение, ведь настоящей схватки не было. Целители из легиона, где я служил прежде, обычно давали пациентам крепкое вино и сырое мясо после ранений, кото-

рые сопровождалась большой потерей крови, но я читал работы и других целителей, предпочитающих травяной чай и овощи.

– И кого ты читал?

– Трактат консула Пласидуса об обычных ранах, полученных во время сражений, и об осложнениях, сиятельная госпожа.

Она закатила глаза:

– Пласидусу следует ухаживать за коровами, предоставив лечить разумных существ тем, кто в этом разбирается.

Тави нахмурился и склонил голову набок:

– Я вас не совсем понял, госпожа.

– Начать с того, что Пласидус редко лечил серьезные ранения. Его услуги обычно использовались кратковременно, и пища его пациентов отображает этот факт. Травяные настои хороши для людей, которые едят свежее мясо почти каждый день, но для легионеров, питающихся вяленым мясом и сухарями, требования к еде... – Она прищурилась, посмотрела на Тави и небрежно махнула рукой. – Впрочем, едва ли Максимус страдал от зимних лишений. Давайте ему самую доро... самую полезную пищу.

– Да, сиятельная госпожа, – сказал Тави, склонив голову. – Мне нужно знать еще что-нибудь о том, как за ним ухаживать?

– Помощник трибуна... – произнесла госпожа Антилус. – Если бы я не была уверена, что это не так, мне бы по-

казалось, что вы пытаетесь помешать мне навестить моего приемного сына.

Тави приподнял брови:

– Сиятельная госпожа? Я даже не представляю, о чем вы говорите.

Она одарила его холодной, чопорной улыбкой:

– Я уверена, что ты не понимаешь, с чем играешь, Сципио. – Она посмотрела на палатку и вновь перевела взгляд на Тави. – Как давно ты знаком с Максимусом?

Тави изобразил ту самую веселую улыбку, которую приберегал для тети Исаны, когда она задавала ему многозначительные вопросы и использовала магию, чтобы получить дополнительную информацию, не довольствуясь его ответами. Тави научился блокировать ее магию еще до того, как ему исполнилось тринадцать. И сейчас он не собирался допускать госпожу Антиллус в свой внутренний мир.

– Сезон или что-то вроде того. Мы вместе прибыли сюда из столицы.

Она прищурилась, и на ее лице появилось озабоченное выражение.

– Вы стали очень близки за такой короткий срок.

Тави решил добавить немного правды, чтобы окончательно все запутать.

– По пути сюда на нас напали вооруженные разбойники. И мы вместе от них отбились.

– О, и это вас объединило, – сказала она. – А ты уверен,

что вы не встречались раньше?

– Милостивая госпожа? – произнес Тави. – Я уверен, Макс не из тех, кого можно забыть.

Красс негромко фыркнул.

Госпожа Антиллус бросила на сына свирепый взгляд и снова повернулась к Тави:

– Мне рассказали, что он был близок с пажом, который служит Первому консулу.

– Вполне возможно, сиятельная госпожа, – не стал спорить Тави. – Но вам лучше спросить об этом у него.

– В самом деле? – не унималась госпожа Антиллус. – А ты уверен, помощник трибуна, что ты не тот самый юноша из Кальдерона?

– Я находился там всего неделю до сражения, сиятельная госпожа. После этого я обосновался в городке Марсфорде, примерно в двадцати милях к югу от Ривы.

– Так ты не Тави из Кальдерона? – прямо спросила она.

Тави пожал плечами и улыбнулся:

– Сожалею.

Она улыбнулась ему в ответ, оскалив зубы:

– Ну что ж, тогда все понятно. А теперь, будь добр, помощник трибуна, разведи костер.

Тави почувствовал, как дрогнула его улыбка.

– Прошу прощения?

– Костер, – сказала госпожа Антиллус, словно говорила с деревенским идиотом. – Я думаю, травяной чай нам всем не

помешает, если Максимус пришел в себя и встал. Ты обладаешь базовой подготовкой заклинателя фурий. Я видела твоё досье. Итак, помощник трибуна Сципио, разведи костер.

– Мама, я сам... – начал Красс.

Она сделала резкий жест рукой, и её улыбка стала ещё шире.

– Нет, дорогой. Ведь мы легион, верно? Я отдала Сципио законный приказ. И он должен выполнять приказы. Как и все мы.

– Зажечь огонь? – спросил Тави.

– Всего лишь немного огненной магии, – кивнув, подтвердила она. – Давай, помощник трибуна.

Тави прищурился, посмотрел на неё, потом на солнце и закусил губу.

– Я буду с вами честен, сиятельная госпожа. Заклинание огня не самое сильное мое умение. Я не практиковался с тех пор, как сдавал экзамены.

– О, не нужно себя недооценивать, Сципио. Ведь ты не какой-нибудь извращенец, совсем не владеющий заклинанием фурий.

Тави заставил себя улыбнуться как можно естественнее:

– Конечно нет. Но это может занять некоторое время.

– О, – сказала она, слегка приподнимая юбки и отступая на несколько шагов от костра, где все было приготовлено, оставалось лишь разжечь огонь. – Я дам тебе побольше места.

– Благодарю вас, – сказал Тави.

Он подошел к кострищу, присел на корточки и вытащил нож. Затем взял самое тонкое поленце и быстро настругал щепок.

Тави поднял взгляд и обнаружил, что леди Антиллус наблюдает за ним с расстояния в десять футов.

– Не отвлекайся, – велела она ему.

Тави улыбнулся, потер руки о бедра, прищурился и протянул ладони к щепкам.

У него за спиной из палатки вышел Макс и направился к ним. Его шаги становились все более громкими.

– О, – заговорил он, и его голос показался Тави слабым. – Привет, мачеха. Что ты тут делаешь?

– Наблюдаю, как твой друг Сципио демонстрирует свои навыки в заклинании фурий огня, Максимус, – улыбаясь, ответила она. – Только не нужно ему помогать и все портить. Не лишай его шанса показать, на что он способен.

Макс слегка сбился с шага, но продолжал идти вперед.

– Ты не веришь в его способности в заклинании фурий огня?

Казалось, госпожа Антиллус с трудом сдерживает смех.

– Извини, дорогой. Иногда я нуждаюсь в том, чтобы моя вера в людей получила подтверждение.

– Сципио... – начал Макс, понизив голос.

– Отстань, Макс, – прорычал Тави. – Разве ты не видишь, что я пытаюсь сосредоточиться.

Наступило короткое молчание, и Тави представил, как Макс стоит у него за спиной, разинув рот. Затем он расправил плечи, негромко крикнул, и над стружками появился дымок.

Тави наклонился вперед и подул на искорку, осторожно подложил еще несколько щепок, потом кусочки дерева побольше, пока огонь не разгорелся окончательно. Тави вытер ладони о штаны и встал.

Госпожа Антиллус смотрела на него, и самодовольная улыбка стыла у нее на губах.

Тави поклонился и улыбнулся в ответ:

– Я принесу воды для чая, сиятельная госпожа.

– Нет, – сказала она, и ее голос прозвучал четко и немного слишком учтиво. – Все в порядке. Я только что вспомнила про одно дело. А Крассу пора возвращаться в свою когорту.

– Но... – начал Красс.

– Немедленно! – рявкнула госпожа Антиллус.

Она холодно посмотрела на Макса и бросила злобный взгляд на Тави.

Фальшивая улыбка Тави исчезла. Он вдруг вспомнил бледное лицо Макса и розовую от его крови воду. И в мгновение ока все предстало перед ним с болезненной остротой и ясностью: множество шрамов на спине его друга, следы жестоких ударов, нанесенных металлом и стеклом. Чтобы на теле остались такие шрамы, Макс должен был их получить еще до того, как овладел своими фуриями, до двенадцати

лет. Или даже раньше.

И виноваты в этом были госпожа Антиллус и ее сын.

Тави понял, что начал хладнокровно планировать. Госпожа Антиллус обладала могучими фуриями, значит первый удар предназначается ей. Если ему не удастся прикончить ее сразу, она может мгновенно атаковать его в ответ и убьет, даже если сама потом умрет. Она стояла довольно далеко, но, пока она не ждет нападения, он успеет вонзить тонкий кинжал в ее горло и добраться до мозга. Затем он повернет клинок, чтобы рана стала шире, – и все, останется лишь разобратся с Крассом.

У молодого рыцаря нет опыта, и он не успеет отреагировать, чтобы спасти свою жизнь. Короткий удар в горло или глаз, и он испытает такую боль, которая не позволит ему защищаться. Тави успеет подхватить полено из разгорающегося костра («Это будет символический жест», – подумал Тави) и прикончит его ударом в висок.

И тут Тави замер.

Охватившая его ярость внезапно схлынула, и он ощутил сильную тошноту, словно холодный обед, съеденный прошлым вечером, устремился наружу. Он вдруг понял, что стоит под ярким утренним солнцем, смотрит на двух людей, которых едва знает, и планирует их убийство с таким же хладнокровием, как лев, подстерегший самку оленя и ее детеныша.

Тави нахмурился и посмотрел на свои ладони. Они слег-

ка дрожали, и он отбросил кровожадные мысли, овладевшие им на несколько мгновений. Ему случалось прибегать к насилию по отношению к другим людям. Он дрался со своими сокурсниками по Академии, которые всячески издевались над ним. Тави причинял им серьезный вред, но тогда у него не оставалось другого выбора. Потом он всегда чувствовал себя отвратительно. А сейчас он хладнокровно планировал жестокое убийство. Ему стало страшно.

Но самым страшным было то, что он не сомневался: ему по силам довести дело до конца.

Однако вне зависимости от того, являются ли шрамы на теле Макса делом рук госпожи Антиллус и ее сына, и какую бы обжигающую ярость Тави ни испытывал, их смерть не заставит исчезнуть раны Макса, не говоря уж о последствиях, которые ждут самого Тави, а также Первого консула.

Нет, госпожа Антиллус не из тех врагов, на которых можно напасть и уцелеть самому. Ее следовало победить другими средствами, а если то, что сказал Магнус, правда, она очень серьезный противник.

Тави слабо улыбнулся. Он также умел быть опасным. В мире есть не только фурии и клинки и нет неуязвимых врагов. Ведь ему удалось обратить против госпожи Антиллус ее же собственное оружие. Если он сумел обмануть ее однажды, значит сделает это еще раз.

Госпожа Антиллус наблюдала за Тави, пока у него в голове роились эти мысли, и, казалось, не знала, как реагировать

на изменившееся выражение его лица. В ее глазах появилось смутное беспокойство. Возможно, охваченный гневом Тави позволил части своих эмоций вырваться наружу. Не исключено, что она почувствовала его желание причинить ей вред.

Она взяла сына за руку, молча повернулась и пошла прочь, гордо выпрямив спину и не оглядываясь назад.

Макс потер ладонью коротко подстриженные волосы:

– Ладно. Но, вóроны, что все это значило?

Тави бросил тревожный взгляд в сторону ушедшей госпожи Антиллус и повернулся к Макс:

– Она решила, что я был знаком с тобой в Академии.

Макс вздохнул, сделал короткое движение рукой, и Тави ощутил легкое давление на уши.

– Вот так, – проворчал Макс. – Теперь она не сможет нас подслушать.

Тави кивнул.

– Ты ей солгал прямо в глаза, – сказал Макс. – Проклятье, как тебе удалось?

– Практика, – сказал Тави. – Моя тетя Исана – сильная заклинательница фурий воды, и у меня были причины научиться этому еще в детстве.

– Людей, способных проделывать подобные штуки, совсем немного, Кальдерон. – Макс указал на огонь. – Вóроны, как тебе удалось его разжечь? Ты что-то от меня скрывал?

Тави улыбнулся, сунул руку в карман и показал Макс ладонь:

– Хороший солнечный день. Старый римский трюк.

Макс посмотрел на стекло, хрипло кашлянул и покачал головой:

– Вóроны. – Его лицо порозовело и плечи затряслись от с трудом сдерживаемого смеха.

– Она пыталась услышать твою фурию. Но ей это не удалось. Однако ты разжег огонь. Ей и в голову не могло прийти... – И он наконец расхохотался таким знакомым Тави оглушительным смехом. – Пойдем, Сципио. Давай найдем какую-нибудь еду, пока я не рухнул на землю от голода.

Тави убрал стекло.

– Это последняя трапеза для меня, – проворчал Тави. – Гракх намерен засунуть меня по колено в дерьмо, как только узнает, что я больше не сижу с тобой.

– Славная офицерская жизнь, – сказал Макс.

Он повернулся и решительно зашагал в сторону офицерской столовой, но едва не потерял равновесие.

Тави мгновенно оказался рядом и поддержал его:

– Спокойно, Макс. Ты едва уцелел.

– Со мной все будет в порядке, – слегка задыхаясь, сказал Макс. Покачав головой, он зашагал дальше. – Я поправился.

– Да, так и будет, – кивнул Тави. Немного погодя он добавил: – Она не умнее всех, Макс. Ее можно победить.

Макс искоса и изучающе посмотрел на Тави.

– Вóроны, – наконец заговорил он. – Если у тебя получилось, значит это не так уж трудно.

– Я должен перестать тебя вдохновлять, – вздохнул Тави. – Но я буду прикрывать твою спину. Мы что-нибудь придумаем.

Они прошли еще несколько шагов.

– Или она убьет нас обоих, – тихо сказал Макс.

Тави фыркнул:

– Я сам с ней разберусь, если ты не хочешь с ней связываться.

Брови Макса полезли вверх. Он потрянул головой и тихонько стукнул кулаками по доспехам на груди Тави. Сталь мелодично загудела.

– Ты это так не оставишь, – сказал он.

– Проклятье, ты совершенно прав, – ответил Тави. – Ладно, пошли поедим.

И он зашагал рядом с другом, готовый подхватить его в любой момент, если Макс снова потеряет равновесие.

По спине Тави пробежала дрожь, когда он краем глаза заметил, как вслед им смотрит госпожа Антиллус. Она даже не пыталась это скрыть. Холодный, спокойный взгляд голодной кошки, но на сей раз она следила за ним, а не за Максом.

Глава 10

– С особой гордостью и огромным удовольствием я представляю вам первую домину в истории Алеры, – сказала госпожа Аквитейн, обращаясь ко всем собравшимся членам Лиги Дианы. – Пожалуйста, поприветствуйте Исану из Кальдерона.

Общественный театр Цереры был заполнен до отказа, собралось четыре тысячи человек, хотя членами Лиги Дианы – организации, объединяющей известных патрицианок Алеры, – являлись не более половины. Лишь немногие женщины из присутствующих имели титул ниже графского. Возможно, около двухсот получили гражданство в результате формальной дуэли или служили в легионах, в основном в качестве рыцарей, хотя полдюжины являлись рядовыми legionarii, скрывавшими свой пол до тех пор, пока они не доказали, что умеют сражаться.

Из всех присутствующих одна лишь Исана получила свой титул в результате законного назначения, не имеющего отношения к насилию или военной службе. В истории Алеры она оказалась единственной такой женщиной.

Остальные присутствующие были мужчины, члены движения за отмену рабства, в том числе дюжина сенаторов и членов организации воинствующих аболиционистов Цереры. Эта организация долгие годы преследовала работоргов-

цев и рабовладельцев в городе. Недостаточно осторожные работоторговцы нередко встречали здесь свою смерть: их находили подвешенными на воротах загонов для рабов на своих собственных кандалах, задушенными своими собственными цепями. Пожилой консул Церерус Вентис, хотя и был законным главой города, не пользовался уважением этой организации и ее последователей, однако у него не хватало мужества обрушить на них всю силу закона, а потому насилие в городе не прекращалось.

Все остальные собравшиеся были либо шпионами, которые работали на Консорциум работоторговцев, либо любопытными зеваками. В театр мог свободно войти любой гражданин государства.

Толпа принялась аплодировать, и их эмоции ударили в Исану, точно первые волны океанского прибоя. Она на мгновение закрыла глаза, готовясь к удару, потом встала, улыбнулась и шагнула вперед, к подиуму, на котором стояла госпожа Аквитейн.

– Благодарю вас, господа, – сказала она, и ее голос прозвенел над рядами собравшихся. – Один человек сказал мне, что произнесение речи подобно ампутации конечности. Лучше всего закончить быстро и безболезненно. – Послышался вежливый смех. Исана подождала, пока восстановится тишина. – Институт рабства – пятно на всем нашем обществе. Злоупотребления становятся невыносимыми, механизмы легальной защиты перестают работать. Все присутствующи-

щие здесь знают, что это правда.

Она глубоко вздохнула:

– Но далеко не все из присутствующих становились жертвами работорговцев, вас не захватывали в рабство с нарушением закона и против вашей воли. Со мной такое случилось. – Она бросила взгляд на госпожу Аквитейн. – Чувствовать себя беспомощной ужасно. Видеть... – Она сглотнула. – И видеть, что творится с женщинами, попавшими в такое положение. Я не верила в слухи, пока это не произошло со мной. Пока я сама не стала свидетельницей невероятных ужасов. – Она снова повернулась к аудитории. – Эти истории похожи на кошмары. Но они правдивы. Во время нашей встречи вы услышите показания освобожденных рабов, мужчин и женщин, их рассказы о чудовищных преступлениях, которым нет места в обществе, живущем по законам. Мы получили уникальную возможность уничтожить страшную болезнь, очистить гниющую рану, изменить нашу страну к лучшему. У нас есть обязательства перед другими алеранцами, перед собой и нашими потомками. Сенаторы, граждане, я прошу вас поддержать предложение госпожи Аквитейн об отмене рабства. Вместе мы сможем снова объединить наш народ.

Она сделала шаг назад и поклонилась. Зрители начали вставать, раздались оглушительные аплодисменты. Одобрение захлестнуло Исану новой волной эмоций, и она с трудом удержалась на ногах. Исана знала, что не владеет ораторским

искусством, но не сомневалась, что предложение госпожи Аквитейн будет поддержано. Речь и ее публичное одобрение в конце долгой встречи – всего лишь обычная формальность.

Исана уселась на свое место, и на подиум поднялся сенатор Пармос, чтобы усилить эффект от речи Исаны. Пармос был талантливым оратором, мастером незаметной магии, воздействующей на эмоции. Не приходилось сомневаться, что он легко завладеет толпой на час или даже больше.

– Очень хорошо, – прошептала госпожа Аквитейн, сидевшая рядом с Исаной. – У вас природный талант.

Исана покачала головой:

– Даже если бы я каркала, как ворона, они бы все равно меня поддержали.

– Вы себя недооцениваете. В вас есть... цельность. Да, пожалуй, данное слово подходит лучше всего. Ваша речь показалась мне искренней. И это придало ей дополнительный вес.

– Она не просто показалась искренней. Она *была* искренней, – сказала Исана. – А вот цельность я утратила. Я продала ее три года назад.

Госпожа Аквитейн одарила ее холодной улыбкой:

– Какая искренность.

Исана коротко кивнула, но не подняла на нее глаз.

– Это выступление исчерпывает мои сегодняшние обязанности?

Госпожа Аквитейн приподняла бровь:

– А в чем дело?

– Я встречаюсь с братом за ужином у Ворелло.

– Очень хороший ресторан, – заметила госпожа Аквитейн. – Вам понравится. Мы уже почти закончили наше путешествие. У меня остались одна-две встречи перед возвращением в Аквитанию. Если потребуется ваше присутствие, я за вами пошлю.

– Хорошо, госпожа, – сказала Исана и сделала вид, что слушает выступление сенатора Пармоса.

Наконец его голос взлетел вверх в заключительном кренде, и аудитория радостно вскочила на ноги. Волна эмоций, разогретых речью и огненной магией сенатора, лишила Исану ориентировки, и у нее закружилась голова от нахлынувших чувств, возбуждающих и неприятных одновременно.

Исане было необходимо поскорее покинуть театр. Когда госпожа Аквитейн встала и начала прощаться, Исана выскользнула с подиума и направилась к боковому выходу. Давление чужих эмоций постепенно затихало по мере того, как она удалялась от театра. Она остановилась возле общественного сада с изящным фонтаном из черного мрамора, вокруг которого росли деревья и цветы. Весеннее солнце было горячим, но поднимающийся от фонтана туман и тени деревьев делали маленький сад прохладным и приятным местом. Она села на каменную скамью и прижала кончики пальцев к вискам, заставляя себя дышать медленно и глубоко.

ко.

– Я знаю, как вы себя чувствуете, – слышался сухой голос; Исана подняла голову и увидела высокую гибкую женщину с роскошными рыжими волосами, в темно-зеленом платье, сидевшую на соседней скамейке. – Дело в Пармосе, – продолжала та. – Он не успокаивается, пока аудиторией не овладевает экстаз. И мне не нравится его голос. Он слишком сладкий.

Исана улыбнулась и склонила голову:

– Сиятельная госпожа Пласида. Добрый день.

– Домина, – ответила госпожа Пласида с преувеличенной формальностью. – Если вы не против, я хочу с вами поговорить.

Исана заморгала:

– Сиятельная госпожа?

Та подняла руку:

– Я пошутила, домина. Это неформальная встреча. Вы не станете возражать, если я буду называть вас Исаной, а вы меня Арией?

– Не стану.

Госпожа Пласида коротко кивнула:

– Хорошо. Многие граждане слишком большое внимание уделяют привилегиям титула, забывая об элементарном выполнении долга. Я рада видеть, что вы к ним не принадлежите, Исана. – (Исана не знала, как ответить вежливо, поэтому просто кивнула.) – Я с огорчением узнала о нападении

на вас в особняке дона Недуса в тот вечер, когда мы познакомились.

Исана ощутила боль в нижней части живота, возле бедра. Рана от стрелы исцелилась почти полностью, однако от нее остался едва заметный шрам, маленький кусочек обесцвеченной кожи.

– Недус был хорошим человеком. А Серай оказалась настоящим другом. – Исана покачала головой. – Я бы хотела, чтобы все сложилось иначе.

Госпожа Пласида печально вздохнула:

– Так устроен мир. Когда все проходит, становится ясно, как следовало поступить, но вернуться назад невозможно. Мне будет не хватать Серай. Мы не были близки, но я ее уважала. И всегда получала удовольствие от ее умения подкалывать напыщенных индюков.

Исана улыбнулась:

– Да, я сожалею, что не успела получше узнать ее.

Они помолчали.

– Я познакомилась с вашим племянником во время Зимнего фестиваля, – неожиданно сказала госпожа Пласида.

– В самом деле? – спросила Исана.

– Да. Очень многообещающий юноша, так мне показалось.

Исана приподняла бровь и внимательно посмотрела на Арию.

– Но почему вы о нем заговорили? – осторожно спросила

она.

Госпожа Пласида отвела руку далеко в сторону, как будто собиралась что-то посеять.

— Он произвел на меня впечатление своим умом. Разумностью. Решимостью. И он очень воспитанный молодой человек. Я с неменьшим уважением отношусь к нескольким его друзьям. Можно многое сказать о человеке, глядя на окружающих его людей.

Исана уловила скрытый смысл в словах госпожи Пласиды и с благодарностью кивнула.

— Тави всегда отличался острым умом, — сказала Исана, не в силах сдержать улыбки. — Я бы даже сказала, слишком острым. Его всегда было трудно удержать.

— Его... состояние... — Ария сознательно выбрала наиболее мягкие слова. — Я никогда не слышала ни о чем подобном.

— Да, это до сих пор остается для меня загадкой, — согласилась Исана.

— Значит, ничего не изменилось?

Исана тряхнула головой:

— Очень многие люди не сделали ничего полезного при помощи своей магии.

— Совершенно справедливо, — согласилась Ария. — Вы долго пробудете в Церере?

Исана покачала головой:

— Еще несколько дней, не больше. Я слишком долго от-

существовала в своем домене.

Госпожа Пласида кивнула:

– Меня также ждут горы работы. И я скучаю по своему супругу. – Она покачала головой и улыбнулась. – Очень глупо с моей стороны, я ведь уже не девочка. Но это правда.

– Вовсе не глупо, – возразила Исана. – Скучать по близким людям нормально. Я не видела брата почти год. И с радостью навестила его здесь.

Ария улыбнулась:

– Должно быть, это дало вам возможность немного отдохнуть от того, что заставляет вас делать Инвидия.

Исана почувствовала, как по ее спине пробежал холодок.

– Я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

Госпожа Пласида бросила на нее лукавый взгляд:

– Исана, пожалуйста. Очевидно, ей удалось как-то вас зацепить, и вам это не нравится.

Строго говоря, Исане следовало все отрицать. Часть ее соглашения с госпожой Аквитейн состояла в том, чтобы поддерживать ее публично. Но едва ли их разговор можно было назвать публичной дискуссией. Поэтому Исана промолчала.

Госпожа Пласида улыбнулась и кивнула:

– Исана, я знаю, каким трудным может быть такое положение. Если у вас возникнет желание с кем-нибудь поговорить или если ситуация изменится к худшему, я бы хотела предложить вам свою поддержку. Я не знаю деталей, поэтому мне неизвестно, в каком виде возможна моя помощь, но

я в любом случае могу вас выслушать и предложить совет.

Исана кивнула.

– Вы... очень добры, – осторожно сказала она.

– Или пытаюсь вами манипулировать, чтобы получить информацию, верно?

Исана невольно улыбнулась:

– Ну, этого нельзя исключать.

– Иногда мне надоедает ходить вокруг да около, – объяснила Ария Пласида.

Исана кивнула:

– Если предположить, что вы искренне предложили мне помощь, почему вы это сделали?

Ария склонила голову набок и моргнула. Потом взяла руку Исаны и заглянула ей в глаза:

– Потому что она может вам понадобиться, Исана. Потому что вы кажетесь мне достойным человеком, оказавшимся в незавидном положении. Потому что по ребенку, которого вы вырастили, я могу судить, что вы человек, достойный моего уважения. – Она пожала плечами. – Конечно, я совершаю недостаточно аристократичный и отстраненный поступок, но это правда.

Исана смотрела на госпожу Пласиду с растущим удивлением. Прикосновение ее руки позволило Исане ощутить абсолютную правдивость ее слов. Госпожа Пласида еще раз посмотрела ей в глаза и кивнула, прежде чем убрать руку.

– Я... я благодарю вас, – сказала Исана. – Спасибо вам,

Ария.

– Иногда бывает достаточно одной только мысли о том, что помощь близка, – тихо сказала та.

Потом Ария прикрыла глаза, склонила голову в легком поклоне, вышла из маленького сада и неспешно зашагала по улице Цереры.

Исана посидела еще немного, наслаждаясь журчанием фонтана и прохладой в тени деревьев. За последние три года она устала выполнять свои обязательства перед госпожой Аквитейн. Ей приходилось совершать неприятные поступки, но более всего угнетала собственная беспомощность. Во всей Алере было совсем немного столь же могущественных людей, как жена консула Аквитейна.

Первый консул, естественно, не мог быть источником поддержки и утешения. Его действия давали это понять с предельной ясностью. А если исключить Гая, то существовало менее двух десятков людей, чье влияние было сравнимо с влиянием госпожи Аквитейн, к тому же многие из них заключили с ней союз. Оставалась лишь горстка тех, у кого имелась возможность и желание встать на пути Инвидии Аквитейн.

И одной из них была сиятельная госпожа Пласида.

Разговор с Арией, ее предложение принесли Исане облегчение, как глоток холодной воды в жаркий день. Ее удивила собственная реакция. Ария ничего не сделала, лишь произнесла несколько ни к чему не обязывающих слов во вре-

мя случайной встречи, она не взяла на себя никаких обязательств. Однако Исана ощутила искренность в ее голосе и поведении, уловила сочувствие и уважение к себе.

Однажды у Исаны возник похожий контакт с госпожой Аквитейн. Исана почувствовала, что та говорит правду, но тогда она воспринимала ее совсем не так. Обе женщины были склонны держать свое слово, но то, что у Арии было прежде всего прямотой и искренностью, у госпожи Аквитейн являлось результатом холодного расчета и интриг, направленных на достижение собственных интересов. Госпожа Аквитейн была настоящим мастером переговоров, а чтобы вести переговоры, нужна репутация человека, умеющего выполнять свою часть сделки, а для этого следует иметь соответствующую репутацию и держать свое слово. Она всегда платила по счетам и, что более важно, была полна решимости получить то, что ей причиталось. Ее честность основывалась на системе подсчета долгов и обязательств, а не на понятиях добра и зла.

Именно это и делало госпожу Аквитейн такой опасной, и Исана вдруг поняла, что боится своего патрона – и не только из-за того, что та могла причинить зло тем, кого Исана любила. Нет, Исана сама до ужаса боялась госпожи Аквитейн.

Прежде она этого не понимала. Точнее, не позволяла себе понять. Простая поддержка со стороны Арии создала новые возможности в будущем. Быть может, именно такое предложение и нужно было Исане, чтобы взглянуть в глаза терзав-

шему ее страху. У нее вновь появилась надежда.

Она содрогнулась и прижала ладони к лицу. Из глаз брызнули слезы, но Исана даже не пыталась их унять. Она сидела в тишине и покое маленького сада, и часть ее горького страха ушла вместе со слезами. А когда они иссякли, она испытала облегчение. Нет, она не стала веселой и беззаботной, но что-то изменилось к лучшему. Будущее перестало быть холодным, каменным и темным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.